

Надежда Мамаева

ТЫ ЖЕ ВЕДЬМА!

ПРОЛОГ

Год 1330-й от пришествия драконов

— Слышь, Меч Властелина, — деловито заговорила белка, распушив свой хвост, — а вот скажи, кто больше на дворцовой службе получает: некромант или чернокнижник?

— Люлей, денег или тюремного срока? — устало уточнил маг, откинув голову на спинку кресла.

Белка... Эйта, Дарящая Безумие... Нет, он, конечно, слышал про нее, но никогда не думал, что придется увидеть воочию. И не только увидеть, но и услышать. И разговаривать. Из ночи в ночь, из ночи в ночь, опасно балансируя на краю разума. Вот и сегодняшняя беседа продолжалась уже не один удар колокола, почти с полуночи. Близился рассвет. Но просить рыжую исчезнуть было бесполезно. Пробовал. По-разному. И даже если эта самая просьба была подкреплена по всем правилам дипломатии: то бишь арбалетным болтом с серебряным наконечником. Результат был нулевым.

Эйта приходила каждый день, точнее, ночь, чтобы свести с ума того, кто еще несколько седмиц назад был Карающим Мечом, хранителем жизни императора. Тем, чьей тени боялись не только во дворце, но и во всей империи.

Именно был, служил. И по долгу службы принял на себя проклятие, уготованное его господину. Ныне оно в обличье рыжей белки точило, как ржа железо, разум Эрриана. Эти разговоры о ерунде изматывали мага.

— А бывает, что всего и сразу? — продолжала допытываться белка.

— Может, и бывает... — пожал плечами маг, глянув в темень за окном. — Но я на своем веку такого не припомню.

— Не припомнит он, — пробурчала белка. — Да и какой там «век»?! Ты еще жизни-то не нюхал.

Маг усмехнулся. Жизни не нюхал. Говорить это тому, чья голова поседела вовсе не от возраста. Тому, кто за свои десять лет службы предотвратил больше сотни покушений, участвовал в раскрытии нескольких заговоров, подавил три восстания. Вот наглое создание!

— И не щурься на меня презрительно, — фыркнула белка. — Тебе сколько? Чуть больше тридцати? А еще не женат. Тещи на тебя нет! И кучи детей в придачу! И выплат по закладной за дом! Вот имел бы жену, два ведра мелких отпрысков и долги — мигом бы с ума сошел. Как миленький! С радостью бы побежал. А то сидит тут, ухмыляется, весь график мне сбивает!

Рыжая встала на задние лапы, воинственно распушив хвост, уперла передние в бока и скомандовала:

— А ну, быстро проваливайся в шизофрению! Кому сказала?!

— Я проваливался только в Бездну. Кстати, не хочешь туда со мной? — Эрриан изогнул бровь.

Нелюбовь белки к Мраку он заметил недавно и теперь беззастенчиво топтался по ее больной мозоли.

— Нет уж, спасибо, — насупилась Эйта.

— И чем, позволь узнать, тебе не по нраву Бездна? — спросил маг. — Там хорошо, темно.

— Там демоны, — нехотя буркнула белка.

— Дарящая Безумие испугалась сынов Мрака?

— Сынов я не боюсь, некоторые из них даже вполне симпатичные, но вот с одной дочерью... Глаза бы эту белую и ушастую вовек не видели. Зар-р-раза! Увела у меня из-под носа такого шикарного мужика...

— Клиента? — заинтересовался Эрриан.

— Любо-о-овь, — печально простонала Эйта, а потом, вспомнив о своих прямых обязанностях, добавила: — Ну как, готов сойти с ума и не портить мне статистику?

— Нет, — улыбнулся ей маг.

— Да чтоб тебя архи сожрали, — в сердцах пожелала белка и растворилась в предрассветной дымке.

— Джером! — чуть громче произнес темный. — Можешь заходить. Она ушла.

Тот, кто стоял за дверью, услышал. Скрипнули петли, и в комнате появился надзиратель Эрриана, которому был отдан приказ убить бывшего преданного слугу императора, едва тот проявит первые признаки безумия. Такова была последняя милость владыки своему Мечу: позволить уйти по дороге вечного сна в твердой памяти.

Маг опустил руки на подлокотники кресла. Браслеты, запиравшие дар, звякнули заклепками. Он устал. За четыре седмицы он устал каждую ночь сопротивляться своему безумию.

— Эрриан, — Джером был серьезен, — твой дух силен. Но здесь, в столице, его легче сломить.

— Это приказ его темнейшества? — Маг внимательно посмотрел в бесстрастное лицо пожирателя душ, который был лет на десять старше его.

Сейчас, когда дар Эрриана был запечатан, Джером легко мог его убить.

— Пожелание. — Надзиратель чуть прикрыл глаза.

— Что же, пожелание императора — закон для его слуги.

— Его темнейшество снял с тебя клятву. Ты больше не принадлежишь ему душой и телом. Император лишь просит тебя почить от дел вдали от столицы и дарует земли, где отдых будет приятен и тих. Это удел Гейзлорру.

— Он рядом с Бездной? — уточнил Эрриан.

— Нет, рядом со Светлыми землями.

— Еще хуже! — фыркнул маг.

ГЛАВА 1

Я горела на костре. Пламя бодро облизывало мои ноги, жители городка так же бодро скандировали «Сжечь ведьму!», храмовник умильно смахивал слезу: в этом году он таки выполнил свой план по ведьмам, который до моего приезда в провинциальный Хеллвиль горел почище дров под моими подошвами.

В общем, все в лучших традициях инквизиции. Кроме одного: я была светлой магией. И пылала на бис уже третий раз за месяц!

Для первого сожжения меня в храмовых документах оформили как «одержимую демонами», для второго — как «проповедницу чернокнижного учения». И вот теперь жгли как ведьму. К слову, служитель богов заплатил мне за каждое из показательных выступлений по золотому. Неплохая прибавка к жалованью штатной магессы Хеллвиля! Да что там прибавка, я бы сказала — основной доход! Ибо ковен платил мне четверть сребрушки в месяц — ровно столько, чтобы сосланный сюда по распределению молодой маг не протянул ноги, а вот сбежать, купив место в дилижансе, не мог. Да-да, Хеллвиль — такая дикая глушь, куда не добирались не только летные лодки, но даже драконы. Приграничье, скованное первой поземкой. Темные дремучие места, в которых обитали светлые.

Здесь народ считал, что любую болезнь можно излечить молитвой. А если она не помогала, то настойкой. Причем не важно, что именно настаивать: корешки, ягоды, листья... Главное, чтобы не на собственном мнении, а на перваче. И чем тот ядренее, тем лекарство целебнее. А чем больше его доза, тем быстрее пройдет хворь. Местная хворь, к слову, была всего двух видов: телесная и душевная. Горожане страдали преимущественно от второй.

Из развлечений в городке имелась пара кабаков, куча сплетниц, проповеди храмовника каждую седмицу. Ну и, конечно, гвоздь программы — сожжение ведьмы! В общем, жизнь текла тихо, мирно, чинно и благородно.

Отрабатывая гонорар, я экзальтированно крикнула, что доберусь еще до горожан в целом и до отца Панфия в частности. Толпа ответила с энтузиазмом. Святой отец жутко обрадовался моему заявлению: у него в разрядке значилось еще одно «изгнание темных сил».

Все было выверено до вздоха. Вот сейчас он поднимет ладони к небу, размахивая рукавами своей парадной хламиды, и отвлечет толпу, я тут же брошу в огонь под ногами тертый порошок шкуры саламандры. Столб пламени взойдет ввысь на дюжину локтей, народ дружно ахнет, а я под прикрытием дымовой завесы вскочу на метлу. Маскирующий амулет, ловкость рук, желание жить и разбогатеть на целый золотой — и даже применения собственного дара не нужно. Светлого целительского дара, который, кстати, у меня почти исчез: осталась лишь искра, едва-едва тянущая на слабенькую единицу.

С таким даже рану не заживить. Разве что небольшой порез. Ну или занозу вытащить. Предел моих магически-целительских возможностей — остановить кровь из носа. Все. Но зато я отлично умела варить алхимические зелья, делать вытяжки, накладывать повязки. Прекрасно знала анатомию всех семи рас. Даже демонов! Правда, мужскую. С демоницами получился небольшой пробел.

А что? Кого во Мраке сумели отловить выпускники боевого факультета, строение того и изучали. Хотя спустя две седмицы усиленного лечения тот подопыт... — прошу прощения, — пациент с колотой раной на бедре сбежал обратно в Бездну. Даже без портков. Но у адептов целительского факультета осталось то, чего не отнять: знания. В том числе и лингвистические. Демон ругался знатно: забористо и с вдохновением.

Между тем пока Панфий задирает вверх руки согласно отработанному сценарию, над площадью раскатом грома прогрохотал низкий суровый голос:

— Что здесь происходит?

Два всадника на породистых скакунах стояли позади толпы. Оба в темных плащах, один — смуглый, с черными как смоль волосами, второй... Второй производил странное впечатление. Совершенно белые, словно снег под луной, волосы, молодое лицо и пронзительный взгляд. Вроде бы он и не кричал, но страшно стало всем.

Даже дворовому псу, который до этого момента радостно носился вокруг костра. Он испуганно присел на хвост и по-щенячьи описался. Отец Панфий, увы, такого позволить себе не мог. Хотя по глазам было видно, что хотел.

— Мы очищаем славный Хеллвиль от скверны, мессир, — не очень уверенно ответил он, убирая руки за спину и делая шаг назад.

Меня это отступление от сценария совершенно не устраивало. Я, демоны подери, вся горела. И не от страсти. Умирать молодой не хотелось. Молодой и без полученного за работу золотого — не хотелось вдвойне. Посему я решительно крикнула:

— Уважаемый! Езжайте, куда ехали, и не мешайте аутодафе!

Замерли все. И досточтимые горожане, и двое пришлых, и храмовник. Впрочем, последний опомнился быстро. Он снова взмахнул руками, готовясь прочесть псалом о низвержении исчадий Бездны обратно во Мрак. Пресвятому обычно отлично удавалась эта декламация. Особенно выразительным и зычным его голос становился на седьмой и двенадцатой строфах, где речь шла о прелюбодеянии и отпущении грехов. Но, увы, его опять перебил тот... лунный.

— Как представитель исчадий Тьмы, я протестую! — угрожающе произнес он.

— Протестуйте в другом месте! — вскипела я.

Подол юбки уже тлел, еще немного — и ткань вспыхнет пламенем, а они тут дебаты устроили.

— Вот-вот! — поддержал меня кто-то из толпы.

— Проваливай! — донеслось сразу с нескольких сторон.

— Поймай свою ведьму и казни ее как хочешь! А на нашу не зарься! — пророкотало над головами, легко перекрывая шум на площади.

Бас госпожи Йонфер был знатным. Она наверняка могла бы им подковы гнуть, если бы захотела. Она же хотела цветов и романтики, поскольку натуру имела нежную, ранимую и трепетную, несмотря на внешнюю мощь и габариты, с которыми проходила не во всякую дверь. Госпожа Йонфер носила изящные шляпки, что сидели чуть косо на ее голове, всегда стояла в первых рядах у моего костра и трогательно рыдала своим знаменитым басом на седьмой и двенадцатой строфах псалма.

— Никого ловить и поджигать в СВОИХ землях я не собираюсь, — отчеканил лунный, дернул поводья загарцевавшего коня, и тот встал на дыбы.

В своих землях?! Повисла тишина. Нехорошая такая. В подобные моменты говорят: сдох темный. Но вот конкретно сейчас могла запросто помереть одна светлая.

— Давайте сначала меня до конца сожжем, а потом будете упражняться в топографии, мать ее, дипломатии и богословии! — взмолилась я, пассом активируя свою метелку, которая лежала в полной полетной готовности на крыше ратуши. — Отец Панфий, начинайте же! Я очень хочу очиститься от грехов. Прямо мочи нет, как хочу!

— О исчадие Тьмы! — воодушевленно взвыл храмовник.

Толпа, которую едва не лишили главного зрелища, радостно вторила ему. Хламида отца Панфия развевалась под порывами стылого ветра. Горожане, кутаясь в платки и кожухи, замерли, ожидая чуда. Все прекрасно знали, что сейчас полыхнет пламя Бездны и пожрет свою дочь. А через седмицу можно будет как ни в чем не бывало снова постучаться в дверь дома спаленной недавно ведьмы, обнаружить ее в целостности и сохранности и попросить проклятия для стервы-соседки или согревающей настойки от простуды, или порошка бычьего корня для мужской силы.

Все собравшиеся этим промозглым утром на исходе осени знали сей ритуал. Только пришлые — нет. И все испортили.

— Джером, — бросил пепельно-лунный паразит своему смуглому спутнику.

Тот кивнул, и с его руки сорвался ледяной водоворот.

Ледяной, мать твою! Это в такую-то холодрыгу! Нет, конечно, пока я поджаривалась у столба, то не ощущала всех прелестей последних дней месяца санного первопутка. Но сейчас...

Под подошвами рассерженными змеями зашипели угли потухшего костра. Я вымокла вся. От рыжей макушки до ботинок, в которых захлюпала вода. Волосы сосульками свисали до пояса, ткань черного платья прилипла к телу так, что я чувствовала не то что порывы ветра, а даже насморк и сиплое дыхание зрителей из первого ряда.

Над площадью повисла тишина. И в той звенящей тишине я чихнула. Оглушительно. Так, что с ветки ближайшего дерева с криком взметнулись вороны и рванули в небесную высь. Правда, не все. Одна то ли глубоко задумалась, то ли была глуховата, то ли просто задремала. В общем, освобожденная ее товарками ветка спружинила, и ворона свалилась клювом вниз. Знатно припечатавшись о схваченную первыми морозами землю, она вдруг пришла в себя и с карканьем, в

котором мне отчетливо слышалось «кар-р-раул», тоже сиганула к тучам, что были готовы вот-вот разрешиться от снежного бремени.

Посадочно-взлетное безобразие происходило все в том же молчании. За вороной наблюдали и досточтимые жители Хеллвиля, и дуэт совсем недосточтимых приезжих, и я, недожденная ведьма. В носу вновь зачесалось, я еще раз чихнула. Ну да, была у меня такая особенность: я не умела делать это тихо.

Вот некоторые благородные лэриссы могли. Они и чихали, как мышки, ели, как птички, и спали, как... Да и в целом в правильной позе спали, не пинаясь и не сопя. Словно трупы в склепе. Может, набор малозвучных качеств шел в обязательном комплекте к статусу лэриссы? Или выдавался им при рождении вместе с золотой ложечкой? Увы, этого мне никогда не узнать, потому что во мне не текло ни капли голубой крови.

Я была дочерью целителя со скромным магическим даром, простого горожанина без титулов и наград, некогда выпускника Академии имени Кейгу Золотое Крыло, а ныне лекаря в Вейхоне — городе на севере империи. Моя матушка и вовсе родилась в семье скорняка. Зато у нее имелся дар, который, на мой взгляд, ничуть не уступал магическому: она умела торговаться. И делала это так вдохновенно и талантливо, что ни разу ничего не купила за полную цену. Даже когда темный торговец однажды приставил нож к ее горлу, все равно матушка торговалась. Шепотом, но торговалась и выбила-таки скидку на тот амулет.

Увы, ее дар мне не передан в полной мере в отличие от магии отца. Той было с лихвой. Все пять лет учебы в Северной Вейхонской академии магии я не жаловалась на свои восемь единиц дара. Вот только перед практикой вышла незадача...

— А теперь объясните мне, храмовник... — Голос лунного типа разорвал гнетущую тишину. — В чем виновна эта ведьма?

Отец Панфий замаялся. Потом смутился. И наверняка бы покраснел, если бы уже не был синим: ему рикошетом досталось от «ледяного водоворота».

— Она... Она... — выдал он спустя несколько мгновений, — ...греховный сосуд!

Да уж. Сомнительный аргумент, чтобы сжигать кого ни попадя. Мало ли кто какой сосуд. Даже в самом Панфии сейчас булькала минимум пинта вина со специями: попробуй в такую холодрыгу очищать души от скверны без подогрева.

Судя по выражению лица лунного, для него греховная сосудистость тоже не была веской причиной для казни. И он явно настроился на долгий и обстоятельный допрос.

Все ясно. Догореть мне сегодня все-таки не удастся. Принесли же демоны лунного со смуглым не вовремя! Эх, плакал мой золотой: рачительный храмовник если и заплатит, то половину. Стало быть, незачем мне тут стоять и клацать зубами! Высвободив руки из почти незатянутой на запястьях веревки (Панфий только для вида накинул), я отлепилась от столба. Сосуществование ведьмы с костра на землю получилось впечатляюще злым и хлюпающим.

— Господа, вы тут разбирайтесь в моих преступлениях и наказаниях, а я пока пойду в трактир тетюшки Брас. Погреюсь. Не цветень месяц на дворе, так и заболеть недолго. А с простудой на костер не полезу, — заявила я, зябко обхватив себя руками за плечи. — Даже не просите.

И в подтверждение своих слов оглушительно чихнула. Опять.

— А кого тогда сжигать будут, если ведьма уйдет? — подергал мать за подол мальчишка лет пяти.

Толпа загудела. Похоже, этот вопрос волновал не только его, но и большинство зрителей, пришедших на представ... — прошу прощения, — горожан, требующих покарать исчадие Тьмы.

— Можете вот их сжечь, — разрешила я, мстительно мотнув головой в сторону двух всадников. — Гореть они будут ничуть не хуже!

Отец Панфий, увы, не проникся выгодами сего предложения. Может, потому, что это были настоящие маги. Далеко не слабые. Смуглый точно имел немалый дар: чтобы так окатить «ледяным водоворотом», нужно минимум единиц шесть силы.

Я развернулась и, оставив гомонящую толпу за спиной, направилась к трактиру, что стоял на другом конце площади. Его вывеска маячила как раз за спинами всадников, к которым я приближалась. Но добраться до вожделенного тепла печи, горячего сбитня и запаха подкисшего пива мне не дали. Вернее, не дала. Одна наглая белка. Она вынырнула откуда-то сбоку, словно ошпаренная проскакала мимо меня по брусчатке и остановилась посреди площади аккурат перед копытами скакуна беловолосого мага. Развернулась оскаленной мордой к толпе, встала на задние

лапы и, раскинув передние в стороны, воинственно пропищала:

— Это мой клиент! И не смей его сжигать, четвертовать и вообще убивать, пока он не сойдет с ума!

Забавная рыжая. Слегка бешеная, но все равно забавная.

— И тебе привет, Эйта, — усмехнулась я.

Белка удивленно всмотрелась в мое лицо. Сначала у нее дернулся хвост, затем глаз, а потом она и вовсе непроизвольно попятилась, недоверчиво протянув:

— Магда?

— Узнала! — радостно ахнула я.

И даже руки для объятий распахнула, но в последний момент вспомнила, что я, вообще-то, замерзла, и... запахнула обратно.

— Да как же не узнать свой самый грандиозный провал! — в сердцах воскликнула рыжая.

— Ну-у-у... Не переживай ты так, Эй, — подбодрила я свою несостоявшуюся шизофрению. — Самый грандиозный провал у тебя еще впереди!

— Типун тебе на язык! — сплюнула рыжая.

Я почувствовала, как на кончике рабочего органа всех сплетниц начинает что-то назревать. Вот ведь... Ничего-ничего, в долгу не останусь!

— И у тебя чтобы все было здоровым: и холера, и блохи... — благословила я.

Последнее слово выговорила уже с трудом, но выговорила!

Белка тут же зачесалась.

— А я и забыла, какая ты ведьма, хоть и светлая!

— Фклероз! — удовлетворенно выдала я. — Хоть ты и ры...

Меня перебил пришлый: все тот же лунный, который испортил мое аутодафе, не дав договорить.

— Ты ее видишь? — удивился он, обращаясь ко мне.

— И вифу, и слыфу, — ворочая языком все медленнее, ответила я. — Даве пузо пофекотать могу!

И под протестующий визг белки тут же схватила ее под пушистое брюшко. Говорить с типуном на языке было тяжеловато, но я не могла отказать себе в удовольствии посмотреть, как изумленно вытягивается лицо лунного.

Я подмигнула ему, как ни в чем не бывало развернулась и с белкой в руке пошла к трактиру, на пороге которого стояла тетушка Брас. Она была очень практичной и никогда не закрывала свое заведение ради того, чтобы поглазеть на сожжение ведьмы. Ей и с крыльца было все неплохо видно. К тому же сразу после зрелища горожане начинали расходиться, и многие заглядывали сюда. Выпить кружечку-другую сбитня. А упускать клиентов тетушка Брас не любила.

Вот только она никак не ожидала, что этой самой клиенткой окажется насквозь мокрая, слегка подкопченная, но так и не догоревшая ведьма.

— Фего-нибудь погоряфее... — озвучила я заказ, поднимаясь по ступеням.

— На плиту ведьму, — хихикнула Эйта, пользуясь тем, что, кроме меня, ее никто из простых смертных не видит и не слышит. — Голой жо...

Я сжала пальцы. Рыжая пискнула и закашлялась, пряча смех.

Хозяйка, потерявшая дар речи, лишь кивнула и скрылась в глубине трактира. А спустя четверть удара колокола я наблюдала, куда зашли переговоры двух всадников и толпы досточтимых жителей Хеллвиля. За окном ветер проносил охапки жухлой листвы, пролетали первые льдистые, колкие хлопья снега и вопящие горожане. Отец Панфий пролетел аж два раза. Немудрено. Если попадешь в магический смерч, то не только два, но и все двадцать два круга нарежешь.

— Видимо, что-то в их беседе пошло не так, — задумчиво прокомментировала я.

Типуна на моем языке уже не было, как и блох на белке: две умные женщины всегда смогут

договориться, если перед тем не убьют друг друга.

— Мой нынешний клиент — отличный дипломат, — фыркнула белка, копошась в хвосте и выискивая там сор.

— Я поняла это еще тогда, когда храмовник первый раз заорал: «Помогите!», а градоначальник повис на шпиле ратуши, — насмешливо парировала я, отхлебнув еще сбитня, и перешла к главному: — Значит, ты тут по работе?

— Ну да, мне надо свести с ума Эрриана.

— И сколько он уже продержался? День? Два?

— Чуть больше месяца, — печально отозвалась рыжая.

— Ого, крепкий орешек, — присвистнула я.

В этот миг за окном, оседлав столб, на котором я так и не сгорела, с воплем пролетел главный дознаватель нашего городка в своем форменном мундире.

— Все равно я его расколю. — Белка ударила лапой по столешнице.

— Расколешь, расколешь. Твой клиент уже начал проваливаться в безумие, — подбодрила я. Подперла подбородок кулаком и пояснила: — Он заявил, что хозяин этих земель. Но здесь же Светлые земли.

— Если бы... Официально Хеллвиль — территория темных, — вздохнула Эйта.

Она отпустила свой хвост и с интересом принялась к тарелке с орехами. Те были обжарены до золотистого цвета, кое-где аппетитно коричневые, с маслянистыми бочками.

— Тогда какого демона градоначальник подал запрос в светлую академию, чтобы ему прислали целителя? — возмутилась я.

— К слову, о Свете и Тьме: ты-то почему в облике темной тут сидишь? — ухмыльнулась белка.

— Долгая история. — Я махнула рукой. — Давай сначала ты: что это еще за арх с землями, которые на всех картах империи отмечены как владения светлых.

— Может, на картах твоей империи они и отмечены как владения светлых, — передразнила рыжая, — но поверь мне, что эти верховые топи темные считают вполне своими.

Она таки цапнула самый пузатый и жирный орех.

— Не стоит, — предупредила я.

Но было поздно. Послышался скрежет металла о камень. Мне показалось, что посыпались искры. А потом я поняла: нет, не показалось. Потому что из пасти Эйты сверкнуло еще раз. Следом раздался звук праздничной трапезы дикого дракона — тот самый момент, когда ящер жрет рыцаря в полном доспехе.

Белка задумчиво похрумкала, а потом внезапно скривилась и выплюнула все на стол.

— Ты что ж меня не предупредила, что они прогорклые? — возмущенно завопила она, отфыркиваясь и пытаясь очистить язык передними лапами.

— То есть то, что они по мягкости как наковальня, тебя не смутило? Кстати, я предупредила, — невозмутимо возразила я.

— Ты просто сказала «не стоит»... — буркнула Эйта. — А надо было... — Она резко развела лапы в стороны, словно пыталась разорвать ткань мироздания и выпустить демонов из Мрака. И яростно заверещала: — НЕ СТОИТ!!!

— Буду знать. — Я отхлебнула сбитня, который уже начал остывать.

В зал выглянула хозяйка трактира.

— Госпожа ведьма, вы меня звали? — спросила она. — А то я была в подполе и что-то услышала.

— Нет. — Я замотала головой. — Я тут сама с собой беседую.

— А-а-а... — тоном «я ничего не поняла, но сделаю вид, что в курсе» протянула хозяйка трактира. Она была тугой на ухо и крепкой на луженую глотку: ее крик с площади был порою слышен на

окраине Хеллвила. — Значит, показалось. Вы, если че, зовите. Только погромче.

Едва госпожа Брас ушла, как белка сердито прошипела, тыча лапой в сторону миски с орехами:

— Слушай, она ими что, клиентов травит, а потом обчищает их карманы? Или заряжает ими пращу? Или просто эта бабища в сговоре с цирюльником? Клиенты ломают у нее зубы и идут выдирать их прямиком к нему. Нет, мне просто интересно!

— Ни первое, ни второе, ни третье, — усмехнулась я. И протянула, копируя тон хозяйки трактира: — Это кам-мер-цу-я!

Даже палец, как госпожа Брас, вверх подняла.

Глядя в изумленные глаза рыжей, которая впервые за свою долгую жизнь столкнулась с таким видом привлечения клиентов, я пояснила, что орехи, по заверениям старожил, стояли здесь годами. И завсегдатаи их никогда не трогали.

Я как-то спросила у госпожи Брас: зачем это? Она ответила: для антуражу и кам-мер-цу-и. Дескать, зайдет путник... А тут и столы чистые, и пол отскобленный, и тепло, и даже вон на столе дармовые орешки стоят. Заходи и бери. Только если насыпать вкусные и хрустящие — в миске они скоро закончатся. Лещины не напасешься. Вот и жарила трактирщица их на прогорком козьем масле. Зато такие стояли долго. Для приезжего — завлекательно. А местные... Они же свои, уже знают и не трогают.

— М-да. — Белка почесала лапой затылок.

— Так что там с землями? — спросила я.

Правда уже не столь азартно, как в первый раз: в тепле я согрелась, подсохла и слегка разомлела.

— А что с ними? Примерно то же самое, что и с орешками... — огорошила Эйта. — Только масштаб побольше.

— Это как? — Я отодвинула пустую кружку и подалась вперед.

— А вот так. На них светлые поглядывали, да зубы обломали. В смысле армию потеряли. — И, копируя мой тон, добавила: — Долго рассказывать.

Я выжидающе вскинула бровь. Белка оценила мое выразительное молчание и сдалась:

— Так уж и быть, в двух словах... — И рассказала. А завершив краткий экскурс в историю топей, добавила: — Джером скоро закончит развлекаться. Вон горожане за окном низко летать стали. Как думаешь — это к дождю или снегу?

— Скорее, к нашему побегу, — хмыкнула я, прикидывая: удрать через заднюю дверь или как истинная темная ведьма выйти через парадное крыльцо.

Логика советовала первое, наглость — второе. Но если спущусь с крыльца, то наверняка нос к носу столкнусь со слегка злыми пришлыми. Видимо, последнее произнесла вслух, потому как белка оживилась:

— Магда, кстати, о моем клиенте... Я же с ним бьюсь незнамо сколько, хотя на этом темном проклятие, между прочим, из черных, высокоуровневых. Если задание не выполню — начальство шкуру сдерет и на воротник пустит. Может, ты по старой дружбе поможешь мне, а?

— Дружбе? — иронично уточнила я.

— Ну что ты к словам цепляешься, — фыркнула белка, отхлебнув остывшего сбитня из моей кружки. — Хорошо... По старой вражде, может, поможешь, а? Ты же меня едва с ума не свела. А это, я тебе скажу, высший пилотаж. Так поможешь?

Я задумчиво глянула на приезжих за окном, на стылую осень, припомнила, как они мне только что сорвали «выступление», и уже хотела было ответить «нет», но рыжая хитро прищурилась:

— Ты ведь хочешь отомстить тому, из-за кого твой брат едва не лишился жизни, а ты почти напрочь выжгла дар?

Эйта умела искушать. Что в реальности, что в своих лабиринтах безумия.

— Так вот. Я помогаю тебе, ты — мне. К тому же этот темный, — она кивнула на мага за окном, — все равно проклят. Если он не сойдет с ума за две оставшиеся седмицы, то за него возьмется уже Смерть, а я упусти свою премию.

Предложение было заманчивым. Весьма. Отомстить Корнуоллу хотелось. Очень. Но до сына главы департамента торговли было непросто добраться. Отец позаботился о безопасности своего отпрыска. А о своей вседозволенности Корнуолл позаботился сам.

— Соглашайся, ты же ничего не потеряешь, — соблазняла меня белка.

— В последний раз, когда ты так говорила, я едва не лишилась рассудка, — напомнила я.

— Но не лишилась же! А сейчас я клянусь, что если ты поможешь мне свести с ума моего клиента, то я заберу разум у Корнуолла. Заметь, просто так это сделаю! Без наведения проклятий, порчи и вообще колдовства. Тебя в безумии богатенького оболтуса никто обвинить не сможет даже при всем желании...

Моя затаившаяся ненависть после уговоров рыжей ярко вспыхнула.

— Хорошо, — согласилась я и протянула руку. — Но я только помогаю. Две седмицы.

— Договорились. — Белка энергично пожала мой палец. — Ух, вместе мы его мигом!

Входная дверь хлопнула, и в трактир шагнул лунный. Белка моментально растворилась в воздухе, оставив меня наедине с моей новой «работой». Злющей, надо сказать, работой. Мечущей из глаз молнии.

Я поднялась со стула и чуть пошатнулась: сбить госпожи Брас был коварен. Лунный подошел к столу, на который я невольно оперлась, и навис надо мной:

— Как давно ты видишь Эйту? И почему так вольно с ней обращаешься? О чем вы с ней говорили?

Он оказался высоким, гораздо выше меня. Зараза. Мне даже пришлось чуть запрокинуть голову, иначе ответ прозвучал бы как раз в ворот его рубахи.

— Как много вопросов... — протянула я, изучая лицо незнакомца.

Скулы... Острые, четко очерченные, словно высеченные из камня резцом скульптора. Прямой нос, хищный разлет бровей. Внимательный колкий взгляд темно-синих глаз. Почти бескровные обветренные губы. Чуть тронутая загаром кожа, а на ней — следы от шрамов, которые нецелителю были и вовсе не видны. Но эти отметины без слов говорили, что передо мной воин. Судя по всему, опытный, раз побывал в таких передрягах — и еще живой.

Взгляд скользнул ниже. Поджарое, тренированное тело, в котором чувствовалась скрытая мощь.

— И я жду на них ответы!

Меня бесцеремонно схватили за подбородок, заставив запрокинуть голову и вновь взглянуть в лицо лунному. На этот раз глаза в глаза.

— Знаете, с таким подходом можно дожидаться не ответов, а минимум проклятия, — прошипела я.

— А максимум? — жестко, намеренно провоцируя, осведомился лунный.

«Сдохнуть», — уже было готово сорваться с моего языка, но я вспомнила о словах Эйты. Передо мной стоял действительно законный хозяин этих земель.

Конечно, рыжая зараза частенько врала, но что-то подсказывало — не в данном случае. А посему дерзить владельцу Хеллвиля явно не стоит. И так уже наговорила на свою голову, пока была привязанной к столбу. Незачем усугублять.

Впрочем, если я обзаведусь мечом, арбалетом, парой убийственных амулетов и ломом (ломом — особенно), то смогу позволить себе говорить все, что думаю. Пока же из оружия у меня имелся лишь острый язык и отвратительное чувство юмора. А ими хорошо воевать только тогда, когда за плечами есть моральная поддержка в виде закона, армии или солидного счета в гномьем банке... Но увы, это было не про меня, Магду Фокс.

— Максимум? — переспросила я и чуть прищурилась, словно оценивая противника. Темный маг был невозмутим, как профессиональный зомби. Чем знатно бесил. — Благословения.

Каменная маска онийского спокойствия дала трещину: у лунного дернулась щека. Ну да, чернокнижника проклятием не проймешь, а вот добрословием...

— Чтобы черная ведьма и благословляла? — Сквозь сталь его голоса прорезалось удивление.

— А почему нет? — Я пожала плечами, хотя про себя выругалась: прокололась. Это местные темную

ведьму от светлой магессы отличали лишь по цвету платья, а с лунным следовало быть поосторожнее. Попыталась обратить все в шутку. — Я, может, пассивно-агрессивная ведьма.

— Это как? — заинтересовался маг. Даже хватка пальцев на подбородке ослабла.

— Я не проклинаю свою жертву в открытую, а благословляю ее окружение.

— Чтобы оно не так сильно окружало несчастного? — У лунного в глазах демоны начали плясать джигу, хотя морда при этом оставалась каменно-невозмутимой.

Но я печенькой чуяла: он все же поверил шутке. Или очень талантливо сделал вид, что поверил.

— Напротив, чтобы радовало его своими успехами... — Я резко повернула голову, высвободив свой подбородок.

Лунный медленно опустил руку. Его взгляд прошелся по моему лицу, шее, скользнул на ряд частых пуговиц еще не совсем обсохшего черного платья.

— Наглая, коварная... Что такая ведьма забыла в этой дыре? Подруге Эйты скорее подошла бы шумная и амбициозная столица.

Слова были сказаны мягко, но за ними чувствовалась твердость и настойчивость. Точнее, упертость. Вот ведь... темный! Не получил ответа на свой вопрос о нашей с белкой «дружбе» силой и напором, решил взять измором, зайдя с другой стороны.

— Но и вы с другом прибыли не из соседней деревни. На вас хоть и простые дорожные плащи, но обувь тачали точно по ноге. А сапожник был мастером своего дела. Такой не возьмет за работу медьку. Скорее пару золотых. Я уж молчу об оружии.

— Еще внимательна и умна. Кажется, я не с того начал, — задумчиво протянул он.

— Определенно, — согласилась я, прикидывая, как бы обойти этот лунный столб. Разговор уже изрядно затянулся.

— Как тебя зовут, ведьма? — неожиданно спросил он, резко сменив тему разговора.

Наверное, именно поэтому я послушно ответила:

— Магда.

— Значит, Маг, — прищурился он. — Ты неглупа, возможно, нам удастся договориться...

— Договориться с тем, кто испортил мне лучшее сожжение этого сезона?!

— Я тебя спас, — парировал он. И, видимо осознав до конца смысл моей фразы, недоуменно приподнял бровь. — Как лучшее? А были еще?

— Конечно! Сегодняшнее стало бы третьим! К тому же ты лишил меня золотого!

— Так дело в деньгах... Скажи, сколько ты хочешь за ответы на мои вопросы, и я заплачу.

Входная дверь снова хлопнула, впуская в таверну смуглого.

— Эр, я там закончил. Кого раскатал, кого по веткам развесил. Самые сообразительные сами разбежались... — раздалось с порога. Брюнет замолчал и присвистнул. — Пока я порядок наводил, ты, гляжу, тут зря времени не терял. Уже познакомился с рыжей милашкой!

Лунный на мгновение отвлекся, я тут же этим воспользовалась.

— Три медьки за разгов... прием, — выпалила я, юркнула у него под рукой и, не оборачиваясь, крикнула: — Не забудь занять очередь! Последний дом в Топянном переулке. А сейчас я очень спешу.

— Ого, уже и свидание, — хохотнул смуглый, впрочем, не пытаясь заступить мне дорогу.

— Джер, заткнись!

Лунный сказал вроде бы всего два слова, но сразу повеяло ночной романтикой кладбища. Когда ты лежишь, а над тобой звезды... Правда, созерцать их слегка мешает пара локтей земли и могильная плита с твоим именем. В общем, Эрриан умел, как выяснилось, предостеречь.

Я вылетела из таверны как затычка из бочки. Вслед донеслось:

— Три медьки? Seriously? Это за ночь любви или за один поцелуй? — Брюнету явно было плевать на все предостережения. — Эр, тебе не кажется подозрительно дешевой цена за подобного рода услуги. Еще и какая-то очередь. Конечно, в столице нравы вольные, и спальню лэрииссы за ночь могут посетить сразу несколько любовников, но здесь... И три медьки!

Судя по всему, озвученная мной цена нанесла непоправимый урон психике смуглого. Я не смогла удержаться от злорадной улыбки. Если при слове «прием» на ум темным приходил лишь бордель — это их проблемы. Хеллвиль — городок строгих правил, и приемы у меня были исключительно лекарского плана.

Кстати, именно образ темной ведьмы, придуманный мною сразу по приезде сюда, здорово выручал: ко мне шли только в крайних случаях. Я всегда могла отговориться тем, что лечу без магии, потому как темная и мой дар — разрушение. Я вправляла вывихи без обезболивающих заклинаний, на которые ныне моего резерва не хватало. Чахотку исцеляла зельями, а не пассами, а запор — вернейшим немагическим средством: испугом. Правда, после такого у пациента могли появиться заикание и нервный тик. Зато лишний раз с ерундой ко мне не совались. Все же темная ведьма — это вам не светлый целитель, который, по мнению местных, должен был и занозы магией вытаскивать.

А как еще может отработать практику маг, у которого почти нет дара?

Выбор у меня был невелик: либо три года по распределению, либо вернуть в казну средства за пять лет моего обучения в академии. Денег у меня не было, как и желания оказаться в долговой яме. Поэтому я заключила договор с местным бургомистром и храмовником: они закрывают глаза на то, что присланная на отработку практики магесса слегка сменила масть (главное, лечу же!), зато рапортуют начальству о выполненных планах по борьбе с темными силами. И все довольны.

Так что лунного с его другом-брюнетом я не обманула: чтобы поговорить о своих проблемах со штатным магом Хеллвиля, приезжим нужно было заплатить три медьки. Для местных она возможность была бесплатной.

Вот только чую, что сегодня очередь у моего порога будет немаленькой: этот Джером здорово помял многих горожан. А значит, чьи-то бордельные ожидания не совпадут с суровой целительской реальностью.

Я быстро шла к своему дому и размышляла. Мне при распределении беззастенчиво наврали, что Хеллвиль — территория светлых. А со слов Эйты выходило, что граница между Светлыми и Темными землями тянулась по горной гряде. Вот только если на юге высились пики, то на севере... В общем, подкачали горы на севере. Сильно так. Настолько, что это были не скалы, а болотные топи. Темные объявили их своими, но как-то без особого рвения. Если зимой болота еще подмерзали, то летом от них была «прибыль» в виде лихорадки, гноса и нечисти, которая в короткое северное лето желала не только жить, но и любить. Точнее, размножаться и кормить детенышей чем посытнее. Например, людьми. Посему в сами топи больно-то не совались.

Но несколько веков назад Аврингрос Второй решил для поднятия своего имиджа устроить маленькую победоносную войну. И не придумал ничего умнее, чем оттяпать у темного соседа клочок земли. Только с этим вышла небольшая заминка: через пики Серебряного хребта тащить армию было несподручно. И взгляд правителя пал на топи.

К слову, сражение не состоялось: несколько тысяч солдат просто засосало в трясины. Армия так и не нашла ни одного темного. Это была самая провальная (причем провальная во всех смыслах этого слова) военная кампания за всю историю Светлой империи. Но Аврингрос Второй решил, что раз его солдаты были «растрочены», а темные не удосужились принять бой, то территория теперь принадлежит Светлой империи. И повелел в тех краях построить приграничную крепость.

Место для нее выбрали сухое, но все же окруженное топями, чтобы неприятель просто так не подошел, а гарнизон светлых — не сбежал. Шло время. Болота начали отступать, крепость — превращаться в городок, рядом с которым даже какое-то время жил отшельник. Именно ему Хеллвиль обязан и своим храмом, и ярой приверженностью горожан к светлому пантеону. В общем, город рос, исправно платил налоги в имперскую казну, не подозревая, что это Темные земли.

Как-то в особо студеную зиму, когда промерзли даже самые глубокие бочаги, Хеллвиль попыталось атаковать племя северных кочевников. Но тоже не дошло. Правда, не утопло, а замерзло. А кто не замерз, теми подкакусили оголодавшие грызны, вурдалаки и прочая нечисть. И кочевники тоже посчитали эти гиблые места своими.

Выходит, Хеллвиль стоит почти в середине тех приснопамятных топей, которые тут были несколько столетий назад. Так что... Господа столичные историки и картографы ввали, утверждая, что Хеллвиль — вотчина исключительно светлых.

Зубы лязгнули как-то особенно отчетливо, я посильнее обхватила плечи руками и прибавила шаг.

Теперь я почти бежала по улицам Хеллвиля, негромко матерясь. Со стороны можно было подумать, что я или читаю изошренное смертельное проклятие, или зазываю демона на рюмку самогона.

Поэтому редкие прохожие осеняли себя знаменами двуединого и сворачивали в карманах кукиши. Откуда я знала, что именно фиги? Ну так ткань весьма характерно оттопыривалась. К тому же за пару месяцев, что обреталась в этом городке, я узнала много нового и интересного о магах в целом и темных ведьмах в частности.

Например, местные думали, что у ведьмы есть хвост. Именно им она обвивает черенок, когда голышом летает на метелке и творит волшебство. А днем прячет хвост под юбкой.

Самые отчаянные даже пытались лично убедиться в том, что у меня, как и у всякой приличной ведьмы, он есть. Ради этого они как-то разжились стремянкой и полезли подглядывать в мое окно на втором этаже. Подглядели, ага. Узрели меня в выдавшей видах фланелевой ночной сорочке, шерстяных носках, чепце и с маской из огурцов. Любопытные почему-то заорали и дружной тройцей грохнулись в кусты шиповника.

Я выглянула из окна и поинтересовалась, что господам надо в столь поздний час: проклятия или сразу сдохнуть? Господа шустро выкатились из кустов, оставляя на шипах выдранные из штанов клочья ткани, и рванули прочь: двое молча хромали на обе ноги, третий почему-то орал, что я сама себя жру. А я всего лишь хрупала колесиком огурца, который отодрала ото лба.

— Мужик, я же ведьма, а не зомби! — крикнула я вслед.

— Значит, ты неправильная ведьма! — взвизгнуло из темноты.

С тех пор за мной закрепилось почетное звание неправильной ведьмы. Зато ночные гости больше не посещали. Даже воры. Чтобы не быть «случайно сожранными».

Добравшись до дома, я переоделась, разожгла в печи огонь, достала склянки с эликсирами, приготовила бинты и села ждать.

Не прошло и четверти удара колокола, как подтянулись первые страждущие, а вместе с ними и бездна тьма их суеверий.

Например, посетители моей лавки все как один косили глазом. По поверью, прямо на ведьму смотреть нельзя — сглазит. От многих клиентов разило чесноком так, что дышать было нечем. Едкие эфиры, коих я нанюхалась в свою бытность у адептов-алхимиков, казались мне цветочным ароматом по сравнению с этой газовой атакой. Таким амбре можно было не только отпугнуть вампира, а вообще передуть все живое в радиусе нескольких полетов стрелы. Да будь я даже дочерью ночи, ни за что не стала бы кусать их не мытые по несколько седмиц шеи!

А еще ко мне приходили в одежде, надетой задом наперед. Не всей, но обязательно что-нибудь да имелось: платье, жилет, рубаха, юбка. Однажды пришла тетка, умудрившаяся обуть задом наперед туфли. Зрелище было не для слабонервных. Я весь прием кашляла, пытаюсь скрыть смех.

Сегодня первым в дверь постучался могучий детина с перебитой рукой, стойким сивушным запахом и ультимативным требованием проклясть пришлого сивого хмыря. Руку я запечатала в лубок, дала настоя, чтобы кость быстрее срослась, а за проклятие потребовала пять медек, как за «услугу, не входящую в перечень обязательного магического обслуживания».

Меня обозвали ведьмой, но деньги выдали. Я пообещала организовать пришлому несварение.

— А почему не убить? — хмуро буркнул детина.

— Убийство стоит золотой, — невозмутимо произнесла я.

— Ну, ты же ведьма... — протянул он. — Чего тебе стоит грохнуть его по-тихому, а мы скажем, что так оно и было. Всем городом подтвердим!

— Могу упокоить вас. Бесплатно, — с елейной улыбкой сообщила я.

Детину как ветром сдуло. Жаль, его сивушный запах, от которого свербело в носу, и чесались глаза, никуда не делся. Не выдержав, я распахнула окно: плевать на холод. И тут увидела, как мой пациент с перебинтованной рукой на ходу возмущенно причитает:

— Пять медек содрала, зараза! Пять медек!

Так увлекся, что едва не врезался в грудь того самого «сивого», которого только что мне «заказал».

— Куда прешь... — рявкнул детина. — Да я тебе...

Похоже, сегодня мне придется собирать и вторую его руку. Будет у него парный комплект.

Но все же в последний момент детина осознал, кому, собственно, он адресовал свою пламенную речь, и тут же побелел как полотно.

— Ваша светлость... Ой, простите, ваша темность, — залепетал он. — Я не хотел, я нечаянно... я... меня ведьма попутала! Во!

Та-а-ак. Еще пара мгновений, и этот паршивец во всеуслышание заявит о том, что я должна навести на пришлого порчу.

— Я смотрю, одного калеку тут исправить уже нельзя, но испортить окончательно еще можно... — выразительно крикнула я, высунувшись из окна чуть ли не наполовину.

Детина моментально захлопнул рот и затравленно заозирался, мечтая провалиться сквозь землю. Но увы... Она под его гренадерскими сапогами была не просто твердой, но и прихваченной морозцем.

— И как она вас, уважаемый, попутала? — Рядом с лунным нарисовался брюнет.

«Уважаемый» выпучил глаза, оглянулся на меня и увидел свою смерть. Долгую и мучительную. Именно ее обещал мой взгляд. В итоге тонкая душевная организация детинушки не выдержала, и он рухнул в обморок под удивленными взглядами пришлых, которые замерли на месте.

В этот момент из-за угла, кряхтя и охая, выползла закутанная в шаль госпожа Лонох. Сея почтенная матрона гоняла домочадцев за отцом Панфием по семь раз на дню, заявляя, что ей нужен духовник, дабы исповедаться перед смертью. Дескать, так она плоха. Узрев картину «темные супостаты — первые в очереди на лечение», помирающая старушка встрепелась, сунула клюку под мышку и припустила во всю прыть. Стремительно преодолела обледенелую мостовую, ловко оттеснила Эрриана с его дружкой в сторону и со словами: «Милосердие, ну-ка, пропусти бабулю, у меня назначено», — перешагнула через обморочного детинушку и кошкой шмыгнула крыльцо.

Похоже, ее внукам и правнукам еще долго ждать наследства.

— ВАМ назначено? — ошалело завертел головой... этот, как его, Джером.

Ответом ему стала захлопнувшаяся дверь.

Я крикнула из окна:

— Будьте любезны, оттащите этого припадочного к лавке гробовщика!

Видя изумление на лице смуглого, пояснила:

— Да-да, к лавке гробовщика, на противоположную сторону улицы. А то его тут скоро затопчут.

И ведь как в воду глядела. Не успел лунный со своим дружкой отволочь детину и вернуться обратно, как у моей калитки уже была очередь. Внушительная. Переругивающаяся и не желавшая пропускать никого не то чтобы «я только спросить», но и даже «мне лишь на пороге потоптаться».

Темные вставать в ее хвост не стали. Плюнули и ушли. Видимо, решили, что «важный разговор» неудобно вести, когда на дверь с той стороны напирает толпа, жаждущая исцеления. А ведь человека, решившего выздороветь, даже смерть порой остановить бессильна, не то что двое пришлых.

Куда эта лунно-смуглая парочка направилась, я узнала через пару часов от одного из пациентов. Оказалось, что, пока я принимала пожеванных смерчем горожан, приезжие озаботились своими апартаментами. Если проще — потеснили бургомистра в его собственном доме. Ну как потеснили... В трехэтажном особняке с появлением в оном темных почему-то стало ужасно мало места, и господин Томонир, как радушный хозяин, уступил дом весь. Сам же предпочел эвакуироваться вместе со всей семьей и частью прислуги: той челядью, которая не успела удрать при виде новых господ.

С наступлением ночи я отпустила последнего пациента и заперла дверь на засов. На моем столе лежала немаленькая горка меди на «проклясть темных». М-да... Если так и дальше пойдет, то я вполне отобью золотой за последнее, так и не случившееся сожжение. Я подбросила в печь дров, вымыла руки и уже было помечтала, что сяду ужинать, как из-за спины донеслось:

— Наконец-то они закончились...

Медленно повернулась на каблуках. Посреди лавки стоял лунный. Один.

Как он сюда попал?! Взгляд метнулся к окну. Так и есть. Прикрыто. Но не заперто. Демон раздери, забыла!

— Теперь-то мы можем спокойно поговорить, Магда Фокс, выпускница Северной Вейхонской академии магии.

Всего несколько слов. Но они подействовали на меня почище любого заклинания стазиса. Я поняла: не убежать, не отшутиться. Только договариваться. Впрочем, всегда был вариант убить, но что-то мне подсказывало, что в случае с темным сделать это будет ой как непросто. И как только он успел столь быстро все разузнать? Безднов темный!

Я смерила лунного взглядом, подробно так, обстоятельно, словно мерку снимала. На саван. И удостоилась аналогичного безмолвного ответа.

Лунный сделал шаг по обычно скрипучему полу. И вот удивительно, ни одна предательница-половица под ним не запела. Тем звонче в оглушительной тишине были три удара меди о медь: пришлый отщелкал монеты. По одной, точно попав в центр кучки на «проклясть темных».

— Не туда складываете, — машинально отметила я.

— Да? Почему же? — Он вскинул бровь.

Признаваться или нет? Я отвернулась. Взгляд пробежался по стеллажу, с которого я протерла пыль как раз сегодня. Его полки были когда-то сколочены из добротных дубовых досок. Но со временем дерево рассохлось и побурело. Тут стояли склянки с зельями, баночки с притираниями, настои, порошки, лежали простенькие амулеты и пучки трав. Трав было меньше, чем хотелось бы: приехав на исходе лета, я не успела их как следует запасти. Там же обреталась и заговоренная от воров и порчи резная шкатулка — мой личный гномий банк с двумя золотыми на счете.

Я взяла ее в руки и задумчиво побарабанила пальцами по крышке. Так все же признаваться или нет? Но раз уж лунный за какую-то пару ударов колокола узнал мою главную местную тайну, то и про сборы на «проклясть темных» ему тоже будет известно в ближайшее время.

— Горожане скинулись, чтобы я навела на вас порчу, — вздохнула я, быстро сгребая монеты в шкатулку.

И три медьки, столь презрительно брошенные лунным в общую кучу, я тоже отправила в свой «банк».

Незванный гость ничего не сказал, однако взгляд его стал еще более выразительным.

— И даже не поинтересуетесь, какой скорбной участи вам так желают горожане?

— Самое оскорбительное я уже узнал — цену за мою жизнь. Горкой меди Меч Владыки еще ни разу не оценивали.

— И какова же ваша истинная стоимость? — полюбопытствовала я, ставя шкатулку на полку.

— Вообще-то, задавать вопросы здесь должен я. — Лунный поджал губы, буравя меня взглядом.

Тяжелым, словно молот кузнеца. Таким и убить вполне себе можно, особенно если довеском к нему идет магический хук. И только тут я заметила, что из-под края рукава его кожаной куртки виднеется браслет. Этот скупой блеск я узнала бы из тысячи. Гарлий — металл, что поглощает магию. Именно из-за него тысячелетие назад разразилась война между темными и светлыми. Он ценился гораздо выше золота, но для магов был не наградой, а кандалами, что запирали дар. И судя по тому, сколь массивными были браслеты на лунном, — немалый дар.

Вопросов стало еще больше. Правда, задавать их мне запретили. Зато сам темный не стеснялся:

— Итак, что же в такой глуши забыла светлая магесса с восемью единицами дара? И если оценивать по диплому — одна из лучших адептов факультета целителей?

— Меня больше интересует, что в моем доме забыли вы. — Я сложила руки на груди.

— Вас. Но я все еще жду ответ на свой вопрос.

— А если вы его не получите? — с вызовом бросила я.

Но тот, что стоял предо мной, явно привык получать желаемое. Будь то деньги, власть или ответы. Два плавных шага, и я оказалась близко, слишком близко к тому, кто был опасен. Весьма опасен даже без магии. Я непроизвольно попятилась.

Нет, мне было не страшно. Просто моя любимая кочерга отчего-то стояла в углу рядом с печкой, а не посреди лавки. Жаль... А то бы я уже держала ее в руках и не боялась гостя еще больше.

— Тогда мне придется отправить официальный запрос в вашу академию и узнать, почему светлая магесса Фокс практикует исключительно темное колдовство и отказывается отрабатывать практику по специальности.

— Это шантаж! — едва сдерживая злость, выговорила я.

— Нет. Всего лишь классическая тактика ведения переговоров среди темных, — усмехнулся лунный. — Будь ты истинной темной ведьмой, ты бы это знала.

Я все-таки не удержалась. Остатки магии ушли на пасс рукой, одна из склянок на полке качнулась. И едкая, вонючая мазь, утробно булькнув, плеснула прямехонько темному в лицо.

Тот хоть и успел частично уклониться, но брызги его догнали. Он выругался, смахивая со щеки слезы. Я воспользовалась моментом и схватила тяжелую, доставшуюся мне в наследство от семьи кузнеца кочергу. Кстати, предыдущий ее хозяин был настолько суров, что мог мешать кипящий свекольник рукой, а его жена и вовсе в дурном настроении доила корову сразу сметаной. В общем, гнутая железяка была им под стать: столь же внушительна и могуча, как и ее прежние владельцы.

Увы, грозно занести ее мне не удалось: я все же пошатнулась. На заклинание ушли не только остатки резерва, но и часть энергии ауры.

— Еще один шаг, и я тебя тресну, — предупредила я лунного, отбросив светское «вы».

Этот гад и не думал впечатляться. Наоборот, как-то странно улыбнулся.

— За этот вечер уже второе оскорбление. Сначала — горкой меди. Теперь кочергой. Думаешь, меня остановит гнутая железяка?

— Ну, голодного вурдалака она уже однажды остановила. Чем ты-то хуже? — возразила я, поудобнее перехватывая ручку кочерги.

— Ты права. Я, конечно, ничуть не хуже, а даже лучше любого вурдалака...

Не успел он договорить последние слова, как мое грозное оружие уже было выбито из рук. Да и сама я с заломленной рукой оказалась прижата спиной к груди незнакомца.

— Хотя...

Его вкрадчивый голос, прозвучавший прямо над ухом, звучал обманчиво-лениво.словно дикое пламя под ледяной броней: прикоснись к такой преграде ладонью, и она истает водой под твоими пальцами, а рука тут же провалится в самое демоново пекло. И ты вместе с ней...

— Я тут сделал кое-какие выводы. Сдается мне, что и запроса никакого делать не нужно. У тебя в табеле значится восемь единиц. Но сегодня ты почти не использовала магию. На то, чтобы активировать простейшее заклинание, ты задействовала все свои силы, едва не потеряв сознание. На лицо явное выгорание. Это раз.

У-у-у... Какой сообразительный! Прямо как бабушкин гримуар: он и умный, и захватывающий, да еще наверняка и с деньгами. Во всяком случае, я в юности делала зачатки именно в этой пыльной семейной реликвии.

Попыталась дернуться, но локоть пронзила боль, словно в него всадили раскаленный прут. Я зашипела и замерла, не двигаясь и даже не дыша.

— Ты обучалась на стипендию, иначе не получила бы обязательного распределения. Значит, должна отработать все деньги, потраченные на тебя, до гнутой медьки. Это два.

Капля пота сбежала по моему виску. Я закусила губу, чтобы не взвыть от боли. Понятно, к чему клонит этот темный гад. И не важно, что шевелюра у пришлого была белого цвета. Действовал он как истинный сын Мрака.

— Ну и третье: узнай ректор о твоей неспособности отработать долг перед магистерией, тебе выставят немалый счет, который, судя по твоей нужде в деньгах, ты оплатить не в состоянии.

— Чего тебе от меня надо? — сквозь зубы процедила я.

— Услуги...

От теплого дыхания темного, который был так близко, что я чувствовала стук его сердца, по спине

побежали мурашки.

— Какой?

— Избавиться от проклятия безумия. Ты же дружна с Эйтой, — прозвучал ровный голос, который ничем не выдавал того, насколько важен для лунного разговор.

У меня болела рука, я была не в силах пошевелиться, но все равно расхохоталась.

— Дружна?! Темный, она пыталась свести меня с ума. Я блуждала по ее лабиринтам месяц. Как ты думаешь, насколько могут быть дружны палач и его жертва, избежавшая казни?

— Что?! — Мою руку отпустили, а тело резко развернули. Я оказалась лицом к лицу с темным. — Ты не безумна. Нагла, хитра и изворотлива настолько, что я поначалу принял тебя за дочь Мрака. Но твой рассудок чист. Как тебе это удалось?

Да если бы я сама это точно знала.

Лунный за краткий миг все оценил, взвесил и принял решение.

— Магда Фокс! Я предлагаю тебе сделку. — Чуть прищурившись, он посмотрел мне прямо в глаза. — Я полностью оплачу все твои долги, какими бы они ни были, а ты поможешь мне справиться с Эйтой.

В печи догорали поленья, отдавая последний жар и таращась в сумрак красными угольями. Лучина, которую я зажгла удар колокола назад, готова была вот-вот истлеть. Ночные сумерки заглядывали в окна, а я... сожалела. Увы. Не все долги можно оплатить звонкой монетой. Некоторые — только кровью, что способна погасить костер ненависти.

Еще днем, в таверне, я сделала свой выбор: какой мост перейти, а какой сжечь. К тому же договоры с Эйтой не расторгаются.

— У меня есть возможность отказаться?

— Нет. Откажешься от моего предложения, ворон-вестник уже завтра постучит в окно ректора твоей академии с письмом.

— Шантажист!

— Я предпочитаю считать себя целеустремленным. Итак...

Он вытянул руку ладонью вверх, а в другой его ладони невесть откуда возник стилет. Все верно, для клятвы на крови так и положено. Или для того, чтобы меня припугнуть как следует. Например, до смерти.

— Я не могу ничего гарантировать. Я ничего не знаю ни о тебе, ни о твоём проклятии. Лишь помочь и предостеречь... — пыталась я выторговать если не время, то хотя бы простор для маневра в клятве.

— Хор-р-рошо. Ты помогаешь мне, насколько хватит твоих сил и талантов, а я оплачиваю, — пошел на уступку темный.

Есть же такие люди, встретив которых вдруг резко хочется представить, что их не встречал, а если встречал, то совсем не ты. Так вот, лунный был как раз из их числа. И какой демон принес его в мой город?

— Ну же, Магда, — напомнил о себе этот гад, нетерпеливо качнув протянутой рукой. — Ответ, лежащий долго на поверхности, рискует протухнуть...

Отвечать ему, то бишь подавать свою ладонь, не хотелось. Совсем. Но пришлось. Выбора особо-то и не было. Правда, как буду пытаться сохранить разум темному и одновременно помогать Эйте побыстрому организовать ему же шизофрению, я представляла весьма туманно. Но даже подернутые дымкой перспективы лучше четкого приказа пройти внеочередную комиссию по освидетельствованию уровня дара.

Лунный чикнул по моему запястью стилетом. Глядя на выступившую кровь, я поняла одно: пока что мне остается лишь расслабиться и провести древнейший теолого-философский ритуал. То есть поднять руку повыше над головой и резко опустить ее со словами: «Бездна с ним!»

— Сколько ты хочешь за свои услуги? — спросил темный.

— Тысячу золотыми монетами. — Я не стала мелочиться и назвала полную стоимость обучения в

академии, удвоив ее. — И если у меня не получится... Чтобы ни ты, ни твой дружок меня не прикончили!

Лунный и бровью не повел, лишь рассек себе руку и буднично пояснил:

— Джером не мой дружок. Я предпочитаю девушек.

— Хорошо, твой слуга. Хотя, заметь, я не имею ничего против мужеложества. Тут нечего стесняться, — с самым невинным видом подбодрила я, с удовольствием наблюдая, как темный приходит во взбешенное состояние.

— И не слуга, — отрезал лунный. — Он мой убийца, который отправит меня к праотцам, едва заметит, что я теряю рассудок.

Твою же... Я подавилась вдохом, оценив уровень подставы от Эйты. Ну как качественно свести с ума того, кого при легком помешательстве с распростертыми объятиями ждет смерть?

А темный между тем соединил наши ладони. И зазвучали слова, древние как сам мир: «Клянусь кровью, жизнью и...» Два чародея — одна почти без дара, другой с запертой магией — произносили их, а воздух вокруг гудел и наливался силой. Казалось, мир вдруг завертелся бешеным водоворотом, в центре которого оказались мы двое. Сумею ли я выбраться на этот раз?

Я начала терять сознание: клятва вытянула из меня все, до капельки. Уже проваливаясь во мрак, почувствовала, как сильные руки подхватили меня.

ГЛАВА 2

В себя я пришла достаточно быстро. Валяться в обмороке на голодный желудок оказалось дико неудобно. С неохотой открыла глаза, и первое, что увидела, — это сосредоточенное лицо лунного и запотевший кувшин с водой, которую тот готов был вылить мне на голову.

— Тебя что, не учили, как правильно будить девушек?

— Учили. И как девушек, и как ведьм, и как солдат. Поверь мне, принцип одинаковый. Именно поэтому я взял воду. — Темный с явным сожалением убрал кувшин от моей головы и вкрадчиво осведомился: — Или все же стоило выбрать оплеухи?

— Что? Какого?..

— Какого что? Самые действенные методы пробуждения, — издевался лунный. — А нюхательную соль я, уж извини, сегодня с собой не захватил.

Угу, а обычно все время с собой носит. Такой трепетный, мало ли что.

— Не знаю, как принято будить в Темных землях, но меня лучше всего пробуждает еда.

Лунный промолчал. Похоже, представил, как машет перед моим носом свежей ватрушкой, и его логика дала сбой.

— Кстати, раз уж мы теперь... партнеры. — Я все же подобрала подходящее слово. Поднялась и села на лавку. — Ты сам-то поесть не хочешь?

Голод был дикий. Израсходовав крупички дара, я умудрилась продырявить свою ауру. И теперь мой уже не растущий организм требовал жертв. Желательно побольше и пожирней: блинов там, жареного мяса, яичницы со шкварками... И немедленно.

— Скажу сразу: я невосприимчив к большинству ядов, — жестко усмехнулся лунный.

— Это да или нет? — невозмутимо уточнила я, игнорируя его взгляд. Такое ощущение, что на меня в упор направлен болт во взведенном арбалете! — Конечно, было бы хорошо, если бы ты отказался. Мне досталось бы больше каши на ужин. Но опять же надо отрабатывать гонорар и тебя травить... — нарочито-печально закончила я, вспомнив о горстке меди, набранной благодаря досточтимым хеллвильцам.

Попыталась встать, но пол как-то резко ушел из-под ног, и я бы наверняка грохнулась, если бы меня не подхватили. Опять. А затем молча пихнули обратно на лавку. Я передвинулась по ней к столу.

— Так... Я сейчас слегка устала, поэтому травиться будешь самостоятельно, — заявила я, махнула рукой на печь, где почти прогорели угли. — Там вон чугунок.

И с любопытством наблюдала, как темный молча и зло гремит ухватом. Справится или нет? Справился. Так же молча и зло плюхнул передо мной тарелку с воткнутой ложкой.

— Ешь. Обморочная ведьма — плохая помощница, — буркнул он.

— А себе? — упрямо потребовала я.

Брови лунного грозовой тучей сошлись на переносице. Вот-вот молнии полетят.

— Я не могу есть в одиночестве, — пояснила я. Наврала, конечно. Уж очень хотелось настоять на своем. Слово демон дергал за язык, подзуживая бесить незваного гостя. — Сколько с собой ни боролась, но вот не могу, и все. Такой у меня недостаток.

— И не единственный, — скрипнул зубами темный.

Но протопал к печи, наполнил вторую тарелку и сел напротив.

— Мухоморы? — злобно уточнил он, ухватив ложку.

— Дурной тон — кормить гостя мухоморами! — возмутилась я. Зачерпнула вместе с кашей кусочек белого гриба и сунула под нос лунному. — Исключительно бледные поганки!

Тот зыркнул исподлобья и заработал ложкой.

— Выгорание — это последствия встречи с Эйтой? — начал он.

Я так устала за день, что решила отвечать честно. Ну, почти честно.

— Скорее причина. Я сначала выгорела, а потом провалилась в лабиринты. А к чему вопрос?

— Прикидываю, чем мне грозит проклятие.

— Ты сильный маг. — Я не спрашивала, утверждала. — Какая стихия? Темная боевая магия?

— Чернокнижие.

На зубах хрупнул уголек. Хорошо, хоть не кусок кирпича. Печка — не боевая магия. И не чернокнижие. Аккуратнее кому-то надо было ухватом размахивать. Я поморщилась, проглотив внезапную добавку к каше. Лунный прищурился, явно приняв это на свой счет.

— А тебе больше нравятся некроманты?

— Да нет. — Я пожала плечами. — Ну... Разве что меня всегда интересовал вопрос: бывают ли у некромантов жизненно важные проблемы?

— Бывают. Например, когда маг смерти берет работу на дом, это может очень не понравиться его вполне живой супруге.

— Особенно если та работа приходит сама посреди ночи с топором в полуистлевшей руке? — усмехнулась я, доедая кашу и чувствуя прилив сил.

— А из тебя могла бы получиться вполне сносная темная ведьма, — задумчиво произнес лунный.

— И чью голову для этого нужно снести?

И тут, словно откликнувшись на мой вопрос, за окном протяжно завывало. С надрывом, вынимая душу.

Я и лунный на миг замерли, вслушиваясь. Неясно, что подумал темный насчет этого «кый-й-йрли-ы-ы», несущегося со стороны болот, но я точно узнала своего клиента.

— Увы, сносной ведьмы из Магды Фокс не получится, — возразила я, резко поднимаясь со скамьи.

В глазах потемнело, повело из стороны в сторону. Да уж... Состояние — полутруп. Впрочем, может ли такая мелочь остановить направляющегося на подвиг? А иначе как подвигом охоты на болотную стрыгу не назовешь.

— Куда собралась? — спросил лунный, с интересом наблюдая за моими хаотичными передвижениями по комнате. Ну, штормило, подумаешь.

— Убивать, — честно сообщила я, пытаюсь ухватить с пола кочергу.

Та «плавала» из стороны в сторону, не даваясь в руки. Зараза!

— Ты хотела сказать «убиться»? — насмешливо уточнил лунный.

— Возможен и твой вариант. Но, надеюсь, все же в том ритуале я окажусь магом, а не жертвой на алтаре.

— Не проще ли остаться здесь?

— Проще. Но я эту пакость два месяца выслеживала! Ни за что не упущу такой случай. Она уже трех человек сожрала и одного понадкусывала. Еще немного — и икру отложит. И тогда зимой как пить дать на Хеллвиль будет нашествие.

Я, наконец, сцапала кочергу и победно закинула ее на плечо. Потянулась за сумкой, в которой было много всего, начиная от разрыв-травы и заканчивая миниатюрным арбалетом с осиновыми болтами.

— Ты же не боевой маг.

— Верно. Но я единственный штатный маг Хеллвиля. И спрос за стрыгу тоже будет с меня.

— Тогда я иду с тобой.

— Темным не чуждо благородство? — изумилась я.

— Темным не чужда практичность. Если ты умрешь, то уже не сможешь мне помочь избавиться от проклятия.

Стрыга заголосила еще раз. Судя по вою, в котором прорезались призывные нотки, жертву себе она уже заметила. И теперь загоняет ее в топи. Надо поторопиться.

До болот был удар колокола, если пешим ходом. Бегом — вполтину меньше. Но все равно слишком долго. Выйдя на улицу, я огляделась. Хотела позвать метелку, которая так и не пригодилась во время моего сожжения. Но поняла, что резерва не хватит. А вот на то, чтобы угнать впряженную в повозку кобылу, что так кстати стояла у лавки гробовщика, магия была не нужна. Только наглость. А ее, нерастраченной, у меня имелось с запасом.

Я направилась через улицу. Привычная ко всему кобыла равнодушно косила глазом и прядала ушами, позванивая уздечкой. Из приоткрытой двери в лавку торчали две ноги в стоптанных сапогах и неся залиvistый храп ее хозяина. Знакомая картинка. Опять нарезался в трактире тетушки Брас, бросил нераспряженную лошадь и упал там, где сон сморил. Намаялся сердечный, опрокидывая кружку за кружкой. Я ласково погладила теплую лошадиную морду, проверила постромки и запрыгнула в телегу.

— Ты собираешься ехать на... этом? — недоверчиво хмыкнул лунный.

Стрыга завывала еще громче.

— Да. А что тебя смущает? Гроб? Так он пока пустой.

— Вообще-то то, что светлая беззастенчиво крадет чужое.

— Не краду, а заимствую на время, — поучительно поправила я и взмахнула вожжами. — Н-но-о-о, родимая!

Застоявшаяся кобыла рванула так, что темный едва успел запрыгнуть в телегу уже на ходу. И мы помчались на болота: я, лунный и гроб. Вернее, я и лунный в гробу. Он в лучших вампирских традициях сидел в домовине, вцепившись одной рукой в ее край, другой — ухватив кочергу на манер весла.

Из городка успели выехать через западные ворота. Стражники как раз закрывали их, устало переругиваясь и толкая тяжелые створки. Завидев несущуюся во весь опор кобылу, которой правила стоящая на телеге в полный рост темная ведьма, а за ней в гробу пришлого с кочергой, стражники тихо ойкнули, присели на враз ослабевших ногах и шустро брызнули в разные стороны.

Колеса телеги прогрохотали по брусчатке, мы проскочили в щель между створками ворот и стрелой полетели по грунтовой дороге. Ветер принес обрывок разговора очухавшихся стражей:

— ...кажись, ведьма хоронить приезжего поехала.

— Так он вроде бы еще живой.

— Ну так правильно: не самой же могилу копать-то. Вот щас...

Что «щас», я уже не дослушала. Лишь подивилась незыблемой вере горожан в мое могущество. Темный, который тоже все слышал, ничего не сказал. Может, проявил выдержку, может — благоразумие: мы так лихо скакали по ухабам, что вероятность не только прикусить, но и откусить язык была весьма велика.

Врезавшись, как арбалетный болт, в туман, мы пронеслись еще немного, но потом пришлось сбавить ход. Чем ближе были болота, тем плотнее становилась завеса вокруг. Хмарь... Липкая, холодная, вязкая... Она тянулась с топей, стелилась у земли, пряча под собой трясины. Я остановила кобылу, слезла с повозки и огляделась. Темнота хоть глаз выколи. Но увы, стрыга отчего-то не имела обыкновения являть себя миру при свете дня. Наверняка она была тварью очень стеснительной. Но ничего, на каждую скромную нежить найдется настойчивый и сообразительный маг. Или в моем случае — неведьма.

Правда, стоило уравнивать наши со стрыгой шансы на выживание при встрече. Я запустила руку в свою холщовую суму и выудила оттуда бутылек. Пара капель в каждый глаз — и я стала видеть не хуже совы. Жаль, что эффект лишь на один удар колокола.

— Какое симпатичное умертвие... — прокомментировал лунный.

Ну да, знаю, что сейчас мои очи отнюдь не цвета молодой зелени, а как два красных угля в печи. Но зачем об этом напоминать-то?

— Так понимаю, что ночное зрение тебе не нужно? Будешь гордо наткаться на сучки, пеньки и проваливаться в бочаги? — не удержалась я, демонстративно убирая бутылек.

— Я и без эликсиров прекрасно вижу во тьме.

— Врожденная особенность? — профессионально поинтересовалась я, делая первый шаг в сторону болот.

— Скорее приобретенная: чернокнижники проводят больше других темных времени в Бездне. На максимально доступном для каждого уровне. Чем глубже проваливаешься во Мрак — тем там темнее.

Я оглянулась назад и увидела, как уверенно лунный вел кобылу под уздцы: перешагивая через кочки, огибая рытвины.

— Судя по всему, ты проваливался глубоко, — пробормотала я.

— Практически так же глубоко, как и владыка. Меч должен охранять императора не только в этом мире, но и во Мраке, — произнес он подкупающе буднично.

Может, потому с моего языка сорвалось:

— А проклятие... Оно предназначалось тебе? Или результат того, что ты просто хорошо выполнил свою работу?

— Догадливая, — буркнул темный. И, поравнявшись со мной, добавил: — Телегу лучше оставить здесь.

Он был прав. Начинались топи. Привязав кобылу, мы двинулись дальше. Под ногами хлюпало все сильнее. Мои ботинки, шнуровка которых почти доходила до колен, промокли, сумка оттягивала плечо. Хорошо хоть кочергу на нынешней «охоте» нес лунный.

— В моих руках она станет более весомым аргументом при разговоре с нежитью, — заявил он.

Я спорить не стала. Просто вытащила свой арбалет. Разговоры разговорами, но в конце стоит поставить точку. А уж навыйет та будет или нет — не важно.

Стрыга больше не издавала ни звука, но я чувствовала, что она где-то здесь, недалеко. Мы шли по тропе, что вела между двумя топиями. По бокам шуршала жухлая осока, чавкала под ногами тучная от воды илистая земля. Внезапно совсем рядом раздался дикий вой, а следом за ним — крик. Истошный, полный безумной паники. И опять чавканье. Только не от шагов. Громкое, утробное. Демоны. Не успели!

Я половчее перехватила арбалет. Все же училась не на боевого мага, а на целителя, и укротить красную чуму мне было легче, чем любое оружие.

Хотя вурдалака месяца полтора назад все же уложила. Кочергой. Правда, перед этим удалось попасть ему в морду порошком жгучеяда, и нежить была слегка дезориентирована. Но даже с кочергой в башке та тварь едва не откусила мне полноги. Именно тогда я и узнала, что от страха способна забить вурдалака не только кочергой, но и черствым караваем.

Я шагнула вперед, но уверенная рука остановила меня. Прижав палец к губам, лунный дал знаками понять, что сегодня он не воспитанный лэр и не уступит даме дорогу. Дама, к слову, ничуть не возражала. Если стрыга бросится на него, то я смогу как следует прицелиться.

Странно, но лунный не пошел напрямик вперед, а взял чуть в сторону. Когда мы бесшумно добрались до того места, где на краю бочага пировала стрыга, то...

— Твою ж Бездну!

— Аппендицит тебя раздери!

Шепотом вырвалось у нас синхронно. Там была не одна стрыга. И не две. А целая семейка. Большущая самка и молодой. Я насчитала четырех. И если против одиночки у нас были шансы, то тут...

— Отступаем, — на пределе слышимости произнес темный.

Я согласно кивнула.

— Кый-й-рла! — раздался пронзительный, как удар хлыста по воде, крик.

В выводке было не четыре, а пять молодых стрыг. И один гаденыш сидел как раз у нас за спиной, приветливо раззявив свою клыкастую пасть. В черной глотке извивался раздвоенный длинный язык.

Я сиганула вправо, темный — влево. Лишь благодаря этому тварь размером с годовалого теленка приземлилась на пустую кочку, а не на кого-то из нас.

Я развернулась, почти не целясь, спустила тетиву арбалета, и осиновый кол пробил дыру в брюхе

нежити. Болотная гадина зашипела и испустила дух, закатив белесые мутные глаза. Но ее утробный рев уже успел привлечь внимание остальных стрыг.

Пять тварей неслись по болоту нам навстречу. Склизкие туши, покрытые ядовитыми бородавками, сверкали в свете луны. Огромные перепончатые лапы, здоровенные хвосты с шипастыми наконечниками, сильные тела — в воде от стрыги не было шансов уйти. Впрочем, на суше тоже.

На лекциях по бестиологии их относили к четвертому классу опасности и считали почти вымершими реликтами. Но вот сейчас, когда этот «почти исчезнувший вид, занесенный в белую книгу», жаждет продегустировать мой ливер, я еще больше невзлюбила столичных нежитезащитников, ратовавших за сохранение видового разнообразия. По-моему, было бы лучше, если бы некоторые твари не почти, а совсем вымерли.

— Беги! — крикнул лунный, замахнувшись кочергой на ближайшую стрыгу.

Не исполнить волю умирающего — большой грех. А я, хоть и была «ведьмой», святотатствовать не стала. Изображая потомственную квакшу, резво поскакала по кочкам, на ходу запустив руку в сумку. Порошок с разрыв-травой, брошенный за спину, вспыхнул в воздухе. Окатила волна жара, сзади раздался истошный визг.

Молодая голенастая тварь, погнавшаяся за мной, угодила как раз в самый центр огненного облака, чей свет на миг озарил все окрест. Я увидела, как на удивление живой и резвый темный снес башку еще одной, самой крупной из выводка твари, которая, видимо, вслед за своей матушкой вот-вот готовилась выметать первую порцию икры.

Я зазевалась всего на миг. По щиколоткам что-то ударило, я потеряла равновесие и рухнула в бочаг с головой, выпуская вверх, туда, где стремительно в толще грязной воды исчезала мутная луна, стайку пузырьков. Холод сковывал тело, на дно тянуло чье-то щупальце, обвившее лодыжку.

Запоздало пришла мысль, что ночь — время охоты не только стрыг, но и других болотных тварей.

Умирать можно благопристойно: лежа в постели, в окружении семьи. Умирать можно героически — в битве. Умирать можно всеми забытым, в одиночестве. Но я предпочитала умирать никак. В смысле — жить. Желательно долго и счастливо.

Посему истово, что есть силы треснула арбалетом по твари, которая меня схватила.

То ли у болотной нежити оказалась слишком тонкая душевная организация, не терпящая трепыхающихся жертв, то ли ей не понравилось серебро, которым было оковано мое оружие, то ли взбесил осиновый кол, который я вытащила из торбы свободной рукой и всадила в нее. Щупальца твари ударили меня наотмашь, отчего я и вовсе потеряла представление, где дно, а где поверхность.

Еще чья-то лапа схватила меня за шкурку и поволокла невесть куда. В ушах зазвенело, от холода стало больно. Вынырнула, протаранив головой тонкую слядяную корочку льда. Я хрипло закашлялась, жадно глотая воздух, и только тут осознала, кто меня спас. Лунный. Сейчас его волосы прилипли к лицу, отчего напоминали медузу, невесть как оказавшуюся на его макушке. Думаю, я выглядела не лучше. Арбалет утопила, кол тоже. Зато жива. Пока жива. Но если мы сей же момент не выберемся отсюда, то это ненадолго.

Лунный, похоже, был со мной согласен. Во всяком случае, не сговариваясь и ломая едва появившийся здесь лед, мы выбрались на берег и тут же рванули по болотным кочкам от здоровенной стрыги.

— Детенышей я убил, осталась эта...

Темный, кажется, даже не запыхался при беге. Я, увы, не могла похвастаться тем же.

— А... что... ты... эту... не... прикончил... — выплевывая слова, кажется, с частью своих легких, выдохнула я.

— Знаешь, голыми руками это сделать тяжело, — перепрыгнув очередную топкую ямину, сердито бросил темный. — А твоя хваленая кочерга сломалась.

Сумка лупила меня по спине, намокшая юбка мешала бегу, в боку кололо, хотелось упасть и не двигаться. Даже если мои ноги будут жрать стрыга, я не стану ей мешать.

Лунный, видимо, понял, что я вот-вот упаду. Подхватил меня под колени, лихо закинул себе на плечо и рванул дальше. В роли мешка картошки было значительно легче — больше не нужно бежать. Зато теперь перед моими глазами был зад лунного, а если поднять голову, то я видела несущуюся за нами во весь опор тварь. Нет-нет, лучше зад.

Под ногами темного чавкало все меньше и шуршало все оживленнее — мы выбирались из болота. Кажется, даже туда, откуда пришли. Во всяком случае, я услышала истошное ржание и порадовалась: теперь мы спасены. Шансы удрать от твари на четырех подкованных копытах куда выше, чем на двух мужских ногах, обутых в сапоги.

Внезапно небо с землей поменялись местами: я полетела вниз. Приземлилась удачно, насколько удачно можно перекувыркнуться через голову и не сломать шею. Рядом уже пытался подняться темный. Однако опирался он при этом лишь на одну ногу.

Может, охотница на нежить из меня и никудышная, но целительница — гораздо лучше. Болевой шок, который лунный неплохо контролировал, я узнала сразу.

Отбегался. И стрыга уже совсем близко...

Именно в этот момент я услышала хруст и грохот, а потом и увидела, как кобыла, проявив чудеса резвости, встала на дыбы и умудрилась сломать копытами сук, к которому была привязана.

А потом с истошным ржанием помчалась в ночь вместе с повозкой, на которой задорно подпрыгивал гроб. На каждой кочке. Причем так лихо, что в конце концов упал.

Нам крышка. И даже вместе с гробом. Хотя...

Я поднырнула лунному под плечо, помогая встать.

— Беги, идиотка. — Он попытался меня оттолкнуть.

Но лекарь может вцепиться в своего пациента порою так, что даже Смерть не оттащит.

— Конечно! И побегу, и тебя потащу, — выдохнула я, а потом скомандовала: — В гроб.

Лунный понял меня без лишних пояснений, и мы устремились к дубовому ящику, что валялся сейчас недалеко от края болота. Никогда не думала, что с такой радостью лягу в гроб. Да что там лягу, запрыгну в него.

Темный рухнул на меня сверху и закрыл за собой крышку. Стрыга, мчавшаяся следом, не успела затормозить, отчего врезалась в боковину, протащив нас несколько локтей по земле. Благо не перевернула.

— Лежи тихо, — рыкнул на меня темный, вцепившись руками в крышку гроба и не давая стрыге открыть его, когда тварь пошла на новый штурм.

Болотная гадина постаралась откусить от этого деревянного пирожка с мясной начинкой, и нас здорово тряхнуло.

— Я нас спасаю, — прошипела я кошкой. — Подержи крышку ровно, я сейчас ее закреплю.

— Да ты издеваешься? — возмутился темный.

Я не ответила. Я читала заклинание. Простенькое, скрепляющее. Таким баловались адепты-первогодки, когда хотели намертво пришить мантию товарища к стулу. Эти чары требовали совсем немного силы. Но я не успела восстановить резерв, а потому едва вновь не потеряла сознание от перенапряжения.

Зато крышка теперь не ходила ходуном, грозя отлететь в любой момент, несмотря на все старания лунного. Не сказать, что мы спаслись, но получили отсрочку у смерти — точно. Снаружи яростно грохотала стрыга.

— Она сейчас побеснуется и уйдет, — хрипло, чтобы хоть что-то сказать, прошептала я.

— Нет, — выдохнул мне в лицо темный. И пояснил: — Я ее ранил. И сильно. Она понимает, что через несколько ударов колокола сдохнет, потому не отступится.

— Ты же сказал, что кочерга сломалась...

— Так она сломалась об нее. Из туши этой арховой нежити теперь рукоять как раз и торчит.

— Значит, будем ждать, пока она сдохнет?

Говорить, когда на мне лежал тяжелый маг, было непросто. А с виду казался полегче: да, высокий, да, поджарый, но я как-то не ожидала, что это будут одни только мышцы, сухожилия и кости, которые весят в отличие от жирка изрядно.

Темный не успел ответить. Вместо него ответила стрыга. Перестав бодать ящик, она решила умереть на нем. Заодно организовать поминки и по нам. Эта тварь просто легла на крышку гроба!

ГЛАВА 3

— Твою ж... что будем делать, лунный?

Лицо темного заострилось, и я кожей почувствовала его раздражение.

— Я не лунный, а Эрриан, — сквозь зубы процедил он.

— Хорошо, Эрриан. — Я попыталась изобразить покорность и невинность. Хотя сделать это, когда на тебе лежит столько концентрированной злости, тяжело. Выдохнула и... поблагодарила: — Спасибо, что спас.

— Не стоит. Я не хотел. Случайно получилось. Машинально.

— Темный, который привык спасать... Хм... Что-то новенькое... — задумчиво протянула я.

А что еще делать в гробу, когда на крышке его лежит полудохлая стрыга. Только и остается, что вести беседы. Светские.

— Меня учили оберегать. Правда, не глупых светлых целительниц, притворяющихся черными ведьмами, а темного владыку, — отрезал лунный, пригвоздив меня уничижительным взглядом.

— У меня нет другого выхода, — после долгой паузы призналась я. — Либо быть глупой самоотверженной темной ведьмой, либо сдохнуть.

— Сдохнуть? — недоверчиво повторил он.

— Есть еще один вариант. Но он намного хуже, чем просто умереть.

— Расскажешь? — заинтересовался лунный.

Хотя какой он, к демонам, лунный. Темные брови, темные глаза... Наверняка и волосы были темными, пока не поседел. А лицо вблизи совсем молодое. Сколько ему? Наверняка и тридцати нет.

— Как тебя угораздило поймать проклятие безумия? — вместо ответа спросила я.

— Зачем тебе знать? — нахмурился лун... Эрриан.

Все же после того, как он меня спас... Впрочем, накануне сорвал торжественное сожжение и лишил гонорара. Но все же Эрриан.

— Хотя бы затем, чтобы понять, почему Эита так стремится заполучить твой разум.

— Тот малефик, что создал проклятие, принес в жертву семнадцать темных магов и ведьм. Представляешь, какой силы чернословие? Сколько капель чистого дара он выкачал из своих жертв на алтаре ради того, чтобы уничтожить императора?

Я представила. Ярко так... Как рыжая меня в капусту пошинкует, если упустит эдакий куш. Семнадцать капель чистой силы. И, чувствую, на алтарь попали совсем не слабые маги.

— Думаешь, у меня нет шансов? — ровно выговорил темный.

— Ну, если мы сумеем выбраться из этого гроба, то шанс определенно будет, — бодро отозвалась я, стараясь быть оптимисткой.

Мокрой, воняющей тинной, голодной и злой оптимисткой. Вот никогда бы не подумала, что попаду в гроб раньше, чем умру. Но, как говорится, от судьбы и ворожбы не уйдешь.

Я попыталась принять положение поудобнее. Получилось поерзать и задеть ногу темного. Он зашипел от боли.

— Лодыжка? — профессионально уточнила я.

— Выше. Судя по всему, голень сломал, — буднично произнес он.

Я вспомнила, как при переломах в лекарской орали боевые маги-первокурсники. Впрочем, и адепты-выпускники тоже вопили порой. Особенно если хотели, чтобы на них обратила внимание симпатичная целительница. А лунный лежит на мне как ни в чем не бывало. Будто каждый день себе кости ломает. На завтрак, обед и ужин. Хотя он же страж императора. Кто знает, как их натаскивали.

— Странное болото, — прервал мои мысли чуть севший голос Эрриана.

— Почему странное?

— Стрыги предпочитают теплые топи. А на этих лед лежит. Что она здесь забыла?

— А-а-а, вот ты о чем... — поняла я. — Тут кое-где есть термальные ключи. Поэтому топи коварны и летом, и зимой. Когда ударят морозы, везде будет толстый лед, а там, где ключи, можно легко провалиться с головой.

Словно в подтверждение моих слов наверху булькнуло. Доски крышки прогнулись, и темного прижало ко мне еще ближе. Хотя, казалось бы, куда еще-то?

— Вот уж не думала, что груз ответственности мага перед жителями империи — это не фигура речи в торжественной клятве, а стрыга, сидящая на крышке моего гроба, — выдохнула я.

— Нашего гроба, дорогая светлая ведьма, нашего... — в лучших традициях страстного любовника прошептал Эрриан.

— Как ты думаешь, она там подышает? — с надеждой спросила я.

Сегодня кто-то все же умрет. Либо тварь, либо мы вместе с тварью. Все зависит лишь от прочности, причем как досок, так и нашей выдержки.

Лунный прислушался.

— Пока еще нет.

— А вот я... кажется... сейчас да, — задыхаясь, призналась я.

И в этот момент мои губы накрыл поцелуй. Резкий, властный, напористый. В нем не было невесомой нежности касаний. Скорее он напоминал укус.

Мы, абсолютно мокрые, оказались прижаты друг к другу, не зная, встретим ли рассвет живыми. Я чувствовала, как ходят ребра темного при вдохах и выдохах, как бьется его сердце. Ощущала тепло его тела. Его наглые губы и язык. Язык был особенно наглым. Он беззастенчиво исследовал мой рот, властвуя и подчиняя.

Когда-то, еще перед поступлением в академию, меня впервые поцеловал парень, что жил по соседству. Тогда его губы напомнили мне две скользкие сардельки: такие ловишь в тарелке вилкой и никак не можешь поймать. Впрочем, потом были еще поцелуи. Другого. От тех меня откровенно тошнило.

Но здесь, сейчас... Все было иначе. И с кем? С темным, утащи его демоны в Бездну!

Поцелуй... Чувственный, несмотря на напор, глубокий, потрясающий. Он был пьянящим, как крепкий джин, лишающий воли, дарящий безумие. Поцелуй со вкусом цитруса и корицы, отчаяния и надежды. Эрриан определенно умел целовать девушек, знал в этом толк и, сдается, немало практиковался. Я задохнулась. Испуг, оторопь, растерянность... Чувства сплелись, перемешались, словно снежинки в порывах дикой вьюги.

Зато сознание перестало уплывать. Я распахнула глаза, уставившись на темного. Самоуверенно ухмыляющегося темного.

Я не могла залепить ему пощечину, даже двинуть в пах не могла, зато...

— Нос откушу, — зловеще предупредила я.

— Настоящая темная ведьма на твоём месте была бы совсем не против. Мы, темные, в жизни предпочитаем не упускать момент. Особенно если той самой жизни, возможно, осталось всего ничего. А ты вполне симпатичная, хоть и не в моем вкусе. Зачем погибать просто так, если можно — с удовольствием?

Что?! Я не в его вкусе? Вот... Вот наглая лунная морда! Может, все-таки цапнуть его за нос? Так тянет, аж зубы чешутся!

— Есть одна проблема. Я не темная. И, несмотря на обстановку... — я выразительно скосила взгляд на обивку гроба, — умирать пока не собираюсь.

— Недавно собиралась, — нахально напомнил лунный. — Одна там сверху помирает, никак помереть не может, вторая подо мной... Так себе бутерброд. Я все же чернокнижник, а не некромант! Так что придется мне следить, чтоб ты тут не скончалась.

— Предлагаешь тебе еще и спасибо сказать?

— Почему бы и нет? Прерогатива светлых — благодарить за помощь и душевные порывы.

— Твоими душевными порывами руководили из брюк! — прошипела я.

— Какая разница, откуда, если тебе понравилось?

— Ни капли, — возразила я. — У меня едва хватило силы вытерпеть это... это...

— Что же, зато теперь я знаю, что ты сильная и терпеливая. — Серьезный тон абсолютно не вязался с теми демонами, что плясали в его глазах.

Да надо мной форменно издеваются! Тонко и совершенно в духе темных.

— Эрриан, я, конечно, не телепат, но знаешь, у меня прямо невероятно сильное чувство послать тебя телепать в определенном направлении.

Он отчего-то широко улыбнулся, словно я отвесила ему комплимент, и хотел было ответить, как сверху что-то грохнуло и захрипело.

— Это то, о чем я думаю? — выдохнула я.

— Да, — отозвался темный. — Но стрыга пока еще агонизирует. Выходить опасно.

В подтверждение его слов о крышку бухнуло так, что доски заскрежетали. Затем еще раз и еще, будто тварь молотила по гробу в эпилептическом приступе. Наконец все стихло. Мы выждали еще немного, а потом я сняла заклинание.

Темный уперся руками в днище по обе стороны от меня и спиной попытался отодвинуть крышку. Судя по вздувшимся на его шее венам, приподнять крышку вместе с могильным надгробием было бы легче, чем с одной тушей нежити. И все-таки темный смог. Не с первой попытки, но справился.

Мы выбрались наружу. На горизонте занимался рассвет, раскрашивая перистые облака в нежный пурпур. Рядом лежала здоровенная туша издохшей стрыги, из брюха которой торчала сломанная кочерга.

— Живы, — выдохнула я.

— И даже не свихнулись. — Голос, полный разочарования, донесся сбоку.

На кочке, возмущенно скрестив лапы на груди, сидела белка. Ее усы нервно дергались, выражая крайнюю степень неудовольствия. Рыжая буравила меня взглядом.

— Вообще-то, ты должен был сойти с ума, а не умереть. — Ее обличающий коготок ткнул в Эрриана.

Темный закашлялся. То ли от беличьей наглости, то ли вдохнув полной грудью утреннего прозрачного тумана.

— Так помогла бы нам тогда, — рассердилась я.

Встала из гроба в полный рост и отряхнула прилипшее к ногам платье.

— Так я и подсобила, — взвинтилась Эйта. — Кто, по-вашему, эту тварюку добил? Она бы тут еще полседмицы подыхала!

Эрриан хотел ей что-то ответить, но я опередила:

— Раз ты взялась творить добро, то помоги дотащить темного до города.

— Еще чего! — фыркнула белка. — Он кости себе ломает из-за своей дурости, а мне волокни его на себе потом. Ну уж дудки!

— А я его не дотащу! — безапелляционно заявила я.

Ну, приврала, конечно. Немножко. Думаю, дотащила бы. Ругаясь, проклиная, но дотащила бы... К вечеру, когда у него нога от отека в бревно бы превратилась.

Я помолчала и вкрадчиво спросила рыжую:

— Оставим его здесь умирать?

— Ты же целительница! — Та едва не лопнула от возмущения. — Ты должна спасать жизни!

— Ага. Но спасать тех, кого можно спасти. А кого нельзя — добывать, чтобы не мучились! — очень серьезно пояснила я, старательно пряча смех: круглые белкины глаза стали еще и навывкате, отчего рыжая странным образом начала походить на ошалевшего рака. — Мой преподаватель по хирургии говорил, что целители должны быть нахальнее некромантов. Потому как маги смерти работают с уже умершими телами и чувствами, а мы — с теми, кто порой умирает на наших руках. И без брони цинизма лекарю тяжело.

— Я смотрю, у тебя не просто броня, а каменная стена... — Эйта дернула хвостом и проникновенно уточнила: — Оставишь его тут?

— Добью, наверное... — задумчиво протянула я. Теперь в глазах рыжей плескался откровенный ужас. Еще бы. Отдать Смерти семнадцать единиц чистого дара... — Хотя... Он темный, его не жалко. Не буду добывать. Оставлю, сам помрет. К тому же я сделала все, что могла, — с намеком на наш контракт по организации шизофрении произнесла я.

Эрриан все это время внимательно следил за нашим разговором. И, судя по всему, сделал правильные выводы.

— А я не возражаю умереть тут. У меня и гроб уже есть.

— Он пока не твой. За него хозяин лавки просит четыре сребра, — отрезала я. — К тому же его надо вернуть.

— Хорошо, умру без гроба, — покладисто согласился темный. — Но пешком не пойду. Ни за что!

Белка вперила в Эрриана недовольный взгляд и буркнула:

— Шантажист несчастный!

— Еще какой, — с готовностью подтвердила я.

— А ты... — Эйта уперла лапы в бока и перевела взгляд на меня. — С тобой мы еще поговорим!

Я скромно потупилась, изобразив невинность.

— Ну, знаете... — Рыжая надулась от злости. — Меня еще ни разу клиенты спасать себя не заставляли. Да еще таким унижительным способом: дотащить! Это просто оскорбление!

— Магда знает в них толк, — вернул мне шпильку темный.

— Что-то вы подозрительно хорошо спелись. — Белка повела носом.

— Ничто так не сближает, как совместно проведенная ночь, — тут же отозвалась я. — После того, как он лежал на мне... Стонал, совершал непотребства...

На меня уставились четыре изумленных глаза. Причем у лунного, услышавшего мою вольную трактовку сегодняшних событий, удивления было гораздо больше, чем у белки.

— Я тебя всего лишь привел в чувство, — нахмурился он.

— Да-да. Знаем-знаем... — ехидно прокомментировала рыжая. — Сначала мужчина приводит женщину в чувство, а потом она его — к алтарю. Слышь, Меч, тут хоть официально и Темные земли, но нравы царят дикие, светлые. Так что ты поосторожнее... упражняйся. В Хеллвиле полно незамужних девиц, матерям которых плевать, светлый ты или темный. Им главное — дочку хорошо пристроить.

— Ты так ратуешь за мое холостяцкое счастье? — удивился Эрриан.

— Нет, просто браков не люблю. — Белка выразительно размяла лапы.

Браков не любит? Помню-помню, она как-то сетовала на соперницу, что этим летом вышла замуж.

Не дав больше задать ни единого вопроса, Эйта растворилась в воздухе, чтобы через четверть удара колокола появиться вновь. Верхом на холке той самой кобылы, что унеслась вместе с телегой нынешней ночью. Счастье, что, пока лошадь носилась окрест, нежить не успела ее сожрать.

В город мы въезжали с седьмым ударом колокола. В повозке вновь лежал гроб, а в гробу — темный. Его сморило, и он беззастенчиво дрых, изображая труп на радость хеллвильцам.

Хотя без казуса не обошлось. Перед самыми воротами нас обстреляли с городской стены. Стражи сделали предупредительный залп из арбалета в борт телеги. Я ответила им пальцем, который был дан мне самой природой специально для оценки мнений некоторых особо умных.

Ну и к жесту добавила пару слов на имперском. Прочувствованных, с обещанием вернуть этот болт меткому стрелку обратно. Притом не туда, откуда он вылетел, а с тыла, немного пониже спины.

Со стены тут же раздалось:

— Все в порядке, это не умершие! Это наша несгораемая ведьма!

«С прошлой ночи еще и непотопляемая», — мрачно добавила я про себя.

Между тем створы ворот со скрипом распахнулись, и мы въехали в город.

— Гляди-ка ты, и вправду темный усоп... — сдвинув шапку набекрень и почесывая затылок, протянул один из стражников.

— А чего она его обратно в город везет незакопанного... — опасливо бросил второй, что стоял рядом с ним и задумчиво гладил окладистую бороду.

— А пес эту ведьму знает. Может, зомби из него решила сделать, чтоб, значит, прислужник в доме был. Или непотребствами в ночи заниматься с ним какими удумала.

— Так для непотребств теплый-то приятнее...

— И вам не здрасте! — мрачно обронила я, прервав высокоморальный диспут доблестных стражей Хеллвила.

Мужики тут же словили приступ немоты, будто я их прокляла. Они так и стояли, провожая меня в тишине пристальными взглядами выпученных глаз.

Улицы уже не были пусты. Тут и там сновали вездесущие мальчишки, спешили на рынок хозяйки, чтобы купить самого свежего, вкусного, обменяться сплетнями и наспориться от души, торгуясь за три морковки.

Все таращились на живой труп, который сначала лежал благопристойно, а потом начал едва слышно бессвязно бормотать. Когда же кобыла остановилась у родимой лавки гробовщика и тихонько заржала, ее наконец-то проспавшийся хозяин выскочил из дверей как ужаленный.

— Вот, возвращаю, — спрыгивая с телеги, возвестила я и жестом «купец показывает лучший товар» указала на гроб.

— Меня господин Рынмарь убьет... — простонал гробовщик, белея. — Это же для его любимой тещи, Бездна ей в печенки, был заказ! Четыре сребра! Бархатная обивка! Мореный дуб, самый прочный... Чтобы покойница не выбралась из него, если нечистью вдрут станет.

Он причитал, глядя на борозды, оставленные здоровенными когтями, и уже в красках представлял, как господин Рынмарь самолично уложит его в его же творение. Кажется, даже внимания не обратил на то, что его «ящик» уже облюбовал темный.

— Передайте заказчику, что гроб ведьмой опробован на злющей стрыге. Испытание товар прошел с честью, и никакой зомби или упырь из этого ящика не выберется, — строго сказала я. Гробовщик перестал бормотать и с интересом прислушался. — Так что пусть господин Рынмарь спит спокойно: его усощая теща своего зятя не потревожит. В телесной оболочке — так точно. Да, и спросите с него за тестирование еще полсребра, — невозмутимо закончила я свою речь.

Гробовщик заметно повеселел. Наморщил лоб, закатил глаза к небу и забормотал, загибая пальцы. Чую, сдерет этот пройдоха с господина Рынмаря за тестирование не полсребра, а куда больше. Я потрясла за плечо сонного Эрриана.

Тот будиться не хотел. И не стал. Что-то буркнул то ли во сне, то ли в полубреду. Гробовщик, которому не меньше, чем мне, хотелось выковырять темного из нахально занятого гроба, уже топтался рядом. Вдвоем мы вытащили этого обморочного, гробовщик взвалил его на плечо и понес ко мне в дом. А уже там уложил на стол, который я предварительно окатила из бутылки ядреным гномьим первачом.

Как только дверь за моим помощником захлопнулась, я приступила к лечению. Сначала разрешила штанину, однако, прикинув, что забинтовать придется не только голень, но и бедро, которое тоже было рассечено, плюнула и сняла с темного порты вовсе.

Сломанная и порванная нога лунного напоминала кровавое месиво, под которым я различила мету: черный вихрь — символ чернокнижного дара. Мета начиналась в районе лодыжки и змеей-воронкой уходила вверх, под рубаху. Завихрения где-то превращались в руны, вязь, чтобы затем вновь обратиться в гибкие чернильные потоки. Ничего себе! Какая здоровая. А еще... она шевелилась. Едва заметно, но все же. Неужели у него дар еще до конца не сжился с телом? Или все оттого, что

сила была немалой? Ведь чем выше уровень магии, тем позже происходит полное слияние и мета останавливается, закрепляясь на теле навсегда. Моя-то звезда целителя до выгорания тоже ползала. А потом... Съежилась до размера ногтя и застыла под нижним правым ребром.

Белка, до сего момента безмолвно наблюдавшая с подоконника, не удержалась от указаний:

— Давай, пошевеливайся! А то мой клиент еще сдохнет неумалишенным! Бери, что тебе там нужно — мази, эликсиры, иголку, — в свои умелые руки и...

— Хвост оторву! — рявкнула я.

— Хорошо, бери в свои корявые руки... — «исправилась» рыжая, которая от переизбытка чувств не могла замолкнуть.

— Воротник сделаю! — пригрозила я, держа в руке тонкий, отточенный до остроты бритвы лекарский нож.

— И этой неблагодарной я сохранила разум!

— Ты просто не смогла его отнять! — парировала я, складывая кости Эрриана.

— Тяжело отнять то, чего нет...

— Есть. Нужно было лучше искать, — пробурчала я, не отрываясь от лечения темного.

— Ну ты и... — задохнулась от возмущения Эйта.

— Какая? — спросила я, занятая привычным ремеслом — зашивала рану.

— Уникальная... — уничижительно фыркнула она. — Как будто тебя на заказ сделали. В наказание всему миру, и особенно мне...

— Почему «как будто»? Я и правда неповторимая. Когда мои производители попытались повторить опыт, то получилось белокурое недоразумение по имени Рик.

— Твой братец, в отличие от тебя, хороший малый. Его было бы так легко свести с ума. Жаль, не довелось, — печально закончила белка.

— Еще слово, — припечатала я, — и я наплюю на все да исключительно тебе в отместку зарежу этого темного!

Я все же оторвалась от перелома и с поднятой рукой, в которой был нож, заменивший мне скальпель, посмотрела на белку. Именно в этот момент распахнулась дверь, и на пороге застыл смуглый. Палач, слуга и друг Эрриана.

Перед его глазами предстала та еще картина: я с колтуном на голове, в чистом фартуке, на котором уже было несколько пятен крови, с целительским ножом наперевес и обещанием прирезать темного. Белки гость не видел, посему уставился исключительно на меня.

— Отойди от него немедленно! — завопил он, пытаясь создать пульсар.

Именно пытаясь. Искра в его ладони так и не вспыхнула пронзительным светом, а, плюнув несколько раз, исчезла с хлопком.

— Что за... — не понял смуглый.

Впрочем, конфуз его не смутил: он потянулся к поясу за кинжалом.

Я мысленно прикинула, что быстрее: объяснить темному, что я делаю с его дружкой, или оглушить, чтобы не мешал операции? Второй вариант был предпочтительнее, но подкрасться сзади и незаметно тюкнуть смуглого по темечку было проблематично по той простой причине, что мы с ним уже разговаривали. А в открытом сражении я могла его сразить лишь тяжелым и исключительно тупым вопросом. Посему просто буднично его оповестила:

— Темный, тебе сюда, вообще-то, вход запрещен.

— Потому что я темный?

— Нет. Потому что сейчас идет операция. Ты мешаешь мне спасти твоего друга от смерти.

— До встречи с тобой он был жив и здоров. А лишить жизни Меча Владыки имею право только я.

— И не думала составлять тебе конкуренцию! Придет время, даже помочь могу. Топорик там

поддержать или табуретку выбить. А сейчас, когда мы выяснили, что наши зоны влияния не пересекаются, будь любезен... Рядом с тобой стоит короб с бинтами. Принеси его мне, пожалуйста.

Смуглый явно растерялся. Как тот матерый волкодав, что врезался в волчью стаю, а вместо кровавой драки и лязганья клыков у горла получил предложение погрызть морковку. Вот и темный хотел ведьму убить, а его наглým образом работать заставляют.

Он так и стоял на пороге. Явно переваривал сказанное и заодно выпускал тепло на улицу. А дрова для печи мне доставались не даром. Мудрые люди говорят, что молчание — золото, но если сейчас я не звякну серебром, то дружок Эрриана разорит меня на хорошую вязанку.

— Ну так что, палач, будешь помогать мне свою жертву спасти или еще помедитируешь?

Смуглый шагнул и закрыл за собой дверь. Увы, не с улицы. А жаль. Впрочем, смирившийся с тем, что сегодня он не убийца, а младший лекарский персонал, смуглый оказался хорошим помощником. Споро подал короб с бинтами, ловко чугунок с горячей водой из печи ухватом достал, помог промыть рану. И все то время, что я бедро обрабатывала, цепко держал нехстати пришедшего в себя Эрриана. Хотя я бы сильно удивилась, если бы лунный не очнулся: когда из ноги пытаются выдрать кусок мяса — тут и труп подскочит. Без всяких некромантов. Ну, конечно, не совсем мяса. Все дело в том, что, пока темный нырнул за мной в болото, нанесенную когтями стрыги рану успела распробовать хирсина.

Эта мелкая топяная нечисть была размером не больше ладони. До поры до времени плавала свободно. Но как только вблизи оказывалась жертва, нечисть впивалась в нее челюстями, впрыскивала парализатор и начинала вращаться в тело корневыми щупальцами. Лунному досталась особо шустрая хирсина: так внедрилась в бедро — шиш подцепишь.

Я долго пыхтела, но все же ухватила ее за бока ногтями. Да как дернула! Эрриан не только пришел в себя, но и рефлекторно врезал кулаком. Со всей дури! Благо не мне, а своему смуглому другу. Я бы точно вывихом челюсти не отделалась.

Тот ничего не сказал, потому что уже не смог, но навалился на лунного всей тушей да хорошенько придавил к столу. А я с третьей попытки выдрала демонову хирсину из бедра Эрриана. Оказавшись на воздухе, та заверещала не хуже банши. Ее короткие, тонкие, нитевидные щупальца, похожие на мочковатый корень, забились во все стороны, норовя дотянуться до моего запястья.

Я быстро швырнула хирсину в печь, где она вскоре и замолкла.

Перевязав бедро одному темному, вправив челюсть второму, я выдохнула и обессиленно опустилась на скамью. Прислонившись спиной к стене, закрыла глаза и четко произнесла:

— С вас за оказание целительских услуг три золотых. — И едва услышала возмущенное сопение гостя, как злобно предупредила: — Орать о грабительских расценках и торговаться не советую!

— Проклянешь? — уточнил гость, держа у скулы тряпицу с примочкой.

— Зачем? — искренне удивилась я, приоткрыв один глаз. — У тебя и без чернословия от воплей челюсть по новой заклинит.

Белка, весь процесс лечения сидевшая молча, после моих слов аж слезу умиления хвостом смахнула: ее уроки в лабиринтах разума не прошли даром, и сейчас я даже без капли магии могла довести любого до состояния озверения. Главное, чтобы после этого не пришло состояние упокоения. Моего упокоения.

— Ах ты... — то ли восхитился, то ли озлобился смуглый.

Но потом посмотрел на прищурившуюся меня, на Эрриана, который лежал на столе, прикрыв глаза. Глянул за окно, где гробовщик, насвистывая, тряпицей полировал ободранный стрыгой гроб. И, видимо что-то прикинув, процедил:

— Ведьма, ты прямо прелесть какая гадость.

Да уж. Комплимент в истинно темном духе! Я улыбнулась и мстительно напомнила о трех золотых. Смуглый похлопал себя по карманам, заглянул в кошель, но, судя по слишком независимому выражению лица, за утро наметился второй конфуз. На этот раз финансовый. Но темный не был бы темным, если бы признался в поражении.

Он убрал свой кошель обратно и подошел к куче тряпок, которые остались от портов Эрриана. Наклонился, откинул ткань и, найдя карман, достал из него несколько монет.

— Я не люблю, когда ко мне лезут в штаны. Особенно если меня самого в них нет. — Хриплый голос,

раздавшийся со стола, заставил меня заинтересованно открыть и второй глаз.

— Прости, но у меня с собой не было, и я решил оплатить твоё лечение из твоего же кармана, — без тени раскаяния пояснил вороватый смуглый. — Эта ведьма требует за свои услуги три золотых!

— И серебр за доставку, — добавила я.

Если уж наглеть, то по полной. Ведь мои последние отношения с золотой монетой закончились тем, что я повосхищалась ею издалека. Так сказать, духовная близость не переросла в обладание. Поскольку сожжения не получилось, а значит, вместе с ним — и гонорара от отца Панфия. Посему стоило наверстать упущенное.

— Я доставила пациента с комфортом. Чтобы его ненароком не продуло, в ящике, — терпеливо пояснила я. И, вспомнив про господина Рынмаря, напевно перечислила: — Бархатная обивка! Мореный дуб, самый прочный... Промаркированный знаком качества. Итого три золотых и один серебр. Знак качества, так и быть, бесплатно.

О том, что почетным маркировщиком была стрыга, оставившая на досках свой когтистый росчерк, я тактично умолчала.

— За что? — возмутился Эрриан и повернулся к своему приятелю. — Джером, о чем это она вообще бредит?

Джером не произнес ни слова, но та-а-ак выразительно уставился на одну рыжеволосую ведьму.

— Ну как за что? Золотой — за перелом. Кости сложила, рану обработала, сращивающей настойки вот сейчас еще дам и обезболивающей. И амулет-ускоритель еще. Правда, он слабенький. — Я для наглядности загнула палец. — Второй золотой — за то, что хирсину вытащила из бедра.

— Ты вырвала ее с моим мясом! — не удержался лунный.

— Хорошо. За то, что пришлось слегка ущипнуть тебя за задницу, скину пару медек, — покладисто согласилась я. — Ну а третий — за вправленную челюсть.

— У меня с челюстью все в порядке, — тут же возразил он.

— Так я и не тебе вправляла, а твоему па... — Я осеклась. Хотела сказать «палачу», но о смерти и так слишком много разговоров! — ...рню.

— Мы не мужеложцы! — грянуло так яростно и синхронно, что подспудно возникла мысль: именно так оно и есть.

И если бы пару ударов колокола назад Эрриан в гробу страстно не доказал обратное, то я бы им не поверила. А что... о темных всякие слухи ходят. Вздохнула и укоризненно покачала головой:

— Я ведь не осуждаю...

Да, бесить — мой талант. И в отличие от магического дара потерять этот талант куда сложнее. Хотя признаюсь, иногда хотелось. Очень. Особенно в такие моменты, как сейчас: еще миг назад, пока не произнесла своей последней фразы, в душе порхали бабочки. А вот теперь они валялись дохлыми и вымороженными напрочь под перекрестьем двух ледяных взглядов.

— Джером, скажи этой вымогательнице, что услуги телохранителя императора стоят гораздо больше, чем три золотых. И я тоже могу ей сейчас выставить свой счет.

Нет, вы посмотрите на него, а? Только из гроба вылез — и сразу торговаться.

— Тебе хана, — услужливо перевел речь лунного его па... в общем, палач.

Я замолчала. Не потому, что ответить было нечего. Скорее даже наоборот: мыслей крутилось слишком много и все они стремились быть озвученными. Но, во-первых, тогда я буду ругаться слишком долго. Во-вторых, я припомнила, сколько мне обещал Эрриан за помощь в устранении Эйты. Последняя, к слову, уже куда-то исчезла с подоконника. То ли убедилась, что процесс «сведение с ума» у клиента идет с переменным успехом, то ли у нее появились иные срочные дела. Но, так или иначе, белку я у себя в гостях уже не наблюдала.

— Чего замолчала? — удовлетворенно спросил Джером.

— Просто сижу и думаю, как дальше жизни радоваться. И раз уж у нас случился взаимозачет услуг, то попрошу покинуть помещение. Тем более что скоро кто-нибудь да обязательно придет.

— Ты же вчера всех побитых приняла, — сипло возразил Эрриан.

— Вчера были поломанные, — не стала спорить я. — А сегодня будут возмущенные. Те, кто вчера скидывались тебе на порчу и утром обрадовались твоему трупцу. Вот как прознают, что покойник воскрес, так и придут мстить. Может, даже организуют внеплановое сожжение... — мечтательно закончила я.

На моих последних словах Джером закашлялся.

— Определенно, ты самая ненормальная из ведьм, которых я встречал. Мало того что сама просишься на костер, так еще и лечишь.

— А что в этом странного? — не поняла я подвоха.

— А хотя бы то, что среди темных такого практически не встречается. Все же дар целительства — это больше светлая магия, — припечатал Джером.

Ну вот делай людям добро! Хотя бы и по грабительским расценкам! Зря только челюсть гаду вправила.

— А Магда и не темная, а светлая, — хрипло отозвался Эрриан, бессовестно посвящая своего палача в мою самую сокровенную тайну.

У-у-у, сивый! Молчал бы уж, пробник мумии. Нет, надо было его всего забинтовать. Не только ногу. А еще и рот кляпом заткнуть!

— Тебя же светлая магия убить может! — возмутился смуглый.

— А кто сказал, что я ее вообще использовала? — разозлилась я. И уже, обернувшись к лежащей «красавице», едко процедила: — А тебе, Эрриан, спасибо! Ты так добр. Не знаю, чем тебе за это отплатить... Хотя нет! Знаю. Я буду за тебя молиться.

— Из твоих уст это звучит как проклятие, — усмехнулся оккупант моего стола.

— «Как» тут лишнее, — выдохнула я, и, встав с лавки, скомандовала: — А на сей радостной ноте давайте прощаться. Один темный закидывает второго, перебинтованного, на плечо и тащит отсюда подальше.

Увы. Со словами: «Подавись, белая ведьма!» — мне на стол легли три золотых. А потом Джером таки поволок своего то ли господина, то ли жертву. Но не на улицу. А по лестнице. На второй этаж. В мою спальню!

ГЛАВА 4

— Какого демона? — успела крикнуть я смуглому.

— А если моему другу в особняке бургомистра станет хуже? — отозвался тот, не оборачиваясь и продолжая подниматься по ступенькам. — Пока я его к тебе обратно через весь город дотащу, он и помереть может. Нет уж. Никуда я его не понесу. Мы пока здесь побудем.

Кому-кому? Другу? Хм... Какие, однако, интересные понятия у сыновей Мрака о дружбе. Раньше я считала, что по дружбе можно только выручить, а оказывается, что и убить — тоже.

Я аж задохнулась от такой наглости. Ну... темные! Мало того что Хеллвиль себе присвоили, так еще и на мою постель покушаются! А я где спать буду?

Пока я мрачно размышляла о коварстве пришлых, в дверь постучали. Не лупили кулаком, а тихонько поскреблись. Значит, не вчерашние проклинатели.

— Входите, открыто! — мрачно рявкнула я.

Сегодня, как никогда, я была похожа на истинную темную ведьму. Настроением — так точно.

Дверь отворилась, и на пороге застыла, словно не решаясь шагнуть дальше, юная гостья: новый заячий тулупчик, парчовая юбка, сапожки из тонкой кожи и яркий платок. Надо же, кто ко мне пожаловал! Мажета, дочка торговца третьей гильдии — девка в меру красавица и без меры глупая. Ибо считала, что деньги могут все, а набитый золотом кошель способен и зомби превратить в человека. Поскольку мощна ее отца была полна до краев (и не презренной медью или скромным серебром), Мажета чувствовала себя хозяйкой везде. Везде, кроме моей лавки. Но явно по привычке заговорила она с гонором, хоть и не тронулась с места, продолжая выстужать дом:

— Эй, ведьмовка, мне снять венец...

Мажета осеклась, напоровшись взглядом сначала на пустую бутылку из-под первача, потом на окровавленные портки лунного, кои так и валялись возле ножки стола. Демоны все раздери! Вот только сплетен мне и не хватало. Представляю, как уже завтра весь Хеллвиль будет судачить, что ведьма пьет по ночам в одиночку и запоздавшими клиентами закусьивает. А это значит, что за колдовские услуги теперь мне можно заплатить первачом и окороком, а не деньгами! Я невозмутимо затолкала ногой под лавку изрезанную кучку ткани и подбодрила:

— Ну!

Мажета сглотнула и закончила фразу уже не столь уверенно:

— ...безбрачия нужно.

Тут брякнула заслонка, и из печи вывалилась агонизирующая хирсина. Вереща на одной ноте и протягивая свои щупальца, тварь поползла к гостье. Мажета истошно заорала в ответ. Причем гораздо сильнее нежити. После сегодняшних приключений у меня и так болела голова, а еще этот ор. Я не выдержала и, подойдя, припечатала ногой голосящую заразу. Нет, не Мажету.

Хирсина дрыгнулась и обмякла. Продолжая давить, — нежить из болот иногда оказывалась зело живучей, — я мрачно глянула на дочку торговца и уточнила:

— И долго еще будем голосить?

Мажета враз смолкла. Дверь, в которую как раз ударил порыв ветра, тут же хлопнула гостью по спине и тому месту, где она заканчивает свое благородное название. Девица пробкой влетела внутрь. Наверняка приняла случившееся за ведьминский замысел: вон как глазами из-под платка сверкнула. Ну да, мне делать больше нечего, как силы тратить на такую ерунду. Но разубеждать Мажету не стала. Она же глянула на меня, потом на мою ногу, сглотнула и буркнула:

— Снимете?

Ого, уже и на «вы». Этак скоро я и «госпожой ведьмой» стану, а не «демоновой ведьмовкой».

Мажета склонила голову. Вышло так себе: гордячка явно привыкла приказывать, а не просить. Я посмотрела на эту смесь спеси и страха и уже было хотела сказать, что венец безбрачия снять не могу. Разве что посочувствовать. Но гостья, словно что-то почуяв, успела достать кошель.

— Вот, тут двадцать сребров. — Она сделала несколько осторожных шагов и положила деньги на стол.

Хм... Отчего бы не помочь избавиться бедной девушке от тяжелой ноши? Тяжелой денежной ноши. От венца я ее избавить не могла хотя бы потому, что оно на Мажете не было. Зато дури в ее русоволосой голове водилось изрядно. И желания во что бы то ни стало прогуляться до алтаря. Причем не абы с кем, а с самым лучшим женихом Хеллвиля. До вчерашнего дня таковым считался сын бургомистра. Но это было до эпичной эвакуации семьи градоначальника из дома. А сейчас... Судя по всему, им стал темный. Темные.

— Закрывай поплотнее дверь, и посмотрим, что можно сделать, — повелела я и шаркнула ногой по половицам так, чтобы остатки хирсии отцепились от подметки и улетели в угол.

Пока Мажета бегала к входу, я быстро шагнула вперед, одной рукой взяла кошель, а другой цапнула три золотых, оставленных на лавке смуглым. Сунула все в «банк» и приготвилась внимать девичьей беде.

— На мне венец безбрачия! — запальчиво воскликнула Мажета, едва дверь была закрыта. Она без приглашения уселась на табуретку у стола, распахнула гулуп и пояснила: — Только я за кого соберусь замуж, как все планы рушатся. За Барта хотела, так его Натана приворожила.

Я вспомнила красавца-оружейника, сыгравшего свадьбу месяц назад. Вел он свою невесту в храм по любви. Так что у меня зародилось смутное подозрение, что этот «жених» Мажеты слегка не в курсе был, что он ее суженый.

— Собралась ему в отместку за Дирка, — между тем продолжала Мажета, — так его вчера вместе со всей семьей темные из дома высвистнули и без денег оставили. Нет мне счастья. Это точно во всем венец безбрачия виноват!

«И в том, что нас ночью стрыга чуть не сожрала, — тоже он!» — крутилось на языке, еле удержалась, чтобы не ляпнуть.

— Для начала давай погадаем, — предложила я, честно отработывая свой гонорар.

Так. А есть ли у меня карты? Вроде были. Правда, западной части империи, а не гадальные. Значит, придется импровизировать.

— А на чем? — заинтересовалась Мажета. — Я слышала, ведьмы при гадании используют потроха, мышинный или драконий помет.

Угу. Сейчас принесу на лопате.

— Гораздо чаще мы используем логику, — строго сказала я, чем изрядно разочаровала девицу.

Похоже, требуха была ей гораздо интереснее доводов разума. Может, в ливере мистики больше? Впрочем, клиент всегда прав. Пока жив. Я вдохновенно провозгласила:

— Будем гадать на котле!

Спустя четверть удара колокола мы стояли над котлом. Вообще-то, он был никакой не ведьмин, а большой алхимический. С маркировкой «тара номер пять» на дне. Его любезно предложил мне взять Никое, который, как и я, в этом году окончил академию. Со своим чугунным другом алхимик расстался по весьма прозаичной причине: в их отношениях случилась трещина. Крохотная трещина на самой кромке посуды. Для обычной кухонной утвари — ерунда. Для алхимика — трагедия. Выращивая кристаллы или разделяя вещества, мастера эликсиров вращали воронкой содержимое котла с такой скоростью, что взрывались и абсолютно целые посуды. А уж с трещиной — и подавно. Посему Никас решил не рисковать.

А мне, целительнице, для варки зелья в самый раз. Теперь утварь и в «гадании» поучаствует. Растопив печь, я щедро плеснула в котел воды, добавила пару самых сильно пахнущих зелий, сдобрила вытяжкой из кровохлебки и кинула чернокорня для цвета. Смесь вышла ядреной. От источаемого ею смрада аж глаза щипало. Не то что заглянуть в котел, дабы увидеть в вареве свое будущее, — даже стоять рядом было подвигом. Может, я случайно изобрела новое алхимическое оружие? Надо бы его запатентовать.

— Суженый, появись, ликом Мажете покажись. — Я взмахнула руками, изображая ворожбу, а на самом деле отгоняя от лица жуткий запах.

В тот момент, когда девица уже была готова клюнуть носом в противную жижу, заскрипели половицы, и раздался негодующий голос Джерома, спустившегося сверху:

— Чем это у вас тут воняет!? — возмутился он.

Мажета повернулась, вытаращила глаза, с протяжным стоном: «Это мой суженный?» —

пошатнулась и начала медленно падать в обморок.

Вот зря я подхватила девицу, которая явно любила булочки с брусничным сиропом, — едва под ее весом в пол по пояс не вошла, как горячий гвоздь в кусок масла. Благо темный помог и уложил гостью возле лавки. Рядом с тем местом, где скончалась хирсина.

— Думаю, твое чуткое обоняние уловило запах грядущих неприятностей, — сдвиг вьющуюся прядь со лба, просветила я Джерома.

— Чьих? — прозорливо спросил темный.

— Ну... — протянула я. Припомнила настойчивость и целеустремленность девицы, когда та гонялась за сыном бургомистра, дабы сделать его счастливым семьянином, и резюмировала: — Судя по всему, и твоих тоже.

— Я-то тут при чем?

— При всем, — фыркнула я.

Мажета всхрипнула. Видать, обморок оказался со снотворным эффектом. Или это она порошка успокой-корня надышалась?

— Что с ней?

— Не обращай внимания. — Я махнула рукой. — Раз уж ты спустился... Сходи на базар, купи еды. А то тебе нужно твоего друга кормить, ну и меня тоже.

— Ведьма, у тебя совесть есть? Я тебе всего четверть удара колокола назад три золотых заплатил!

— Совесть? У ведьмы?! — искренне возмущилась я, словно меня только что оскорбили. А потом пафосно добавила: — Она сгорела на костре инквизиции!

— Вот всегда знал, что светлые ничего толком не умеют. Даже ведьму сжечь! Нет чтобы целиком, так они только ее совесть спалили.

— Может, тогда побудешь помощником храмовника при следующем сожжении? — невинно предложила я.

— Темный маг помогает святой церкви? — Судя по возмущению в голосе Джерома, я смогла-таки его унять. — Ничего проклятого в твоей душе нет, ведьма.

— Святого, — педантично уточнила я и на недоуменный взгляд смуглого пояснила: — Я светлая магесса, поэтому правильнее будет «ничего святого». Так ты за едой-то пойдешь?

— А если нет? — прищурился он.

— Ну... — Я выразительно посмотрела вокруг. — Я могу и сама приготовить: наломать дров, подлить масла в огонь, потом заварить кашу и навешать лапши. Тебе на уши или на шею? Потому как из продуктов у меня ничего нет.

— Ну ты и ведьма! — восхищенно протянул смуглый, по-новому взглянув на меня. — Смелая, красивая, да еще и одинокая.

— Не знаю, как у темных, а у светлых считают, что мужчине стоит бояться красивую и одинокую магессу. А если она не только красива и одинока, но еще и зла, то лучше сразу притвориться мертвым.

— Я не просто мужчина, но и маг. К тому же смертью пожирателя душ не испугаешь.

— Ага, его только продуктовой корзиной можно вогнать в трепет, — напомнила я о насущном.

— Хорошо-хорошо. Схожу. Но готовить будешь ты!

И смуглый шустро выскочил из дома, захлопнув за собой дверь.

Выпроводила. И даже под благовидным предлогом. Теперь нужно срочно привести в чувство Мажету и втолковать ей, что судьба дала знак — вот он, ее единственный! А я тут ни при чем.

А уж она устроит смуглому интересный досуг и развлечения, что мне весьма на руку: чем больше он занят личными делами, тем меньше приглядывает за лунным. Значит, у меня будет больше шансов свести Эрриана с ума.

Не успела осознать такую приятную мысль до конца, а на груди уже жаром налилась печать —

клятва темному в том, что я помогу ему избежать объятий Эйты. Хвостатый арх подери! Вот как мне выполнить свою часть уговора с белкой, если даже думы об этом отзываются огнем печати?

Ладно, выкручусь. Пока же главное — Мажета.

Я склонилась над ней и потрясла за плечо. Обморочная лишь сладко причмокнула и повернулась на другой бок. Я приблизила свои губы к ее уху и тихонько прошептала:

— Ты на свою свадьбу опаздываешь!

Всего пять слов — а девицу будто кипятком окатили: она тут же подпрыгнула и села, широко распахнув глаза.

— С-с-свадьбу?!

— Пока гипотетическую, — предельно честно ответила я.

— Какую-какую? — озадачилась Мажета. Потом, видимо, начала что-то вспоминать и недоверчиво прищурилась. — Так что, этот темный... Он взаправду мой жених?

Я солидно кивнула и подтвердила, что именно ворожба явила перед девой лик ее суженого. Ворожба, а не лестница, ведущая на второй этаж.

— Но как?.. Что мне нужно делать? — Она напряжилась, явно собираясь рвануть с места в карьер. В глазах появился фанатичный блеск. — Заплачу, сколько потребуется. Поможете его женить, госпожа ведьма?

Ого... Как ее разобрало-то!

Я не удержалась от соблазна и заверила, что не только помогу привлечь к ней темного (правда, не уточняя, что не приворотом, а по статье имперского кодекса), но и за дополнительную мзду устраню конкуренток. А что, веревку и кляп еще никто не отменял!

Покинула мою лавку Мажета не с пустыми руками. И не с пустой головой. Унесла с собой бесценные знания по склонению темных магов к браку и любовное зелье. Именно так я написала на пузырьке, внутри которого плескалась настойка полыни и корня тройчатки. Ну, подумаете, перепутала ведьма зелья и вместо запрещенного и дорогого дала желудочные капли. Зато точно никто не пострадает. Во всяком случае, сильно. Значит, я соблюла главное правило целителей: не навреди.

Джером вернулся, едва за Мажетой хлопнула дверь. Когда я заглянула в корзину, то поняла, почему он так быстро управился. Как истинный мужчина, темный исповедовал истину: еда — это мясо. Все остальное — закуска. А поскольку спиртного на обед не планировалось, видимо, он посчитал, что и закуска, в смысле овощи, не нужна.

Кусок парного мяса выглядел так, будто его только-только разделали. Или вырвали. Хорошо, если из рук мясника, а не напрямую из свиньи. А то ведь с этого ненормального мага станется.

Я пригляделась к добыче. Нет, край аккуратно отрезан. Значит, все же купил.

— Какое свежее. Мне Нарис всегда подсовывает что похуже, — возмутилась я. — Конечно, я бы не сказала, что ему хоть раз это удалось, но сам факт!

Мясник и правда всегда норовил в первую очередь предложить мне или лежалое, или такое темное и желто-жилистое, словно скотина сама издохла от старости и болезней. Ну не боялся мужик ни порчи, ни сглаза. Утверждал, что у него после полувека жизни с женой-ведьмой индульгенция. И не важно, что у супруги ни темного, ни светлого дара отродясь не было. Зато имелся характер. Стальной! А еще железные нервы и золотое (по утверждению самой госпожи Нарис) сердце. В общем, была она дамой тяжелой во всех смыслах, а не только из-за крайне дородной фигуры.

Возможно, наши товарно-просроченные отношения сложились бы иначе, если бы не обстоятельства первой встречи. Помнится, я попросила Нариса порубить мне мясо. Этот господин слегка атлетического, округло-внушительного телосложения в залитом кровью фартуке заявил, поигрывая топориком, что ради моих глаз готов порубить весь мир, а не только какую-то там грудинку. Меня впечатлило. Его жену — еще больше: она не побоялась назвать меня ведьмой! В глаза.

— Не просто ведьма, а квалифицированная, — скромно уточнила я.

И предложила за умеренную плату приворожить к ней супруга обратно. Причем с защитой от измен. Впрочем, не уточнила, что в привороте буду использовать не заговоры, а сплетни. Например, о том, что господин Нарис вроде как уже и не мужчина... И хотя репутация евнуха — не абсолютное ручательство и стопроцентной гарантии от блуда не дает, но все же... Зато распустьте сей слух —

все равно что сварить кофий с пенкой, — да раз плюнуть.

При этих словах супруга встрепенулась, а ее муж побелел. В общем, господин Нарис с тех пор начал мстить темной ведьме старой свининой и жестко-спортивной говядиной.

— Ну и мне этот кусок не продали, — пожал плечами темный. — Мясник мне его подарил. А еще сказал, что я порядочный.

Удивляться в речи Джерома можно было всему, но меня больше всего поразило именно последнее.

— Только порядочный?

— Ну... Если дословно, то он сказал, что я порядочный гад, который его почти что грабит среди бела дня... Но, знаешь, я предпочитаю фокусироваться на позитивном.

— И потом подарил мясо? — Я спрятала смех, уже догадываясь об истинной картине событий.

— Не сразу. Лишь после того, как я заверил его, что с кинжалом в голове он будет выглядеть гораздо мужественнее. Мясник почему-то начал отказываться, быстро убрал то старье, что пытался подсунуть, и достал лучший кусок свинины. Мы немножко поторговались. Сошлись на том, что первый товар для покупателя — в подарок.

Я посмотрела на темного скептически. Он на меня — радостно.

— Еду я принес. Теперь готовь, — сияя, как новенький золотой, сообщил Джером.

И ушел на второй этаж. В мою спальню!

Я кинула взгляд на мясо, потом на котел, стоявший на огне. И благословила. С чувством так, от души. Наглых темных.

— Ведьма! — донесся сверху синхронный крик.

Вот распереживались... А я всего-то пожелала, чтобы на них снизошло озарение. То, которое случается утром после вечернего переосмысления своей жизни. Когда ее хорошенько переосмыслишь, раскрашивая попутно в белые, красные, сухие, полусладкие и игристые тона, утром приходит оно — озарение. Правда, в простонародье его называют похмельем и головной болью.

К темным, судя по всему, вместе с озарением пришло озверение. Зато под этот рык готовилось преотлично. Закинув в чугунок с водой мясо и сунув его в печь, я ухватила «гадательный» котел, вынесла из дома. Отворачиваясь от вони, бьющей в нос, дошла до ближайшей сточной канавы и вылила в нее булькающую гадость. Когда последние капли стекали по чугунным стенкам, посудина вылетела из рук и ударилась о камень. Дужка треснула.

Арх! Мой любимый котел! Мой единственный котел для зелий! Придется потом сходить к кузнецу...

Когда я вернулась, бульон уже был готов. Разлила по тарелкам и кликнула смуглого. А что? Кормить с ложечки я никого не нанималась. Пусть сам своему другу еду носит. Но, как оказалось, магу, справившемуся с моим благословением, требовалась пища не только телесная, но и духовная.

— Магда, у тебя что-нибудь почитать есть? — спросил он. — А то скука смертная. Эрриан еще сутки проспит, пока восстановится.

— Сутки?! — Я удивленно вскинула брови. — Перелом неделю будет срастаться. И это еще на эликсирах!

— Он Меч, — отозвался Джером.

Ну да. Вот сейчас все стало понятно-понятно.

— Его с четырех лет готовили к подобному, — между тем продолжал он. — Ковали дух и тело. Даже источник у него сильно изменен. Обратила внимание, что мета еще не полностью инициирована?

Я заинтересованно кивнула.

— Да, заметила, что она слегка... подвижна.

Вообще-то, у магов примерно к двадцати годам мета полностью сформировывается, теряет подвижность, переставая передвигаться по телу. Моя вон уже давно не ползает по коже цветным рисунком, а прочно закрепилась и потускнела, свидетельствуя: чародей вошел в свою полную силу.

— Это оттого, что часть силы Эрриана закольцевали внутри тела, чтобы он мог быстрее восстанавливаться. А сам резерв искусственно расширили в несколько раз.

— Но подобное может убить мага, — вырвалось у меня. Как целитель, я прекрасно знала, о чем говорила.

— Не только...

Смуглый на миг задумался. Окинул меня внимательным взглядом, словно решал: говорить или нет. И... промолчал.

— Эрриан пошел на этот шаг, — упрямо спросила я, — чтобы... беречь жизнь императора?

— Пошел? Его никто не спрашивал! — вздохнул темный. И добавил, поясняя: — В империи есть крепость, где куют тело и дух таких, как Эрриан: магов с сильным, очень сильным уровнем дара. Набирают детей не старше четырех лет. И начинаются ежедневные тренировки, ломающие не только кости, но и психику. Оттуда выходят идеальные телохранители. Не больше трех в год...

«Или не выходит ни одного», — домыслить труда не составило.

— А сколько входит?

Я представила себе четырехлетнего ребенка, которого ставят перед выбором: сражайся или умри. И ужаснулась.

— Сотня.

— Кто же из родителей согласится отдать свое дитя на смерть?!

— Некоторые дети — сироты. Кто-то родился в бедной семье и был выкуплен. Редко, но забирают из семей аристократов, — это своеобразная форма демонстрация власти императора. Род, не отдавший своего ребенка, могут обвинить в неподчинении воле владыки, а значит — измене.

Повисла тишина. Темный словно жалел о том, что сейчас рассказал. А я пыталась осмыслить услышанное.

— Так есть книги? — Смуглый устало потер лоб.

— Есть. Целых две! — заверила я.

— Давай обе. Вдруг одна из них окажется сопливым романом, — тоном «знаю я вас, женщин» произнес он.

Ну, раз уж так просит...

— Вот тебе книга с потрясающим сюжетом, где герои обнажают все свои чувства, мысли, ну и тела заодно. — Я вручила остолбеневшему темному анатомический атлас.

А что, в описании сего произведения я ни разу не соврала: там были не только обнаженные люди, но и вовсе без кожи, а также без мышц и иногда даже костей. Судя по тому, как посмотрел на меня смуглый, он предпочел бы любовный роман.

Но меня уже понесло.

— А вот это вторая. — Я сдула пыль с другого фолианта, чихнула и продолжила: — Она для расширения кругозора.

— Шире, чем первая? — В глазах смуглого плеснулся ужас.

— Значительно! — безжалостно обрадовала я.

— Может, не надо? Я бы не прочь свой не расширять. Совсем, — тоном «зачем я только с ней связался» заверил меня темный. И пробормотал себе под нос: — Даже лучше сузить.

— Ничего-ничего, — подбодрила я. — Вот прочтешь и узнаешь все о самых сложных ритуалах нашего времени.

— Но это же определитель растений! — глянув на обложку, возмутился смуглый.

— И что? Знаешь, как порою сложно понять, что за гадость ты нашел? Тут нужен целый ритуал: сначала поймать... в смысле найти зелень, принести ее домой. Потом открыть определитель, посчитать число пестиков, чашелистиков. Вовремя палец отдернуть от плотоядного цветка, чтобы у тебя его не оттяпали, — с воодушевлением начала я. — Срочно сварить противоядие и выпить, если

притащенная пакость ядовитая. Отмыть себя, стол и комнату, если оно вдруг взорвется...

— Да понял я, понял, — перебил Джером, — что сегодня сдохну от скуки.

— Подожди, у меня вроде бы где-то заваялся триллер, но там сюжет скучный.

— Давай, — оживился книголюб.

— Вот, держи. Но я предупредила, что тут интриги вообще никакой в повествовании нет, просто все запрещено, и все. — И я протянула темному имперский свод законов.

— Ведьма! — вскипел смуглый, до которого наконец дошло, что над ним издеваются.

— Ты же темный. А орешь, как светлый. Будто тебя до этого жизнь с ведьмами не сталкивала.

— С такими, как ты? К счастью, ни разу! — прорычал Джером.

Но все три книги прихватил и утопал наверх.

Я глянула в окно, где куцый осенний день уже клонился к закату, вспомнила, что моя постель сегодня ночью занята, и... решила не разочаровывать Джерома. Если быть ведьмой, то от души. Почему бы не поступить в духе истинной дочери Мрака? Раз темный занял твою постель, а ничего интересного в ней и сам не делает, и тебе не дает, ты просто обязана занять в отместку его дом.

Я нацепила черную остроконечную шляпу, подхватила котел, решив по дороге отдать его в починку, и потопала на ночевку. Кузнеца, увы, дома не оказалось, да и кузня была заперта. Посему к двухэтажному особняку бургомистра я подходила злая, замерзшая и в обнимку с котлом.

Дорогу мне заступил стражник. Правда, слегка неуверенно.

— Отойди! — глянув из-под полей шляпы, предупредила я.

— Не пропущу, — проблеял этот бессмертный.

— Тогда ты пропустишь зиму и лето. Возможно, еще и осень, — прищурилась я.

— Н-н-новый хоз-зяин не велел никого...

Алебарда в руке охранника затряслась. Наверняка от ветра. И сам страж что-то бледный. Видимо, витаминов не хватает.

— Твой новый хозяин сейчас спит в моей постели. А до этого мы с ним весело провели ночь. Смекаешь? — тоном «тебя убьют два раза: и ведьма, и твой хозяин» произнесла я.

Охранник хоть и относился к категории «дураки — не ветрянка, сами собой не закончатся», но от ворот все же отпрянул.

В дом бургомистра я входила, как некромант в склеп: прислушиваясь к тишине и ожидая подвоха. Подвоха не было. Вообще ничего не было. Вернее, никого. Особняк оказался пуст. Хотя... Вроде бы я слышала в одном из коридоров чьи-то торопливые шаги. И все.

Зато здесь имелся шикарный выбор спален. Одну из них я и заняла, повесив на двери бумагу с надписью: «Осторожно! Злая ведьма. Не влезать — проклянет».

А потом насладилась ванной, неторопливо соскребая с себя болотную грязь. Надо же... И горячая вода из медного крана, и душистое мыло, и стопка чистых теплых халатов. В моем скромном домике такой роскоши не водилось. Отмывшись до скрипа, я нырнула в теплый уютный халат и осторожно вышла в коридор. Странно... Свет не горел. Что за...

— Умри, темный! — прогремело над ухом.

В воздухе что-то посвистело, в сумеречном свете, пробивающемся в щель между занавесями, сверкнул металл.

Арх! Нож!

Я успела отскочить в последний момент. Лезвие рассекло халат, ткань разошлась, я оборонительно завизжала. Мой несостоявшийся убийца зарычал от досады и ринулся на второй заход. Метнувшись в сторону, схватила первое, что попало под руку. Котел! Что есть силы метнула чугуину, целя по звукам в нападавшего.

Послышалось гулкое «бом-м-м-м!», словно столкнулись две пустых посуды, и стук падающего на пол тела. Я выдохнула и подрагивающей рукой зажгла свет: газовые рожки вспыхнули.

Я узнала нападавшего. На полу лежал парень лет пятнадцати, который помогал храмовнику во время служб, ну и в быту заодно. Пальцы с по-детски обкусанными ногтями сжимали огромный мясницкий нож, от одного вида которого — о светлые боги! — становилось дурно. Я выбила его ногой и пнула как можно дальше. А потом наклонилась, чтобы пощупать пульс. Вдруг приложила так крепко, что убила?

Именно в этот момент он распахнул глаза. Красные, без намека на белок: одержимый демоном, бездна его раздери! Я влипла!

Как говорил наш преподаватель по ритуалистике: самое страшное во встрече с демоном — это его встретить. Посему я развернулась и рванула в чем была (в порезанном халате, босиком), машинально прихватив котел.

За мной молча метнулся одержимый. Я кубарем скатилась по лестнице, пронеслась, стуча пятками, по холлу, выскочила из дома и припустила по ночной пустынной улице. Взгляд скользнул по стражнику, валявшемуся у ворот сломанной куклой.

За мной гнался, мать его, слуга светлых богов с абсолютно темным намерением — прирезать. Ну, может, изначально служка хотел не меня, а пришлых, но... Видно, не найдя тех, кого требовалось, одержимый решил работать с тем, что есть.

Пролетев стрелой квартал, я поняла, что умру: либо меня догонит красноглазый, либо сердечный приступ. В боку кололо, я глотала холодный воздух, которого не хватало. Катастрофически. Впереди замаячила площадь, где накануне так и не дождгли одну ведьму.

Спасительная мысль молнией озарила меня. Метелка! На которой я рассчитывала улететь из костра после того, как до неба полыхнет порошок из кожи саламандры. Моя любимица-летунья все так же лежала на крыше. Это был шанс.

«Астарс!» — выплюнула вместе с выдохом слово призыва.

Послышалось дребезжание черепиц, и ко мне арбалетным болтом сорвалась метла. Я ни разу не запрыгивала на мчащуюся во весь опор лошадь. Никогда не пыталась схватить стрелу, сорвавшуюся с тетивы. Но маг, хоть раз укрощавший дикую, необлетанную метелку, все ловит на лету. В самом буквальном смысле ловит.

Однажды мне довелось усмирять бешеную летунью. Правда, тогда нижние юбки Магды Фокс увидело все западное крыло магической академии. В общем, особо гордиться нечем. Но события сегодняшней ночи с лихвой переплюнули тот случай.

Выпростав руку, я цапнула черенок. Еще доля мига — и он просвистел бы мимо меня. Метла, почувствовав хватку хозяйки, пошла на полукруг. Взметнулись полы халата, едва не мазнув одержимого по искаженному лицу, и я резко взмыла вверх, держа одной рукой черенок, другой прижимая к груди котел. Взлетела свечкой, сверкая на весь Хеллвиль своими панталонами.

Сердце выскакивало из грудной клетки, пульс стучал где-то в горле. Я выдохнула и зависла над площадью и крышами окрестных домов.

Раздался рык одержимого. Он бесновался внизу. Жаль, что недолго. Взяв бешеный разгон с места, красноглазый взбежал по части водостока, затем схватился за него, подтянулся... Мгновение — и он уже стоял на балкончике дома аптекаря Сватиша.

Одержимый легко мог выбить дверь и оказаться внутри. Свернуть шею спящему старику для служки, в которого вселился демон, было плевым делом. Вот только мне не хотелось избавляться от моего единственного конкурента таким жутким способом. И не важно, что Сватиш чуть ли не каждый день строчил кляузы на единственную ведьму Хеллвила и лично носил их бургомистру.

Это ничуть не мешало старику приходить ко мне каждую седмицу за ингредиентами для своих пилюль. Торговались мы с ним яростно за каждый пучок трав. Даже если тот был пожелтевшим. Даже если от него разило мышами — на исходе лета я торопилась собрать побольше и не все успела высушить как следует.

Несмотря на скверный и склочный характер аптекаря, я не хотела, чтобы старик погиб сегодня ночью такой ужасной смертью. Вот не хотела, и все.

Я спустилась чуть ниже и, стуча зубами то ли от страха, то ли от холода, позвала:

— Эй, красавчик!

Взгляд красных, словно уголья в печи, глаз «красавчика» вскинулся, мгновенно найдя меня, и он, как механическая кукла, медленно начал разворачиваться всем телом.

— Умри, — оскалился одержимый.

И тут меня осенило, что его единственная цель сегодня не темные, не старик-аптекарь, а ведьма. Глупая, продрогшая на ветру ведьма с котлом в обнимку.

Я ушла в сторону. И вовремя. Он прыгнул, ухватился за козырек крыши и, подтянувшись, забрался на черепицу, всем своим видом показывая, что за мою смерть он готов бороться. Против законов гравитации, вопреки здравому смыслу. Красноглазый прыгнул вверх, метя в меня. Я ушла выше, прикидывая, что же делать дальше.

Если мыслить позитивно, то в произошедшем был один плюс: одержимый демоном пока хотел убить не всех хеллвильцев, попавшихся ему под руку, а одну конкретную жительницу. Значит, не нужно носиться за бесноватым парнем по всему городу, лицезрея десятки оставленных им трупов.

На этом положительные стороны моего подвешенного положения заканчивались, и начинался мрак. Как обезвредить одержимого? Как провести обряд экзорцизма, о котором я имела весьма смутное представление? Как при этом не встретиться лично с госпожой Смертью? Ведь я не могу так висеть вечно. Утром проснутся обычные люди, и, что если одержимый решит плюнуть на меня и подзакусить тем, кто окажется поближе? Тем, кто не столь прыткий? Конечно, был вариант просто убить служку, но попробуй докажи потом, что он был с подселенцем. Да и парня жаль.

ГЛАВА 5

Колокол на башне ударил двенадцать раз, ознаменовав начало нового дня. Я машинально повернула голову на звук. В отдалении, в холодном ровном свете половины луны блеснул шпиль храма. А это идея!

Именно в сей неудачный момент старик-аптекарь, чтоб его пиявки зацеловали, решил подышать свежим воздухом. Его лысеющая макушка со сдвинутым набок ночным колпаком показалась на балконе.

Я замерла, не дыша. На крыше, в нескольких локтях над Сватишем, стоял одержимый. Он по-собачьи наклонил голову, словно прикидывая, как изловчиться и схватить меня.

— Ведьмино отродье, что ты тут забыла? — подслеповато щурясь, проскрипел аптекарь.

Одержимый дернулся, будто выбирая: ведьма или старик?

— Вас совращаю, — отозвалась я, оценив свой вид.

А затем, чтобы не разочаровывать ни аптекаря, ни красноглазого, спустилась чуть ниже.

Одержимый с выбором определился. Сочная ведьма показалась ему милее, чем жилистый и сухой, словно подметка, аптекарь. А дальше была бешеная погоня. Я мчалась на метле, мой преследователь — по черепичным крышам. Причем он скользил по ним так сноровисто и быстро, будто по мостовой, мало уступая мне в скорости.

Храм становился с каждым мигом все ближе. И это хорошо. Плохо, что одержимый тоже становился все ближе. И даже пару раз чуть не цапнул меня за полу халата, когда я закладывала виражи над улицами Хеллвила.

Расчет был прост — загнать парня с его подселенцем в храм. Освященное место, по идее, должно было ослабить тварь, невесть как вырвавшуюся из Мрака. Главное, чтобы одержимый до последнего мига не понял, куда именно я его заманиваю. Хотя, похоже, он впал в такой азарт, что вообще ничего вокруг не видел. И вот я, круто вырубив из очередного поворота, вышла на финишную прямую. Ночь. Мостовая. Тишина, рассекаемая лишь кровожадным рыком. И ведьма, мчащаяся на таран храма.

«Только бы двери были не закрыты», — мелькнула в голове мысль. Вообще-то, вход в обитель светлых богов запирать было не принято, но то в столице. В Йонле от воров защитный контур ставили. А в провинциальных городках на божественное покровительство надеялись, но и воров в искушение предпочитали не вводить.

Но мне просто сказочно повезло. А вот отцу Панфию — не очень. Я влетела внутрь храма как раз в тот момент, когда он вставал с колен перед статуей богини плодородия.

— С дороги! — только и успела крикнуть я.

Благо Панфий был мужиком неглупым, а самое главное — умел оценить обстановку, что в его ремесле многое значило. Хороший храмовник не только знает, кому стоит прочесть проповедь, но и чует, когда от агрессивной паствы лучше сделать ноги.

Вот и сейчас он рыбкой нырнул в проход между алтарем и кафедрой. Я пронеслась над его головой. Следом — слегка дымящийся служка. Кажется, он даже не заметил свое «начальство». Одержимый использовал алтарь как трамплин, вскочив на него и оттолкнувшись. Он ухватился за метелку и повис на ней.

Я зашла на вираж вокруг семи статуй, что стояли полукругом. Одержимый уже протянул руку, чтобы схватить меня. Я дернула черенок влево. Красноглазого крепко приложило о стену. Дернула черенок вправо — о статую. Еще раз и еще. Он мотался из стороны в сторону, но отцепляться не думал.

Я вылетела из-за спин статуй и понеслась к исповедальне. Там, на входе, приложила одержимого об порог, а на выходе, совершив на метле немислимый кульбит, повернулась так, что пол и потолок поменялись местами. Я оказалась висящей вниз головой. Красноглазый, до этого болтавшийся снизу, соответственно, вознесся и... ударился лбом об косяк. Ну, я думаю, что лбом. Точно не могу сказать, не видела. Я вообще ничего не видела, поскольку полы халата упали мне на лицо, закрыв напрочь весь обзор.

Не убилась лишь чудом. Предостерегающий крик отца Панфия «Тормози, стена!» догнал меня в самый последний момент, заставив резко вывернуть черенок вбок и сбавить ход. Когда же я оказалась в нормальном положении — ноги внизу, голова сверху — и замерла на месте, зависнув в

воздухе, то увидела, что одержимый с рассеченной башкой лежит на полу храма без чувств.

— Отец Панфий... — выдохнула я, сдув со лба прядь. — Вот... слугу вашего привела.

Отчего-то священник не обрадовался. В его руке оказалась увесистая ритуальная чаша, которую он держал на манер дубинки.

— Что ты с ним сделала, ведьма?!

— Ну... в данный момент... судя по всему... оглушила, — пропыхтела я, пытаюсь отдышаться и обратиться с мыслями.

— А до этого?

— А до этого я мылась в ванной бургомистра, — не подумав, ляпнула я и увидела, как вытянулось лицо Панфия.

Сдается мне, за эту ночь и так родилось слишком много слухов. Еще один о том, что я любовница градоначальника, — и местных сплетниц просто разорвет от счастья.

— Давайте будем считать это исповедью, тайна которой свята, — быстро добавила я.

— Ни за что! — мстительно отозвался духовник.

— Тогда будете проводить обряд экзорцизма в одиночку. — Я вступила в торгово-деловые отношения или, говоря по-простому, пошла на шантаж.

— Я отпускаю грехи твои, ведьма! Чтоб ты провалилась...

Правильно, не стоит ссориться с той, кто помогает тебе закрыть годовой отчет для инквизиции.

Меня тут же осенили знаком рассеченного круга. Причем левой рукой. Правая же, которой положено заканчивать исповедь, была занята: ею Панфий держал чашу.

Мы переглянулись с храмовником и приблизились к служке одновременно. Парень не подавал признаков жизни. Но, как показала практика, это все могло измениться в любой момент.

В отличие от меня Панфий не спешил проверить пульс, а сначала профилактически приложил кубком своего служку и только потом склонился над ним. Оттянул ему веко, убеждаясь, что да, одержимый. Хотя по дымящемуся телу это и так было ясно. Затем он так ловко обездвигил своего служку, оплетая веревками, что у меня зародилось сомнение: а не раскаявшийся ли передо мной разбойник?

— Я матросом по молодости был, — на мой так и не прозвучавший вопрос пояснил он.

Ага. Только вот неизвестно, под каким флагом плавал: имперским триколором или черным.

Когда служка был надежно зафиксирован на стуле, а я наконец отдышалась, то проблема с проведением обряда экзорцизма встала во всей своей красе. Хотя бы потому, что я очень смутно представляла, как изгнать демона из парня.

— Ну, давай начинай, — разрешил Панфий и сделал шаг назад.

Сам того не подозревая, он поступил в точности, как рекомендовал преподаватель по основам безопасности магических ритуалов. Наш магистр перед началом практикумов любил повторять: при проведении адептом ритуала изгнания темных сил остальным стоит отойти в безопасное место. На всякий случай, чтобы не зацепило.

— Так, мне нужен молитвенник, горячее вино с щепоткой перца и тапочки, — озадачила я Панфия.

М-да, судя по бровям, уползшим на лоб, святой отец иначе представлял себе набор юного экзорциста. И если с молитвенником он еще согласился, вино отчего-то тоже не вызвало нареканий, но вот перец и тапочки возбудили его живой интерес. Настолько сильный, что он шустро достал все требуемое. Даже тапочки. Белые. И заскрежетал зубами, когда я с наслаждением надела их на свои босые ноги и отхлебнула дымящегося вина, предварительно сыпанув туда перца. Мне стало значительно теплее. И вообще, ведьминское состояние улучшилось. Чего не могу сказать о позеленевшем от злости храмовнике.

— Итак, приступим. — Я открыла молитвенник и, полистав, нашла то, что требовалось.

«Изгнание демона» — многообещающе гласило название. Я принялась читать под бубнеж Панфия «я бы и сам так смог». Во время моей декламации пришел в себя и служка. Парень блеснул

красными глазами, поморщился, словно у него над ухом пищал комар, и нагло зевнул. Демонстративно так. Я на провокацию не поддаюсь и продолжила вещать.

Спустя удар колокола и я, и служитель храма поняли, что эффекта ноль целых кукиш десятых. Панфий отобрал у меня молитвенник, дескать, богоугодное дело должен творить тот, у кого к этому есть допуск.

Я без споров отдала молитвенник ему, имевшему лицензию от небесных покровителей. Увы, исполнение псалмов на бис было столь же эффективным, как и лечение несварения тухлой капустой.

Он и сам понял тщетность своей попытки. Прервался на полуслове, так и не закончив.

— Будут еще варианты? — отложив молитвенник, спросил Панфий.

— Ну, можно попытаться убедить демона, что он невероятно прекрасный, удивительно талантливый, жутко красивый и вообще лучший.

— Зачем? — оторопел он.

— Ну как зачем, а вдруг демон выйдет из вашей служки и начнет собой любоваться. Мы можем ему даже поаплодировать, закидать цветами.

— А более реалистичных идей нет? Кроме как убить Карлоса... — уточнил Панфий.

Дернувшийся одержимый был не согласен. Судя по рывку, не согласен и как демон, и как человек.

А идея была. Она сейчас лежала на втором этаже моего дома, в моей кровати и нагло дрыхла. То есть восстанавливала силы телесные и душевные. Словно прочитав мои мысли, Панфий произнес:

— Эх, жаль, что ты так быстро убила тех пришлых. Может, они бы подсказали, что делать.

— Почему это убила? — искренне удивилась я.

— Ну как же. Ты же его в гробу привезла.

— Значит, сейчас пойду и подниму этого успокоен... в смысле упокоенного. В конце концов, это по его специальности, пусть и разбирается. — И я решительно направилась к выходу. Свистнув метлу, оседлала черенок. Котел решила оставить в храме, позже заберу.

Уже вылетая, я услышала характерный звук. Похоже, храмовник решил не рисковать и до моего возвращения опять оглушил одержимого. Два раза. Если он будет продолжать в том же темпе, то скоро выгонять демона будет не из кого.

Уже на подступах к дому моя метелка — верная, любимая, единственная метелка — при заходе на посадку затрещала. Я не долетела до земли пару локтей, когда черенок сломался, не выдержав сегодняшних злоключений, а одна ведьма ощутимо припечаталась копчиком о мостовую. Причин ненавидеть темных стало на одну больше. Если бы не они и их одержимый демоном убийца... В общем, переступала порог я отнюдь не в благодушном настроении. И сразу натолкнулась на Джерома, который явно собрался выходить и уже накидывал плащ.

— А-а-а... Сама пришла, — протянул темный и смерил меня взглядом «добро пожаловать отсюда».

— Решил прогуляться? — прищурилась я.

— Нет. Хотел тут одну ведьму блудную найти, — сварливо буркнул он. — Ты должна была лечить Эра, а ты, ты...

— Ведьма твоей мечты, — закончила я в рифму. И, не дав темному опомниться, спросила: — Слушай, ты можешь изгнать демона из тела?

— Кого-то нужно убить? — «догадался» темный.

— Кого-то нужно спасти! Желательно, чтобы человек при этом остался жив, — ответила я и увидела, как маг поскухнел.

— Я пожиратель душ! И в живых своих клиентов не оставляю. Я могу убить человека, а демон из трупа сам изгонится.

— Так... Значит, ни у кого нет опыта удачного, нелетального экзорцизма, — мрачно подытожила я.

— Вообще-то, он есть у меня, — раздалось сверху, и мы с Джеромом синхронно посмотрели на

Эрриана, который медленно спускался по лестнице, держась за перила. — Но только один вопрос, Магда. Как ты умудрилась отыскать одержимого в этом маленьком городке за пару ударов колокола, пока я спал?

— Находить неприятности — мой талант. — Я развела руками. — Кстати, этот одержимый тебя хотел убить, а не меня.

— И где он сейчас? — Лунный изогнул бровь.

— В храме, связанный. За ним храмовник приглядывает.

— Тот самый, что тебя сжигал? — вмешался Джером.

— Угу. У него, как оказалось, хороший удар правой. Особенно если в руке в тот момент — увесистый кубок для причастия.

— Ну что ж, сходим, посмотрим на моего несостоявшегося убийцу... — задумчиво пробормотал лунный.

— Как будто ты на них во дворце властелина не насмотрелся, — возразил смуглый и осекся. — Какое, к демонам, «посмотрим»? Эта ведьма тебя чуть не утопила в болоте, теперь в храм тащит! Тебя! Темного!

— А в чем проблема? — не поняла я.

— Когда сын Мрака входит в храм, на свете остается одно из двух: либо темный, либо храм. Чуть больше трехсот лет назад один из императоров даже не храм, а целый монастырь женский разнес. Жену искал.

— Среди монахинь? И как? Нашел? — с любопытством спросила я.

— Нашел. Собственно, после этого он и стал императором.

Признаться, мне подумалось, что Джером бредит. Чтобы светлая монахиня да на троне в Темных землях? Но потом я вспомнила, что нам на лекциях по истории рассказывали о Кэролайн, урожденной Лавронс, которая была из светлых. Но таких подробностей о ней я не знала.

Пока темный просвещал одну светлую, а кое-кто и одевался (лунный требовал у своего палача запасные штаны из сумки), пока я искала свой теплый плащ, подбитый мехом, взамен оставленного в доме бургомистра, пока добрались до храма — уже забрезжил рассвет.

Лестницы и дверь храма осветили первые розовые лучи. Они же вызолотили купол, наполнили беленые стены янтарным светом. В этот миг, когда утро неспешно ступало по морозным улицам, ласково сдвигая к западу покрывало ночной мглы, шапка храма пылала, словно свеча, даря тем, кто видит такое чудо, покой в душе и умиротворение.

— Какое у вас, однако, чистое, приятное и располагающее место... — задумчиво протянул Джером.

— Спасибо, — польщенно отозвался поджидавший нас на пороге Панфий. — Мы тут просто время от времени еретиков сжигаем...

Он осекся, поняв, кому он это сказал. Единственный несгораемый еретик в моем лице закашлялся, но промолчал. Темные сделали вид, что не слышали, и перешли к сути:

— Где ваш одержимый демонами?

— Туточки. — И священник сделал приглашающий жест в свою обитель.

Пришлось пояснить, что господа темные не могут творить свою волшбу в храме, и придется вынести пострадавшего на свет. Связанного одержимого тащил Панфий, недовольно бурча, что негоже ему демонов на своем горбу таскать.

Как только одержимого усадили на ступени храма, Эрриан подошел к нему и, ухватив за подбородок, посмотрел в красные глаза.

— Мы не знакомы, — уверенно заявил он, глядя на служку, но видя явно другого. — Так почему ты хотел меня убить?

— Без обид, темный, но мне тебя заказали, — оскалился служка, демонстрируя... клыки не хуже упыриных.

В следующий миг веревки затрещали. Но лунный быстро врезал одержимому. А потом, бросив через

плечо Джерому: «Как выскочит — хватай подселенца и проваливайся во Мрак», — перешел к выбиванию демона из тела человека. В прямом смысле. Кулаками. Причем каждый удар сопровождался фразами, смысла которых я так и не поняла. Судя по всему, это была какая-то молитва темным богам.

М-да... Не так мы обряд экзорцизма со святым отцом проводили, не так. Сейчас демон отделялся от тела. Нехотя, медленно, словно пыль от подушки, но все же... И под рык Эрриана «мростар хонвор!» выходец Бездны окончательно покинул службу, на миг зависнув в воздухе над телом.

Мы стояли полукругом у подножия храмовых ступеней: я, отец Панфий, Эрриан и Джером. Служка валялся на каменных плитах без чувств, а над ним нависал призрачный демон, за спиной которого был вход в храм.

Смуглый только того и ждал. Кинул аркан подчинения, но... Даже мне, далекой от демонологии целительнице, стало понятно, что заклинание получилось слишком слабым. Странно... Почему темный, который позавчера разметал площадь, сейчас не смог сотворить заклинание нужной силы? Додумать мысль не успела. Пришлось решать насущные проблемы, как-то определяться с вопросом, кто же я в этом ритуале.

А все потому, что демон, зараза, не только наплевал на слабенький аркан, но и решил, видимо, что раз его выселили из одного жилья, то почему бы не обзавестись другим? Зеленый полупрозрачный рогатый рванул, кто бы сомневался, в мою сторону. То ли посчитал, что из меня его не будут «выколачивать», то ли потому, что мы с ним были дольше всех знакомы.

Я поняла, что удрать не успею, а вот благословить — всегда пожалуйста, на светлый путь, небесное озарение и любовь ко всему существу. От чистого сердца и с большого перепугу. И то ли добрословие мое было искренним, то ли в утренний час очередь из молящихся богам небольшой, но мою просьбу небеса услышали. Луч света упал на демона, который взвыл и, обличительно ткнув в меня перстом, увенчанным острым когтем, выкрикнул:

— Ты не ведьма! — Причем выдал он это с интонацией «приличные темные себя так не ведут»!

А в следующий миг Эрриан, загородив меня своей широкой спиной, начал читать то ли молитву, то ли заклинание. Выглянув из-под его руки, я увидела, как от запястья темного, там, где были ограничивающие браслеты, пошел дым, и запахло паленой плотью.

Зато выходец Мрака уже не просто выл, а голосил дурниной, дымясь и становясь все светлее. Вот только просто так сдаваться было, видимо, не только не в правилах темных, но и демонов. Этот почти прозрачный гад вместо того, чтобы сдохнуть, как положено, повел себя еще подлее, чем я, благословлявшая в образе темной ведьмы: под натиском Эрриана он скрылся в храме! Влетел туда, паразит!

Правда, отец Панфий тут же поспешил захлопнуть двери прихода, дабы оружий полупрозрачный, опомнившись и сообразив, где очутился, не решил вернуться. Храмовник еще и навалился всем своим телом на створки. Джером — следом за ним.

Я, до этого смотревшая на происходящее из-под руки Эрриана, почувствовала, как темный пошатнулся. Чтобы он не упал, не задумываясь, подставила плечо. И тут же вскрикнула, едва не обжегшись: запирающие магию браслеты раскалились и их жар чувствовался даже через одежду.

— Знаешь, кажется, мне не суждено сойти с ума или умереть от руки друга, — выдохнул Эрриан.

Я задрала голову, чтобы посмотреть в лицо темному: что он имеет в виду? Перехватив мой взгляд, он добавил:

— Ты меня доконаешь быстрее проклятия.

— Так не изгонял бы его, — из чувства противоречия возразила я, кивнув на храм, где сейчас слышались подвывания демона.

— И осчастливить своего врага? — в тон мне ответил Эрриан. И пояснил: — Понимаешь, чтобы призвать демона, заточить его в тело и дать определенный приказ — нужны силы. Немалые. Вот мне и стало интересно, кому из моих недругов так невтерпеж, что он не стал дожидаться, пока сработает проклятие?

— Но ты же ничего не узнал? — не поняла я.

— Ну... Как тебе сказать. Одно я понял точно: это не мой враг. Среди тех, кто жаждет моей смерти, идиотов нет.

— В смысле? С тобой только умные связываются, а дураки стороной обходят? — прищурилась я.

— Нет, в смысле дураки, бросившие мне вызов в открытую, уже давно мертвы. А умные, что плетут интриги за спиной, пока что носят свои головы на плечах. Не все, конечно, но... А вот мудрые предпочитают вовсе не связываться.

— Интересная теория. — Я покосилась на храм, в котором стих вой. — Но почему ты решил, что призвавший демона не блещет умом.

— Потому что только альтернативно одаренному могла прийти в голову идея нанять верховного инкуба для того, чтобы убить меня! Не демона-карателя, не огненного, не мести, гнева, войны, разрушений! Инкуба! Чтобы он зацеловал меня до смерти, что ли?

— Я поняла, ты оскорблен, — сделала вывод. — Но могу тебя уверить, ножом он пырнулся вполне себе воинственно. Даже халат рассек.

— Я тронут, ты умеешь поддержать.

— Как думаешь, демон уже все? — между тем раздался от дверей голос Джерома.

— Наверное. Без телесной оболочки святость должна была его доконать. Если только демон не нашел себе иного тела. Храмовник, внутри ведь не было никого?

— Нет-нет, — затряс головой Панфий. — Только статуи небесных богов.

— Ну, в них инкуб точно вселиться не сможет, — выдохнул Джером.

А затем смуглый и духовник осторожно открыли двери и... Под ноги им выкатился котел! Мой алхимический котел. Это был, наверное, единственный предмет, который оказался в храме неосвященным. И инкуб, спасаясь от святости, в него вселился. Вот гад! Я посмотрела на чугунный бок своей утвари и поняла, что стала хозяйкой единственного в мире похотливого котла.

Эрриан то ли ругнулся, то ли произнес молитву, и котел завибрировал.

— Ты и из него будешь выбив... изгонять демона? — уточнила я.

— Зачем? — искренне удивился Эрриан. — Я просто запечатал инкуба внутри. Пусть посидит там пару веков, а если повезет, то и тысячелетие, пока котел не развалится. Чугун все же не глина...

Из сказанного я поняла: инкуб влип. Именно этот миг выбрал служка, чтобы очнуться.

— А-а-а, у-у-у... — простонал парень, силясь приложить руку к голове, и снова отключился.

Оно и понятно. Хоть Эрриан и метил в грудь, я-то котелком и отец Панфий кубком его здорово приложили.

Лунный уже не шатался. Хотя, подозреваю, боль в запястьях у него была дикая. Запечатывающие магию браслеты даже на незначительную попытку поколдовать отвечали их носителю тем, что раскалялись. Да и нога у темного повреждена. Тем не менее этот сильно независимый и не собиравшийся признавать, что он не в лучшей форме.

Ну и кто я такая, чтобы перечить суровому сыну Мрака? Посему, оставив его одного гордо бороться с легким утренним ветерком, я приступила к своим прямым лекарским обязанностям: осмотру пострадавшего. От моей руки в том числе.

— Ну что там? — после нескольких мгновений спросил отец Панфий тоном «мне нового служку искать или этого еще починить можно?».

— Будем закапывать, — проверяя реакцию зрачков парня, крикнула я через плечо.

— На кладбище или за оградой? — уточнил служитель богов, видимо прикидывая, не придется ли еще для бывшего одержимого на осиновый кол раскошелиться, а заодно и дубовый гроб.

— Капли будем закапывать! В глаза. У него сосуды все полопались. И компресс на синяки.

Правда, уточнять, что там был ушиб всей головы, пока не стала, продолжив осмотр. Судя по всему, то ли Эрриан бил его очень аккуратно, то ли служка был на диво везучим, но у него не обнаружилось ни одного перелома. Вывих кисти, ссадины и порезы, может, еще и растяжения, но с учетом того, как он скакал по крышам, — чудо.

Выдав Панфию подробную инструкцию лечения, я уже было собралась уходить, как он заискивающе, кося глазом на пришлых, спросил:

— Магда, а когда следующее сожжение? Может, на этой седмице организуем, а? А то мне скоро

отчет в инквизицию отсылать.

Эрриан, который до этого олицетворял невозмутимость, как бы невзначай обронил:

— Любое сожжение в МОЕМ городе только через ваш труп, храмовник.

Панфий сник и, не прощаясь, подхватил своего служку под мышки и потащил в храм. Я взяла свой котел и направилась в сторону дома. Все потом. Сейчас зверски хотелось спать. И любого, кто рискнул бы мне помешать, я готова была благословить. В самой извращенной форме.

Темные молча следовали рядом. Эрриан прихрамывал, Джером укоризненно молчал и хмурился. Когда мы поравнялись с булочной, смуглый, поведя носом на запах свежей сдобы, сделал стойку и, обронив «подождите, я сейчас», устремился в лавку.

Мы с Эррианом остались одни. Утренняя улица последнего дня седмицы. Город, только-только пробуждающийся от неги сна. И мы, темный и светлая, стоящие друг напротив друга.

Я плотнее запахнула полы теплого плаща, подбитого мехом, и чуть задрала голову, чтобы посмотреть в лицо Эрриана.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Благодарность за то, что закрыл меня собой, за то, что вообще помог с демоном, вырвалась сама собой.

— Я просто возвращал долг. Ты же не была обязана меня латать после болота. Даже за три золотых.

Вот ведь... темный! И тут не преминул поддеть.

— Вообще-то, должна. Всегда. Я же целитель.

— А я — воин. По твоей логике, я всегда должен убивать?

Вспомнила стрыгу и, не думая, ответила:

— Ну, у тебя это неплохо получается.

Эрриан ничего не сказал, лишь горько усмехнулся, а потом его рука скользнула над моими волосами, и я почувствовала, как голову укрывает капюшон плаща.

— Простудишься, ведьма.

— Аа-а-апчхи, — отозвалась я, оглушительно и абсолютно не по благородному подтвердив, что я как бы уже.

И вот странность, когда отняла ладони от лица и покосилась на Эрриана, то увидела его внимательный взгляд, который скользнул по мне неторопливо, вдумчиво: по плечам, горловине плаща, непослушным огненным волосам. А потом остановился палице. Мне показалось, что я ощутила его прикосновение, легкое, почти невесомое. На губах.

А я сама... смотрела на Эрриана. На волевой подбородок, жесткую складку губ, синеву глаз. Они напоминали мне воды северного океана, которые заворачивают и в которых так легко утонуть.

Первые пушистые снежинки упали на мостовую, и в считанные мгновения ясное небо затянули рыхлые пушистые тучи. Тишина, та особая, всепоглощающая, которая бывает лишь во время снегопада, окружила нас, отгородив, казалось, от всего мира.

И именно в этот самый миг у меня в руках дернулся котел. Да так сильно. Демон!

— А она ничего так, — прогудело из его чугунной утробы, — и грудь при ней. Так что, между нами, темный, я твой выбор одобряю. И ночка с ней будет страстной, это я тебе не только как инкуб говорю, но и как тот, кто с ней уже кувыркался.

При этих словах я, доселе прижимавшая посудину к упомянутой груди, вытянула руки. Мне показалось, что на стенке котелка сияет отражение глумливой рогатой рожи. Кажется, инкуб, осознав, что его заточили, начал мстить. Как мог, из всех своих демонских сил.

Эрриан ничего не ответил. Просто взял из моей руки котел и как следует ударил им по мостовой. На металле осталась вмятина. Подозреваю, что и на психике инкуба тоже: обряд экзорциза в исполнении темного впечатлял.

— Какого светлого, чернокнижник? Ты чего, ошалел? Эйта, что ли, к тебе пришла?

— Надо же, догадался, — фыркнул Эрриан. — А когда заказ на меня брал, о чем думал?

— О пяти каплях силы, которые за твою голову обещали. Они, между прочим, во Мраке на каждом углу не валяются.

— И кто же тебе их пообещал? — вкрадчиво поинтересовался темный.

— А если расскажу, что мне за это будет? — тут же спросил котел.

— Я не утоплю тебя в здешних болотах.

Мне стало любопытно: темные всегда так же идут на компромисс в переговорах? Или у Эрриана особый талант?

Демон, судя по всему, с подобной тактикой диалога был знаком и поступил исключительно по принципу «сдохни, враг, от любопытства». Он просто увильнул от разговора. Бок котла перестал блестеть, тот превратился в обычную, ничем не примечательную посудину.

— М-да, вот и поговорили.

— Все равно я выбью из него имя того, кто решился меня убить.

Что-то мне подсказывало, что «выбью» — не совсем в переносном смысле.

— Давай ты этим займешься чуть позже. Сейчас я жутко устала, замерзла и единственное, чего хочу, — спать.

— Значит, есть ты не будешь? — вклинился Джером.

Он держал в руках корзину, полную снеди.

— Вы не поверите, тут такие добрые, отзывчивые люди. Вот сколько всего к завтраку дали. Лишь бы я ушел.

Возмущаться, что бесить хеллвильцев — это, вообще-то, моя почетная обязанность, я не стала. Чем быстрее доберемся до дома, тем скорее я наконец-то завалюсь в постель. Голова трещала то ли от недосыпа, то ли от начинающейся простуды.

Мы не дошли до моего крыльца всего несколько шагов, когда я, попеременно зевающая, на своем опыте познала истину: лучше любой чашечки кофе по утрам бодрит чашечка, вылетевшая из локтевого сустава. Поскользнувшись на замерзшей и припорошенной снегом луже, я полетела вниз. Джером успел меня подхватить. К несчастью. Резкий рывок, и я взвыла.

Да что же это? Удирать от стрыги по болотам, летать сломя голову на метле и... покалечиться на крыльце собственного дома!

Сна больше не было. Зато злости — хоть отбавляй. Темные отперли дверь, и, пока Джером возился с завтраком, Эрриан взялся вправлять мне руку. Наверняка исключительно из мести за то, что я выдираю у него из бедра хирсину. Оторвал рукав моей любимой рубашки, обхватил плечо, предплечье и... На миг тело прошила огненной иглой боль. Повязку тоже накладывал он. К слову, чувствовалось, что у Эрриана в этом немалый опыт: зафиксировал все надежно. А вот от моего врачевания его запястий отказался, заявив, что наложить мазь и перевязать сможет и Джером. Ибо теперь в нашей троице остался целым и невредимым только он. Этот еще не покалеченный накрывал на стол: достал из корзины бутылку вина и откупорил ее.

Как это он среди наших болот раздобыл, судя по этикетке, вполне приличный напиток? Джером, неверно истолковавший мой недоуменный взгляд, пояснил:

— Я просто даю напитку подышать.

— Главное, не реши, что оно задохнулось и ему нужно сделать искусственное дыхание рот в рот, — поддел его Эрриан.

Я посмотрела на ватрушку, буженину, сыр, хлеб и вино, очутившиеся благодаря добычливому магу на моем столе, и поняла, что спать хочу все же больше, чем есть. К тому же кровать в моем доме одна. И кто успел — того и подушка с матрасом.

— Вам приятного аппетита, а я баиньки, — сообщила я темным и, не дожидаясь ответа, устремилась наверх.

Чувствовала я себя при этом как принцесса из сказки: ну, та спящая красотка, которую принц разбудил поцелуем, а она его вырубил, переставив часы на два удара колокола попозже. Вот. У

меня был точно такой же настрой и планы на ближайшее будущее. И если кто-то, хоть одна живая душа вздумает мне помешать — убью и не замечу.

В сон я провалилась, как в мягкий сугроб. Правда, теплый и пушистый, с запахом мороза и кедра. Последней ускользающей мыслью было: откуда в матрасе с набивкой из диких трав взяться хвойным ноткам?

Проснулась я вечером. Выглянула в окно, за которым белая улица расцветала огнями. Они лились из окон отсветами свечей и печей, сплетались с детским смехом и обещанием чуда. Того самого, которого ждешь с приходом зимы.

А еще я заметила, что у двери моего дома мнетя посыльный из мэрии. Его красный картуз, объемный нескончаемый алый шарф, желтую суму, перекинутую через плечо, и пальто зеленого сукна было тяжело спутать с чьими-то еще. Ну и длинный нос, которым тот то и дело шмыгал, торчал из-под козырька фуражки. Он тоже был красным.

Посыльный, судя по следам, топтался у порога уже давно, все не решаясь постучать. Наконец он набрался храбрости, три раза ударил в дверь. Не дожидаясь, когда она перед ним распахнется, растянул перед собой свиток и приготовился читать.

Была у него такая манера: не здороваясь и не глядя на меня, озвучивать очередную кляузу, а также резолюцию бургомистра по ней. Почему так? Не знаю. Может, паренек, которого страшила его матушка, боялся сглаза и не смотрел на богомерзкую ведьму. Может, он чувствовал ответственность за свою великую миссию глашатая и не считал нужным поздороваться.

Но так или иначе картина всегда была одинаковой: я открывала дверь и мне зачитывали обвинение. Очередное. А затем уведомяли, что нужно прийти в мэрию и выплатить штраф. Конечно, я не приходила и не платила.

Бежать на первый этаж, отбивая пятки о ступеньки, чтобы поскорее открыть, я не собиралась. Вот постоять у окна еще немного, а потом медленно спуститься — в самый раз. Но дверь распахнулась, и я увидела, как посыльный шевелил губами. Видимо, что-то зачитывал.

Не удержалась и приоткрыла окно, чтобы услышать гнусавое:

— «...вы обвиняетесь в непристойном поведении, демонстрации исподнего, сидя верхом на метле, совращении досточтимого господина Сватиша и...»

— До этого было понятно. Но кто такой Сватиш?

Вопрос, заданный слегка хриплым баритоном, заставил посыльного оторваться от свитка, а затем и икнуть.

— А г-г-где госпожа ведьма? — запоздало спросил остроносый парнишка, задрал голову.

— А чем я не устраиваю?

На лице чтеца было крупными литерами написано, что всем, но парень смолчал.

— Что же ты, продолжай, продолжай, в демонстрации исподнего и соблазнении... как его?

— Ап-п-птекаря, — заикаясь, подсказал посыльный.

— Аптекаря? — изумился Эрриан. — Нет, такого в моей практике точно не было. И что же хочет... этот соблазненный?

— Он... — Парень сверился со свитком, который дрожал в его руках. — Сп-п-праведливости. А бург-г-гомистр, то есть теперь в-в-ы, — судя по тому, как все сильнее заикался посыльный, его волнение достигло пика, — уп-п-платы ш-ш-штрафа в м-м-мэрию.

А потом он свернул свиток и протянул его лунному. Причем руку парня охватил такой тремор, что предписание из мэрии вело себя как живое: дрыгалось и норовило упасть.

— Хорошо, приду. — И столько обещания было в словах Эрриана. Обещания новых, неизведанных ощущений: раскаяния, сожаления и глубокой благодарности. Последнее — за то, что остался жив.

Дверь захлопнулась, и я увидела, как посыльный смахнул пот со лба и посмотрел вверх. Увидев меня, он поменялся в лице. А я... приветственно помахала ему ручкой. Уверена, если бы он мог — испепелил бы меня. Но ему мешали три вещи: отсутствие магии, присутствие инстинкта самосохранения и оконное стекло. Стекло особенно.

Посему парень лишь прищурился, надвинул картуз, развернулся и пошел прочь, неся на плече

сумку, в душе — чувство жгучей ненависти к единственной ведьме Хеллвила, а в голове — отборную чушь. О последнем нетрудно было догадаться, потому как посыльный особым интеллектом не отличался ни в целом со своей матушкой-сплетницей, ни по отдельности. К слову, его родительница была тоже той еще... носительницей. Правда, уже околесицы и слухов. Зато сразу в массы.

Спускалась я на первый этаж в прекрасном расположении духа. Даже тот факт, что темные никуда не делись, не сильно огорчил.

Они сидели за столом, словно я и не уходила. Хотя... вина стало меньше, а в ватрушке появился отпечаток профиля. Чьего — стало понятно при взгляде на Джерома, на лице которого остались следы питательной творожной маски. Да уж... Вот ведь темный! Даже место отдыха выбрал так, чтобы его сон был гарантированно сладким.

Видимо, смуглый благополучно дрых в сдобе до прихода посыльного, и сейчас вместо того, чтобы умыться, пожиратель душ пытался не заржать в голос. Не сказать, что ему это совсем уж удалось — из кулака, прижатого ко рту, то и дело раздавалось хихиканье.

— Я смотрю, ты следишь за собой: чтобы кожа была подтянутой, упругой и без морщин... — Я не смогла удержаться от комментария, глядя на лицо, измазанное сладкой пудрой и творогом.

— Если бы кто-то не совращал аптекаря исподним этой ночью, а был дома, то я бы выспался, и не упал бы без чувств от истощения! — патетично воскликнул Джером.

— Да твоим истощением можно на паперти нищих оскорблять: такой мизер им редко перепадает, — тут же возразил Эрриан. И, уже обращаясь ко мне, спросил: — Кажется, я многое пропустил за те несколько ударов колокола, что провел без сознания. Что еще с тобой приключилось, Магда?

— Вообще-то, больше ничего, — невозмутимо ответила я.

— А тот аптекарь? — как-то излишне холодно уточнил Эрриан. — Что еще за полет? Почему в исподнем?

Я на миг ощутила себя как у дознавателя на допросе. А что, если интригующе помолчать и тем самым поиграть на нервах темных? Но они ведь не отстанут. А потом припомнят, отомстят и еще раз припомнят.

ГЛАВА 6

Пришлось рассказывать. И про ванную, и про одержимого, и про собственно «соблазнение». При описании старика Сватиша в ночном колпаке с его яркой любовью к кляузам Джером снова заржал.

— А зачем ты вообще согласился прийти? — задала встречный вопрос. — Я всегда посылному говорю, что и не подумаю появляться в мэрии, ибо у них там вообще нет ничего святого: ни лампадок, ни иконок, ни благовоний. Мне, как ведьме, пусть и фиктивной, требуется каждый день что-нибудь да осквернить. А у них — нет ничего. И ради меня даже заваливающей свечки не заведут. В общем, не уважают.

Темные прониклись, смуглый так точно. Даже восхищенно присвистнул от выверта моей логики.

— М-да... Такого довода, чтобы не платить штраф, я еще не слышал, — присвистнул он.

— Ну... довод не довод, а я таким образом уже пару сребров сэкономила. А вот раз ты, — я неаристократично ткнула пальцем в Эрриана, который стоял, прислонившись к косяку и скрестив руки на груди, — от моего имени согласился, то теперь сам штраф и плати.

— Да, кстати, на кой ляд ты согласился? — поддержал мой вопрос пожиратель.

— Интересно стало, кто от моего имени накладывает резолюции... — прищурившись, ответил лунный.

— Ты какой-то слишком любопытный стал в последнее время, — подозрительно начал Джером, попутно собирая с лица творог пальцем и облизывая его, — то тебе жутко интересно, что за демон хочет тебя убить, то кто твои автографы на письмах ставит. Раньше ты таким не был.

— Раньше у темных были веские основания меня убить: я охранял жизнь владыки, а у него врагов хватает. Сейчас же я фактически ходячий мертвец, но кому-то все рано не терпится. Да и в целом этот городок странный.

— Хеллвиль был нормальным тихим городом на окраине Светлой империи до вашего приезда, — возразила я.

— Вот именно, ключевое слово — светлой, — фыркнул Эрриан. — Но согласно карте — это Темные земли. Правда, на них Хеллвиль не отмечен. И я бы так и не узнал, что в подаренном мне владыкой уделе помимо болот, тоней, пары деревенок на западной окраине и... — Темный как-то выразительно замолчал на мгновение, но потом продолжил: — Замка, нет ничего более.

При слове «замка» брюнет, доевший питательную массу с лица и приступивший к ликвидации остатков в бутылке, выразительно закашлялся так, словно чахотку подхватил.

— А что не так с замком? — подозрительно уточнила я.

— Ну, хотя бы то, что держать осаду в нем можно разве что от мышей. И то сомнительно: уж больно изрыт норами тот холм... — тут же сдал друга Джером. — Там одни руины остались. Вот Эрриан и решил до конца развернуть обертку подар... В смысле объехать дозором свои новые земли.

Так. Похоже, пришлые из Хеллвиля не уберутся еще долго, ибо им некуда. Главное, чтобы они хотя бы покинули мой дом. У них ведь есть отличный особняк съехавшего бургомистра.

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова преподавателя по медитации: «В минуты тяжелых душевных испытаний пусть снизойдет на вас спокойствие и сила, юные адепты, а также терпение, хладнокровие и двадцать капель валерьянки на стакан первача».

— Кстати, известие о том, что на Темных землях есть городок с исключительно светлым населением, я уже отправил темному владыке.

Я про себя усмехнулась: наверняка бургомистр Томонир сделал то же самое. Только вестник полетел в восточном направлении — в Йонль. И отец Панфий, сдается мне, выпустил в небо ворона с посланием в синод, и главный хеллвильский торговец — отец Мажеты — в свою гильдию, и... В общем, после прибытия темных, чую, много птичек рвануло в небесную высь с письмами, ой много. Интересно, как скоро придут ответы? Наш городок-то в принципе маленький, ничем не примечательный. В столице и махнуть рукой могут на гиблые болота, отдав этот клочок земли темным в знак жеста доброй воли, а заодно — списав под шумок кучу всего и сразу.

Вот только если хищения столичных чиновников в особо некрупных размерах были делом будущего, то в настоящем у меня в доме имелись два наглых оккупанта. Я попыталась им намекнуть, что хорошо бы и честь знать. Тем более что один из них уже ходит, а пожиратель душ за ватрушками и от демонов так вообще бегают.

Ну темные были темными не только в плане магии, но и в плане витиеватых намеков. Посему я пришла к выводу: если хочешь, чтобы твою деликатную просьбу услышали, стоит сопроводить ее элегантным жестом. Например, шибануть метлой по темечку.

— Может, вы все же отчалите к себе? У вас там и куча спален, и ванная, и труп у ворот... — вспомнила я про охранника.

— Какой труп? — подозрительно, словно инквизитор, уличивший-таки меня в чернокнижии, спросил смуглый.

— Но, может, и не совсем труп, но на сильно живого ваш посиневший страж не походил.

— Даже если умер — не беда. Джером его поднимет. А зомби в качестве охранника тоже эффективен: кормить не нужно, жалование платить — тоже. К тому же отобьет охоту у всяких любопытных совать свой нос куда не надо, — невозмутимо возразил Эрриан.

От его слов смуглый помрачнел. Сильно так. Но ничего не сказал, хотя я заметила, как лунный внимательно ждет ответа. Но проще было дожидаться второго прорыва, чем речи от Джерома, который буравил взглядом столешницу.

Пауза затягивалась, как ловчий аркан на шее жертвы. Тишина давила, нервировала. Казалось, сам воздух превратился в липкую смолу, в которой увяз не только маг, но и мы все.

— Пожалуй, ведьма права, мы действительно здесь задержались, — словно делая невероятное усилие над собой, проговорил Джером. Хрипло так, резко.

Я даже вздрогнула от этого его карканья. А потом маг поднялся из-за стола. Эрриан смерил его еще одним задумчивым взглядом и обронил:

— Ну что же, Магда, спасибо за помощь. И прими мои извинения за то, что наш... — он сделал паузу, подбирая слова, — ...деловой разговор накануне вышел весьма жестким.

Хм... Это он так напомнил о том, что шантажом заставил меня помогать ему избавиться от Эйты?

— Извинения я принимаю только полновесным золотом, — в свою очередь напомнила я о второй части сделки.

— Слушай, а почему ты все о золоте? — вмешался Джером, видимо вспомнив, как искал монеты в окровавленных штанах друга. — Тебя так волнуют деньги?

— Нет, не волнуют, — фыркнула я. — Они меня, наоборот, очень успокаивают.

— Ну, значит... — Лунный внимательно посмотрел, не обратив внимания на пассаж Джерома. Прекрасно понял мой непрозрачный намек на условия договора. — Жди завтра в гости, ведьма.

Последнее слово Эрриан выделил особо. И вот странно, не звучало в нем насмешки, скорее признание ровней.

Когда темные испарились, я с облегчением выдохнула и опустила на лавку. Наконец-то благословенная тишина, когда никто не пытается тебя сожрать, пырнуть ножом или хотя бы скинуть с метлы на полном ходу.

На столе есть пышная ватрушка, пусть и с профилем темного, буженина, сыр. Вот только насладиться мне такой вкусотищей не дали. А все потому, что профессия ведьмы просто замечательная. Для ее освоения и нужна-то всего малость: потратить нервы. Зато взамен можно заработать шикарную седину в волосах, язву... и в качестве премии получить нервный тик.

В общем, не успела я заварить себе горячий чай, как на пороге нарисовалась, не сотрешь, главная теща Хеллвила госпожа Мейлга Барк. Она была дамой очень бережливой. В том плане, что берегла не только деньги, не тратя их понапрасну, но и семейное счастье своей ненаглядной дочери.

Еще бы госпожа Мейлга копила слова, а не сыпала ими, цены бы ей не было. Но увы, у всякого хорошего человека должен быть хоть один недостаток. А главная теща Хеллвила была не просто хорошей, а замечательной. И недостаток у нее был под стать достоинству тоже большой: ее просто невозможно было остановить. И дело касалось не только слов, но и действий: год назад она решила, что хочет стать бабушкой. И таки стала, хотя и ее дочь, и новоиспеченный зять были категорически против становиться родителями в первый год брака. Но с тещей не поспоришь. Особенно когда она дает советы. В спальне. В брачную ночь.

— Эти ироды совсем ушли? — с подозрением спросила она вместо приветствия.

Думаю, под «иродами» имелись в виду темные. Меня так и тянуло ляпнуть, что нет, не совсем, ноги

и руки тут оставили. Впрочем, госпоже Мейлге ответ и не требовался. Тяжело дыша, она опустила на лавку и выложила как на духу:

— Мне нужен амулет для блуда.

— Может, от? — уточнила я, помня, как пару седмиц назад она же требовала у меня достать ей оберег для семейного счастья дочурки. Ну я и достала. Скалку. И торжественно вручила, заявив, что сей амулет по надежности не знает аналогов. А еще он очень крепкий и простой в эксплуатации. И требовала три медьки, уточнив, что скалка, заговоренная от измен. Нужно только ею приложить гулящего мужа по темечку.

Госпожа Мейлга заявила, что и незаговоренной можно приласкать точно так же. Но когда я потребовала вернуть амулет, его ревниво прижали к пышной груди и положили на стол монеты. А мне пришлось покупать новую скалку. Правда, за медьку.

И вот опять...

— Нет, мне для моего кобеля нужен амулет для блуда, — тоном, которым можно было подавить чеснок, произнесла госпожа Мейлга.

Мне стало интересно, кого она имела в виду под «кобелем» — зятя или супруга? Оказалось, что нет. Простого пса. Хотя не совсем простого, породистого, редкого снежно-белого окраса, который порой напоминал пушистый сугроб, правда, маленький — до середины икры. Пес на десятый год сытой жизни совсем обленился и не хотел размножаться, несмотря на все увещевания хозяйки — рьяной собачницы.

— Да что это за напасть-то такая, — между тем причитала она. — То бабушкой меня делать не хотели. А теперь вот псина — и та... Я и серебр готова отдать за то, чтобы мой Громовержец осчастливил меня щенками.

Серебр — это, конечно, хорошо... Я прикинула, что вообще-то у меня в хозяйстве имеется целый инкуб. Интересно, он сойдет за такой амулет? Хотя вряд ли.

Госпожа Мейлга никак не могла остановиться. Я же порадовалась: как хорошо, что, когда она страстно хотела внуков, меня в Хеллвиле еще не было!

В итоге сошлись на том, что она приведет мне свою болонку на осмотр, и я наконец-то смогла вздохнуть свободно от этой сильно говорливой женщины. А потом заперла дверь на засов. Береженого боги берегут. Я подошла к котлу, который лежал у печи, подняла его и задала риторический вопрос:

— Ну что, если возьму тебя в долю, вдохновишь Громовержца на любовные подвиги?

— А может, ты все-таки сошла с ума? — с надеждой раздалось из-за спины. — С котлом общаешься же...

Мне даже смотреть не надо было, чтобы догадаться, что ко мне опять пришла белочка.

— Увы. — Я обернулась и жестом торговца, представляющего эксклюзивный товар, произнесла: — Это не просто утварь. В этом котле помимо чугуна теперь еще и заперт высший демон, который, кстати, хотел убить меня. То есть не меня, а Эрриана...

— Что-о-о? — Белка от возмущения распушилась, увеличившись вдвое.

Я аж прониклась: как рыжая за меня переживает. Но нет, дальнейшие ее слова показали, что не за меня:

— Убить моего клиента? Ах ты, гад!

Эйта встала на задние лапы, ее хвост воинственно вздыбился. И вообще вид прямо свидетельствовал, что кому-то сейчас будет какую. Полный, решительный и неотвратимый.

Мне только одно было интересно: как эта пушистая собирается воевать с котлом, который даже не подает признаков. Причем ни жизни, ни смерти.

От греха подальше я поставила котел на стол и сама отошла. Мало ли что вздумает пушистая: пуститься в рукопашную или шибануть магией. Хотя последняя у нее и была жутко специфической, но все же...

Между тем Эйта прыгнула и, приземлившись рядом с посудинной, для начала плюнула в нее. Видимо, перчаткой для вызова на благородную дуэль белка воспользоваться не захотела. Потому что если ей надо будет, рыжая и алмаз из императорской короны раздобудет, причем в тот момент,

когда сей регалией будут при полном зале народа венчать на царство нового владыку.

Демон оскорбился настолько, что тут же вышел из состояния «не веду переговоров и изображаю гордое молчание». Его возмущенная рожа отразилась на боку чугунка.

— Какого святого! — выругался демон.

— Давай к делу! — рявкнула в ответ белка. — Без этих ваших теологических прелюдий и перечисления всего небесного пантеона. А то я тоже материться умею. Ты как посмел копыто свое на моего клиента поднять!

— Какого, храмовника тебе в печенки, клиента! Он мой! Мне за его смерть пять капель силы должны.

— Я сейчас тебе не пять капель, а целый чан залью по самый край. Только не силы, а кислоты поядренее, чугунок ты недоделанный.

— Я котел! — возмутился инкуб.

— Козел ты, а не котел! — парировала белка.

— А вот мои рога не трожь, плешивая! — не остался в долгу демон. И тут же поддел: — Что, со мной с помощью кислоты думаешь справиться? А разобраться один на один кишка тонка, пипетка алхимическая.

Я глянула на взбеленившуюся белку и поняла: котел труп. И демон в нем — тоже. Она, ни слова не говоря, по-хозяйски метнулась на мою полку, нашла там пузырек с уксусной эссенцией, и уже через несколько мгновений инкуб орал:

— Ай! Ты чего! Да чтоб тебя в монастырь отправили, в женский! Щекотно же, плешивая!

Как оказалось, алхимический котел не склонялся под ударами судьбы и концентрированным уксусом. Сомневаюсь, что и ядреная серная кислота ему сильно бы навредила. Он же, демон его дери, алхимический. Зачарованный! В нем любую дрянь вари — нипочем.

Об этом я и поведала белке под глумливые смешки собственно гадской утвари. Нет, даже не так. У-у-утвари! Вот.

Эйта попробовала намять бока котелку, но вскоре поняла, что хоть внешне урон посудине и велик — от ударов молотка осталось множество вмятин, — но все же недостаточен для трупного состояния.

О конструктивном авторском предложении Эрриана «утопить котел» я умолчала. Хотя бы потому, что мне было интересно наблюдать за мытарствами Эйты: не все же ей надо мной издеваться. К тому же инкуб оказался демоном с огоньком и, несмотря на то что его лупили, в перерывах умудрялся глумиться над белкой.

— Да, я слышал, что ты с мозгами поссорилась, но не думал, что настолько.

Ответ рыжей был краток:

— Дзинь!

— Меня все равно не убьешь так.

— Дзинь!

— Не хочу тебя расстраивать, милочка, но я все еще жив и даже слегка счастлив... — издевался этот гад, получивший, по моим подсчетам, с десятков сотрясений своего котелка уж точно, но не утративший при этом жизнерадостности. И лучившийся ею так, что его хотелось ненавидеть с особым цинизмом.

Я даже пожалела, что инкуб запечатан в таком неубиваемом котле: даже попытать его толком не попытаешь, а увечья... Эйта уже причинила максимальные. Но, видимо, недостаточные, чтобы убить.

— Неудачница, — голосом того, кому напрочь отбили все, даже такие не сильно важные части тела, как голова (для дурака), резюмировал инкуб. И, заговариваясь, добавил: — Все равно я уплю... в смысле, убью темного.

— Нет! Он меня достал, я ему сейчас... — пообещала белка тоном «придушу его голыми руками» и... сиганула в котел.

Посудина тут же перевернулась вверх дном и заелозила по столу. Активно так, словно под ней грызлись два здоровых пасюка. Звуки, кстати, тоже напоминали крысиный бой: визг, вой и остервенелое копошение. Через пару вдохов утварь благополучно упала на пол, и я могла лицезреть сильно плешивую, но невероятно радостную Эйту. Она деловито выпрыгнула из котелка и, осмотрев изрядно пощипанный хвост, торжественно провозгласила:

— Все, я лишила демона его главного мужского достоинства! Вырвала с корнем! Хочешь посмотреть?

И не дожидаясь моего ответа, выпростала из-за спины лапу с трофеем. Я же смогла увидеть в вечерних сумерках главную гордость демона.

Когда белка перед прыжком сулила пообломать рога, то я думала, это фигура речи. Но нет, сейчас Эйта держала в лапе главную гордость любого демона — его рог. Внушительный такой, массивный, закрученный.

Я посмотрела на котел, на белку и вспомнила присказку, что добро всегда побеждает зло. Хм... Если исходить из этой логики, то кто победил, тот и добро. В данном случае добром была творящая безумие белочка.

— Зараза! — заорал котел.

— Зато с рогами, — парировала белка, — а ты котел безрогий!

— Я тебя убью, жаба склизкая! — пообещал чугунный.

— Ха! Попробуй! И вообще я не склизкая, а пушистая, добрая и нежная. Главное, мне на хвост не наступать и моих клиентов не трогать! — тут же нашлась белка.

— Ну, раз этот темный для тебя так важен... — многообещающе протянул инкуб и... исчез, зараза. Вот что у него за манера такая — недоговаривать!

Впрочем, в отличие от меня рыжая ни капли не опечалилась и деловито спросила:

— Слушай, Магда, у нас был уговор, я жду результат.

Да что сегодня за день такой! Все напоминают об уговорах. Нет чтобы взять и коллективно поймать вирус амнезии.

— Я работаю над этим.

— Работает она! — возмутилась белка. — Тебе надо расшатывать психику этого темного. А у него она все крепчает и крепчает. Скоро до того дойдет, что я, пиная ее, сломаю себе лапу! — Она демонстративно потрясла кулаком и добавила: — И, Маг, хватит делать ему подарки!

— Какие еще подарки?

— А такие подарки! — передразнила рыжая. — Эрриан с тобой получает новый бесценный опыт и при этом остается в живых. Как по мне, это истинный подарок фортуны. — И она подозрительно прищурилась.

Пришлось ее заверить, что больше я не буду закалять тонкую душевную организацию темного, а, наоборот, создам оранжерейные условия, чтобы от одного вида Эйты в следующий раз крыша Эрриана поехала, шурша черепицей.

Не знаю, насколько поверила мне белка, но исчезла. А я так и осталась. С ватрушкой, сыром и бужениной. Но мне их уже не хотелось. Хотелось выпить. Те самые двадцать капель валерьянки на стакан первача. Можно даже без валерьянки.

— А у тебя есть? — тут же отозвался котел.

Хм... Я что, последнее произнесла вслух? Глянула на еще ничего не подозревающий амулет для блуда и про себя решила: почему бы не совместить приятное с полезным? Нервы успокоить, а заодно и убедить котел мне помочь.

— Есть, наверное... — задумчиво почесала затылок. Интересно, брусничная настойка на перваче сойдет в качестве жидкости для спаивания котла?

Я развернулась, чтобы пойти в чулан, как вслед донеслось:

— Эй, ведьма, ты куда?

— В запой. — Почему бы не побыть предельно честной. Главное, не уточнять, в чей именно запой. — Это отличное место. Пойдем вместе?

Котел обрадовался. Видимо, травмы, нанесенные белкой, требовали скорейшего лечения. Настолько срочного, что инкуба не смутила даже компания вражеской ведьмы.

— А пойдем, — бесстрашно ответил демон, — я давно там не был, никого не навещал...

— О, тогда вот этим мы будем восстанавливать психическое равновесие. — Я выставила перед котлом чистейший как слеза первач. На первый взгляд — просто водичка. Однако сея жидкость по ядрености могла сравниться с пламенем матерого дракона. Обычно ею я стерилизовала лекарские инструменты. Но котлу об этом знать необязательно. — А вот этим бальзамировать душу.

Вторая бутылочка, поменьше, выглядела тоже весьма безобидной.

— Да я смотрю, ты поэт в душе, ведьма.

— Магда, меня зовут Магда, — представилась я.

— А я — Арр-моястрий, — в свою очередь прогудел демон.

— Ну, значит, за знакомство, Арр-мой, — подытожила я, сократив имя инкуба, и щедрой рукой ополовинила бутылку первача в котел.

А потом капнула и себе в кружку. На донышко. Для вида. Спаивать алхимические котлы мне еще не приходилось, но все когда-то делается в первый раз.

— Ух ты... — протянул чугунный. И тут же уточнил: — А закуска есть?

Пришлось скормить этому проглоту половину ватрушки. Сама я налегла на еду, а демонюка — на убойный коктейль из первача и тягучей, как карамель, настойки. Плюсом оказалось то, что я в прямом смысле вливала его в демонюку. Через удар колокола услышала:

— Вот скажи, за что мне все это? — голосом круглого, обделенного всем сиротинушки вопрошал захмелевший котел. — Польстился на пять капель силы. А в итоге — и без тела, и без оплаты, и без рога остался. Как я теперь во Мрак вернусь?! Да надо мной все демоны ржать будут! Праведники раздери эту белку.

— Праведников не обещаю, но хочешь, я ее благословлю? — предложила я.

В голове слегка шумело. Уводить в запой надо под ручку, иначе демон без поддержки может и не уйти. Или уйти — но не туда. В общем, несмотря на разный объем употребленных жидкостей, еще был вопрос: кто кого в итоге споил.

— Благословишь? — Видимо, инкуб припомнил мне мое коварство добрословия. — А давай.

Я выжидающе замолчала. Хмель хмелем, но принцип «ты — мне, я — тебе» никто не отменял. Ведь продуктивные деловые отношения невозможны без взаимности, впрочем, как невозможна без нее и ненависть. А пылать лютой злобой в одиночку — это все равно что быть той самой головой из знаменитой хеллвильской поговорки: одна голова — хорошо, но, когда она еще и на плечах, а не отдельно от тела, — еще лучше.

Демонюка тоже молчал, я даже заподозрила, что этот паршивец выжимает из меня добрый душевный порыв. Но спустя некоторое время он начал похрапывать. Пришлось вклепить котлу щелбан, от которого тот встрепенулся.

— А! Да! Че? — ошалело бормотал демонюка.

— Я говорю, что благословила Эйту! Отомстила за тебя.

— Да-а-а? — удивленно протянул котел. — И... чем?

— Ну, я пожелала ей заполучить сто капель силы и все их потратить на собственное исцеление.

— Так это же хорошо? — не понял инкуб.

— Это хорошо, если ты болен, а если здоров... — последнее слово я произнесла с нажимом, а потом нахально добавила: — Теперь твоя очередь мне помогать.

Судя по изумленной опухшей морде инкуба, которая отражалась на боку котла, он только что осознал, насколько коварным может быть добрословие при богатой фантазии. Проклятия и рядом не стояли.

— А я чего-то обещал?

— А ты не помнишь? — Я разыграла удивление. — А как же помочь по своей прямой специальности — соблазнению?

— А... совратить кого... — расслабился котел. — Это я могу. Пошли!

И он упал на бок, покотившись по столу.

Сдается мне, инкуба потянуло на подвиги. И его ничуть не смущало его нынешнее агрегатно-котловое состояние.

— Нет, помочь завтра надо, когда ты протрез... в смысле, когда клиентка придет. А пока поклянись, что поможешь.

— Клятву с меня? Демона?

— Ты вопишь, как будто это у тебя в первый раз, — фыркнула я.

— Может, с человеком и в первый. Обычно это мне клялись.

— Ну, вот и это... попрактикуйся на мне, получи бесценный опыт.

— Так мне себя еще ни одна ведьма не предлагала. — Инкуб даже слегка протрезвел.

— Так ты клясться будешь? — Я пошла в наступление.

— Обещаю, — нехотя выдавил демон.

— Знаю я ваши мужские обещания. Клянись по всей форме.

— Давай сначала выпьем, — начал увиливать демон.

Ну, я ему и плеснула в утробу сразу и первач, и ликер да сверху еще перцовой растирки добавила. А пока демон кашлял, спросила:

— Клянешься мне помочь?

— Кхе-кхе...

Я постучала от души по пузатому боку, и демон с очередным кхе-кхе, видимо, исключительно чтобы я отстала, выплюнул:

— Клянусь! — и только выговорив это, понял, что произошло.

Но было поздно. Чугунного окутало слабое сияние, подтверждая, что мироздание приняло клятву.

— Ну ты и зараза... — протянул инкуб то ли восхищенно, то ли злобно.

— Я же ведьма. — И развела руками. Мол, сам виноват, нечего было соглашаться.

— Добилась своего? — уточнил демон.

Я кивнула, соглашаясь.

— И больше тебе от меня ничего не надо? — подозрительно поинтересовался он.

— Нет.

Мне действительно от однорогого больше ничего не требовалось. Эрриану нужно было имя заказчика, но мне-то какое до этого дело?

— Тогда налей еще, — огорошил котел.

Мне первача было не жалко, я сходила в чулан еще...

А когда на Хеллвилль опустилась ночь, то я поняла, что идея напоить котел была, конечно, хорошей, но что мне теперь делать с чугуном, который раскачивался на столе и тянул на мертвом языке то ли заклинание призыва нечисти, то ли любовную балладу — пес его разберет.

Уверенный стук в дверь заставил котел умолкнуть. Пошла открывать. Наверняка Эрриан: он обещал заявиться позже. Жаль, что «позже» в понимании темного наступило так рано.

Но это был Джером. Маг, черный, как цыганская ночь, с порога бухнул:

— Ведьма, у меня проблемы с силой!

Я в этот миг обдумывала, как завтра сообщить демону, что он поклялся побыть амулетом для блюда у кобеля. Ну ибрякнула:

— С мужской?

— Нет! — вскипел смуглый. — С магической.

— Если с магической, то тебе лучше не ко мне, а к артефактам-накопителям. Ну или в бордель. На худой конец, в трактир на площади. Там подают отличную запеченную баранину. — Я честно перечислила все три способа восполнить резерв: практический, романтический и гастрономический. Первый был самым эффективным, второй — самым приятным (не зря же адепты боевого факультета так славились своим кобелизм... своей любвеобильностью), а третий — самым распространенным. Выбирай — не хочу.

— Это я и без тебя знаю. — Смуглый сжал кулаки. — Но причина не в том, как пополнить резерв, а в том, что он у меня вообще не восстанавливается! Никак. Ни с амулетом, ни со жратвой! Такого никогда не было. Пара ударов колокола, ну, сутки, если осушил себя до дна, — и я мог кастовать заклинания силой до восьми единиц или спокойно провалиться ниже двадцатого уровня Мрака.

Этот «двадцатый уровень» мне, как светлой, ни о чем не говорил, но вот упоминание восьми единиц впечатлило. Ведь максимальный десятый уровень в империи встречался лишь у сильнейших магов. Восьмерки тоже были редкостью, хоть и встречались почаще. Так что теперь я начала понимать уровень паники Джерома. Со мной тоже полгода назад случилось подобное. Только в отличие от темного я знала причину, как и то, что моя магия не вернется.

— Ты же эта... целительница, пусть и не совсем нормальная, но должна же в подобном разбираться!

— Эрриан в курсе, что с тобой происходит? — уточнила я.

— Пока что нет. Я хочу сначала выяснить, что именно со мной происходит.

— Ну, заходи, будем выяснять, — кивнула я и повернулась, чтобы первой пойти туда, где все еще буйствовал мой будущий блудливый амулет.

Едва Джером приблизился к пьяному в стельку котлу, как тот осоловело выдал:

— О, кого я вижу! Какими судьбами? Ты тоже решил присосать... притулить... при-со-е-ди-нить-ся к нам? — заплетающимся языком поинтересовался демон. — И пра-льно! Я отличный собутыль... собеседник. Да и Магда... Ничего так. Не зря она высокое образование получала. Оцени, темный, в какую компанию ерундрованных личностей ты попал.

— Уже. Оценил, что передо мной чугунок, у которого, как я погляжу, высший дан по фигурному шатанию, — сухо ответил смуглый и уставился на меня. — Ты что, котел споила?

— У меня было безвыходное положение, — сказала я чистую правду.

Под напором госпожи Мейлги устоять очень тяжело. Особенно под напором ее задатка в половину серебра.

— Безвыходное положение — это когда контур твоего тела обвели мелом, — парировал Джером, и не подозревая о перипетиях сегодняшнего вечера.

— Поверь мне, состояние трупа — это о-го-го какие перспективы. А вот с главной тещей Хеллвила перспектив вообще нет. Есть только один выход — соглашаться.

— О чем это ты? — озадаченно пробормотал Джером, видимо, прикидывая: стоит ли доверять свое магическое здоровье то ли хмельной, то ли и вовсе сумасшедшей ведьме.

— О том, что завтра он, — мой перст указал на котел, — будет работать амулетом для блюда.

— Чего?! — возмущенно завопили оба.

Причем демон — стремительно трезвея.

ГЛАВА 7

Пришлось посвятить одного в нюансы клятвы, которую он дал, а второго — просто посвятить в суть визита госпожи Мейлги.

— Меня еще так ни разу не унижали, — возмущенно прорычал демон.

— Не переживай, она со всеми так. Я бы назвал это парадоксом Магды Фокс: как она при таком своем таланте все еще жива.

— Слушай, давай без этих ведьминых парадоксов, — фыркнул демон. — Я еще от ее нюансов не отошел!

Глядя на котел и темного, я поняла: споятся. Как пить дать споятся, если не поубивают друг друга.

— Ну, темный, рассказывай! — решительно потребовала я. — Рассказывай подробно, что там у тебя с твоей силой.

Джером наконец-то нормально объяснил, кто такие маги-пожиратели. А то, признаться, утром, когда он назвал себя пожирателем, а не экзорцистом, я поняла лишь одно: служку ему проще убить, чем изгнать из того подселенца. Как оказалось, пожиратели душ — это прирожденные убийцы, которых сама судьба одарила сполна даром смерти. Сильным даром. Таких еще называли «палач по рождению».

Я окинула взглядом темного. Надо же... Никогда бы не заподозрила в этом смуглом породистом красавце такую подлость, как пожирательство. Хотя... Если вспомнить, с каким аппетитом он уминал еду. Жрал Джером точно в соответствии со своим даром.

— А что с твоей метой? — спросила я, еще толком не понимая, что не так с силой темного.

Со здоровьем, судя по ауре и в целом вполне бодрому виду, полный порядок.

— Да вроде ничего, — слегка растерялся смуглый. — Она давно успокоилась, дар полностью раскрылся.

— Это понятно, что ты инициированный и она уже закрепилась, — нетерпеливо кивнула я. — Сейчас она не чешется, не болит, не тянет?

Джером прислушался к своим ощущениям и нахмурился. Правда, исключительно молча. А меня, как целителя, немой пациент раздражал сильнее, чем тот, чей поток жалоб невозможно было остановить. Вытаскивать клещами каждое слово куда тяжелее, чем игнорировать журчащий из уст водопад. Во втором случае можно просто многозначительно молчать, сделав вид, что все очень-очень плохо. И клиент, осознав, что ему светит скорое рандеву со старушкой Хель и ее косой, замолкал сам. Хотя бы на пару мгновений.

Пожалуй, лучше самой глянуть, что там не так с метой темного.

— Раздевайся, — скомандовала я.

— А ты? — с живым интересом уточнил Джером, за ехидством пытаюсь скрыть волнение.

— А я буду на тебя смотреть, — отрезала я.

— Могу аккомпанировать, чтобы темный под пение раздевался, — встрял котел, явно решив, что тут намечается работа по его профилю, то бишь разврат.

Представив, как это чугунное недоразумение голосит на весь дом, я поспешно отказалась от звукового сопровождения.

— Ну, долго еще мне ждать? — поторопила я Джерома. — Снимай рубашку или штаны. В зависимости от того, где мета.

Тот нехотя расстегнул колет, потом снял и все остальное, обнажив мету, что располагалась у него на груди. Черное пламя. Так вот как выглядит знак пожирателя душ. Я и не знала...

Правда, был он слишком тусклым, будто выцветшим. А еще слева, как раз между пятым и шестым ребрами змеился застарелый шрам от колотой раны, которая вполне могла стоить магу жизни.

— Смотрю, ты в рубашке родился... — не удержалась я.

— Было бы еще на что купить порты в юности, я бы вообще франтом ходил... — попытался отшутиться Джером, которому не нравилось мое пристальное внимание.

— А так рассекал с голым задом? — заинтересовался котел, которому после первача все было нипочем.

— У меня хотя бы зад был, а у тебя вон одни бока, и те мятые. Кто, кстати, их подправил-то?

— Одна рыжая зараза, — буркнул демонюка и добавил в адрес белки еще пару забористых эпитетов. Смуглый чуть наклонил голову, дохнув мне в макушку.

— Это не то, что ты думаешь, — произнесла я, сосредоточенно прощупывая мету.

Сил на полное сканирование не хватало, но все же я поняла: с ней в целом все в порядке.

— Ай, понежнее нельзя там, — зашипел темный.

Именно в этот момент из тени, что сгустилась у входной двери, раздалось:

— Какая интересная картина...

Ко мне опять без стука и приглашения появился Эрриан, застав весьма двусмысленную композицию: голый торс смуглого и я, закрытая оным от взора гостя.

— Это не то, что ты думаешь, — выглянув из-за смуглого, пробормотала, чувствуя себя по-дурачки.

Второй раз подряд повторять одну и ту же фразу было, по крайней мере, глупо, но куда деваться?

Эрриан стоял у порога и смотрел почему-то исключительно на меня. Тяжелым, немигающим, опасным, как ночная метель, взглядом.

— Я пока вообще ничего не думаю, — слишком спокойно произнес лунный. — Я пока лишь созерцаю.

— Вот и я созерцаю, ик! — влез со своим ценным замечанием икающий котел. — Жду, ик, жду... А у них все прелюдия не кончается, ик!

Угу. Зато сейчас у одного болтливового инкуба кое-что начнется. Пока не знаю точно, что именно, но обязательно. И много. Ибо я хоть и была светлой по масти магии, но характер мой точно прополоскали в водах Мрака. Он был прямо как у моего прадеда Тарса — справедливый. Да, мой дедуля нес в мир добро и справедливость, а иногда и труп врага к обрыву, чтобы сбросить. Ну а что еще можно ждать от боевого мага?

— Котел готов сознаться, кто его нанял тебя убить, — радостно произнесла я, меняя тему.

Инкуб от возмущения аж задохнулся. Даже икать перестал. И тут же попробовал возразить, что он ни в чем... и никогда... и имя заказчика вообще не того... этого...

— Ты поклялся мне помогать, — напомнила я.

— В блюде! — попытался увильнуть инкуб, имея в виду свою роль амулета.

После этой фразы нужно было видеть глаза Эрриана. Но мне сейчас было не до очей цвета штормового неба. Важнее было отомстить котелку, который на честную ведьму возвел поклеп.

— Во всем! — отрезала я. — Мы конкретно не оговаривали. Значит, во всем. И сейчас мне нужна помощь, чтобы узнать имя того, кто захотел угробить моего пациента! — Я ткнула пальцем в лунного.

— Зачем? — возопил котелок, пытаясь потянуть время.

Между тем бока его раскалялись от жгущей их клятвы, которую инкуб до последнего не хотел выполнять.

— Чтобы моральную компенсацию с твоего заказчика стясти. И алименты! У меня, может, по его вине маленький нервный тик родился. И теперь его надо валерьянкой поить! — рявкнула я, теряя терпение. А затем выдала абсолютно абсурдное с точки зрения здравого смысла, зато полностью отвечавшее условиям клятвы: — Разбогатеть хочу.

— Я знаю путь в сокровищницу, там богатств больше, мигом разбогатеешь... — искушал инкуб тоном, полным надежды, в том числе и на то, что ведьма сдохнет по пути к оным богатствам.

— Нет. Желаю обогащаться здесь, в Хеллвиле. — Поняв, что я на верном пути, припечатала: — Имя!

Темные благоразумно не вмешивались в «милую беседу», котелок вопил о том, что я не ведьма, а

инквизитор, который под нее маскируется, но...

— Ихтис, он называл себя Ихтисом... — сдался инкуб. — И он не проваливался во Мрак, а позвал. Кинул нить, чтобы я прошел по ней в этот мир и вселился в того, кто окажется рядом. Больше я ничего не знаю!

После отзвучавших слов котелок, который был уже ярко-красным и настолько горячим, что столешница под ним обуглилась, начал стремительно чернеть и остывать.

— А... — начала было я.

— Ведьма, матом тебя культурно прошу, больше ни слова, — злобно перебил демон.

Он явно собирался испариться, и я быстро сказала:

— До завтра, Арр, наш уговор об амулете все еще в силе.

Демон зашипел и исчез.

— Ты знаешь этого Ихтиса? — спросила я Эрриана, который все еще хмурился, как грозная туча.

— Нет, впервые слышу.

— И я тоже, — озадаченно поддакнул Джером. И поспешно добавил: — Ну... мне пора, спасибо за консультацию. Раз с метой все в порядке, то резерв я уж и сам как-нибудь наполню... — Он подхватил рубашку, нырнул в нее. И как только его макушка показалась в горловине, осведомился: — Сколько я тебе должен?

— Три медьки, — отчеканила я.

— Э-э-э, а как же скидка для местных? — тут же начал торговаться смуглый.

Вот выжига! Нет, среди его предков точно затесались гномы! Он только притворяется темным, а по натуре — ну чистокровный сын подгорного народа.

— У меня скидка только из окна второго этажа. Хотя нечисть скидываю бесплатно. Наглых темных — двух по цене одного.

Смуглый молча выложил на стол три медьки. И так же молча ушел. Вот что значит грамотно озвучить свои услуги, цены и льготы. Впрочем, подозреваю, что причиной быстрого отступления Джерома было еще и то, что он пока не хотел сообщать лунному о своей проблеме с магией.

Вот бы еще Эрриан утопал. Я почувствовала, что жутко устала за сегодня. Да и за вчера, да и вообще за эту седмицу и жизнь. Но увы, Меч Темного Властелина гордо торчал у меня посреди кухни, пристально смотрел на меня и даже не думал куда-то идти.

Я тоже стояла. И тоже смотрела. На него.

— Может, теперь расскажешь, что все же произошло? — вкрадчиво спросил лунный.

— А может, расскажешь, зачем пришел? — в тон ему ответила я, не собираясь отчитываться.

— Хотел подробнее расспросить, как тебе удалось избежать безумия Эйты, но нашел ответ на другое.

Его взгляд скользнул по моему лицу, плечам и замер на локте. Тот все еще был стянут повязкой, очертания которой проступали под тканью платья.

— Болит? — с совершенно неожиданным для темного участием спросил Эрриан.

Я даже растерялась. И потому сказала чистую правду:

— Да, немного.

— Тогда лучше мне.

Не дожидаясь моего ответа и не уточняя, что «лучше», темный ухватом ловко подцепил все еще пышущий жаром котелок, задвинул его поглубже в еще не прогоревшую печь и задвинул заслонку.

Я смотрела на его скупые, выверенные движения, широкую спину и...

— Чтобы не сойти с ума, нужно поддаться, шагнуть в лабиринт... — Признание вырвалось само.

Пожалела ли я о нем? Нет. И вот странность, ни одна из клятв не начала жечь.

— Что? — не понял темный.

Я прислушалась к себе и поняла, что могу говорить дальше, не опасаясь, что моя кровь начнет закипать от того, что я нарушаю один из зарок: Эйге или Эрриану.

— Тебе придется провалиться в лабиринты безумия, — пояснила я. — Если сумеешь найти выход, то сохранишь разум, если нет...

«Потеряешь его», — так и не прозвучало вслух. Едва темный лишится рассудка (а может, и на миг раньше, чтобы душа смогла уйти за грань в твердой памяти), его друг убьет его, выполняя приказ императора.

Повисла тишина, в которой отчетливо было слышно, как за окном бушует вьюга. Я уставилась сквозь чуть запотевшее стекло на кружащиеся в бешеном танце снежинки. Они завораживали. Но ровно первую пару мгновений. Потом память услужливо напомнила, что стоит шагнуть за порог, а тем паче пойти прогуляться на болота, и эта снежная круговерть станет большой неприятностью, бьющей в лицо наотмашь. Или даже симпатичным холмиком, под которым упокоится замерзшее тело самонадеянного путника.

Затрещала догоревшая лучина, с шипением упала в таз с водой, заставив меня вздрогнуть и оторваться от окна. Все вокруг стремительно погрузилось в ночную темень. Я резко обернулась, и тут же почувствовала на коже лица теплое дыхание.

Когда и как Эрриан оказался так близко?

Темнота, тишина, его руки на моих плечах и... Он меня обнюхал. Натурально. Нос темного скользнул к виску, уху, шее. Еще бы в вырез платья сунулся!

— Эй, что вообще происходит? — Я попыталась сделать шаг назад.

Если бы смогла, было бы просто замечательно. Но кто бы мне это позволил... Меня держали. Мягко и уверенно.

— Ты пахнешь... собой, — шепнул Эрриан.

Так, кажется, кто-то и без моего участия сейчас из Эйтовых клиентов перейдет в разряд пациентов. Судя по поведению, безумие все же начало одолевать разум темного.

— А чем я еще должна пахнуть? — возмутилась я, вскинув голову.

— Кем, — поправил Эрриан, и в темноте сверкнули его глаза.

Поняв, что имеет в виду этот темный гад, я вспыхнула. Хотела ответить, но он меня опередил.

— Магда, что ты знаешь о темных? — вкрадчиво спросил Эрриан.

«Восемь способов атаки магией, три варианта арканов для пленения и личный комментарий преподавателя: лучше не связываться», — подумала я. Но вслух произнесла другое:

— Вы наглые, самоувереннее, эгоистичные...

Рука притянула меня к сильной мужской груди. И моя речь резко оборвалась.

Тело вжалось в тело. Выдох. А после его губы накрыли мои. Резко, решительно, властно. Эрриан на миг остановился, будто прислушиваясь. Его язык скользнул по верхней губе. Лизнул, дразня, чтобы потом прикусить зубами. От неожиданности я сильнее приоткрыла рот, в который он тут же вторгся, углубляя поцелуй.

Вокруг нас разлилась ночная тьма, а внутри — Бездна. Бездна, заполненная жаром. Горячая кожа, обжигающее дыхание. По жилам бежала не кровь — раскаленная лава. Безумство его губ, прикосновений, желаний столь отчетливых, ощутимых, однозначных — это сводило с ума, заставляя забыть, кто я и где. Толкая навстречу темному. Ближе, еще ближе, почти растворяясь в чувствах. Только вот чих? Его? Моих? наших?..

Эрриан пленял и пьянил меня... Руками... поцелуями. А я... Я отвечала, потому что в сей краткий миг мне самой хотелось большего. Поцелуев, губ, ладоней на моей спине. То был прыжок в пропасть. Только мы летели, взявшись за руки.

Шепоты. Вдохи и выдохи. Шуршание сминаемой ткани. И желание быть ближе, как можно ближе. Кожей ощущать единение. Под моей ладонью бешено билось его сердце. Частые сильные удары

набатов отдавались во мне. Хотелось прижаться еще сильнее, вцепиться в широкие плечи, поддаться.

Его неистовое темное пламя. Мой мерцающий свет. И жадный, бесконечный поцелуй, которым мы оба никак не могли насытиться. Эрриан вжал меня в стену. Я плечом задела стеллаж, на котором, покачнувшись, одна из склянок со звоном упала на пол и разбилась. Тут же в нос ударил запах перечной мяты, а с ним и осознание происходящего.

Демоны, что мы творим? Что он творит?! А главное, почему я в этом участвую? Я испугалась. Не поцелуя, себя. Своей острой, сумасшедшей реакцией на него. Того, что позволила себе забыть и забыть обо всем. Нет. Только не это. Магда Фокс дала себе зарок не влюбляться. Больше ни в кого. И никогда. Тем более в темного. В смертника. Нет!!!

Рука взметнулась сама собой. Пощечина вышла хлесткой, окатив ладонь болью. Я метнулась к лестнице, вихрем взлетела на второй этаж и, очутившись в спальне, тут же навалилась спиной на захлопнутую дверь.

После моего поспешного бегства с кухни в доме было тихо. Слишком тихо. Потому я вздрогнула, когда с той стороны двери прозвучал вкрадчивый голос:

— Ты забыла сказать, что мы, темные, всегда добиваемся своего и живем одним мгновением. Потому что второго может и не быть.

«Вот только ты после того мгновения умрешь, ни о чем не сожалеея, а я останусь жить и помнить», — хотелось крикнуть мне, но я промолчала.

— Это была ошибка. — Я не узнала свой голос. — Просто уйди. И забудем о том, что случилось.

— Ты жалеешь? — Станный разговор через дверь лишил меня последних сил.

— Жалею? Да! Надо было содрать с Джерома за твое лечение не три золотых, а пять!

Не надо. Не надо обсуждать то, что сейчас произошло. Вот только чувство юмора, которое меня порою выручало, еще чаще грозило и свести в могилу. Сейчас был как раз один из таких моментов.

Я почувствовала, как в стену рядом с косяком впечатался кулак: вибрация отдалась в моем теле.

— Уходи, — повторила настойчиво.

— Если это твое желание...

— Да. — Я сглотнула, радуясь, что Эрриан меня не видит. — У нас с тобой договор. Деловой. Я помогаю тебе с Эйтой, ты платишь. Все. Точка.

Я говорила, а в голове звучал голос белки: «Он смертник. Не сойдет с ума, им займется Хель. Ему все равно не жить, соглашайся на сделку».

— Я вернусь. Завтра, — прозвучало из-за двери.

И почему-то мне в его словах слышалось так и не прозвучавшее: «А ты пока остынь, я подожду».

Когда Эрриан отошел от двери и спустился вниз, я так и не поняла. Темный всегда двигался бесшумно, словно тень. Лишь входная дверь нарочито скрипнула, будто ей позволили это сделать, оповестила, что я осталась одна, как и хотела. Только почему же нет радости от исполнения этого желания?

Я, как стояла, прислонившись спиной к двери, так и присела. Обхватила колени руками, вглядываясь в метель за окном.

Кажется, я влипла. По-крупному. Потому что мне, кажется, нравится тот, в кого влюбляться совсем не стоит. Категорически.

Пострадать вдоволь и пожалеть себя мне не дали. Вестник, собака, булыжником проломив стекло, кубарем прокатился по половицам, разметав вокруг осколки и снег. В комнате враз стало холодно. А я смотрела на ощипанного селезня с письмом в клюве и медленно замерзала. А вот зверела очень даже быстро. Магистрат что, издевается? У них на посыльного голубя денег не было?

— Пущу на гуляш, — пообещала я птице, которая разбила мое окно.

Та возмущенно крикнула и, выплюнув письмо, попыталась удрать. Но от ведьмы, пусть и фиктивной, так просто не уйдешь!

Заполотно хлопая крыльями и загребая лапами половик, к слову прямо мне в лицо загребая, этот водоплавающий рванул туда, где бушевала спасительная метель. Не тут-то было! Я в отчаянном броске схватила пернатого за оранжевую перепончатую лапу.

Селезень возмущенно закричал и забил крыльями, пытаясь взлететь. В условиях узкой комнаты и с довеском в виде злой ведьмы это было слегка проблематично. Но мужику, стремящемуся из спальни через окно к свободе, неведомы преграды.

Обычно в таких ситуациях стимулом для побега служило то, что дамскую опочивальню с другой стороны двери таранил слегка рогатый муж. Но у меня сегодня был нетипичный, так сказать, почти эксклюзивный случай. И мужик был нетипичный, пернатый. Но линиял он по всем правилам отступления, не жалея сил.

И все же я победила. Прижала крылья к утиному телу, удобно устроив птицу под мышкой, на сердитое шипение показала кулак и начала осматривать «почтальона». Под перьями в районе кия обнаружился амулет подчинения. Оценила заряд. Хм... весьма неслабый. Маг, что его создал, вложил в свое творение не меньше пяти единиц. Хотя зачем столько для обычной утки? И пол-единицы за глаза хватит, чтобы в птичьих мозгах билось одно лишь желание: доставить послание. Этого же амулета хватило бы на парочку взрослых мужчин. Ну или одного, но с очень сильной волей.

Видимо, кто-то очень хотел, чтобы я получила письмо. Только вот зачем тогда селезень? Поприличнее птицы не нашлось?

Тот склонил голову, подозрительно кося на меня круглым глазом. Я точно так же — на него. Привычка бдительно относиться к вестникам завелась у меня полгода назад. Когда от Магды Фокс один богатенький сынок попытался избавиться через вот такое же письмо. Тогда я по неосторожности распечатала послание, и из него вырвался огненный торнадо. Он бешено завивался воронкой, вытягивая из меня силы. Не по капле, а жадными глотками, захлебываясь и разрастаясь, сжирая мой дар и меня саму заживо.

«Огненный голод» — так называлось это боевое плетение. Запрещенное для применения в мирной жизни. Такому было место лишь на войне. Но я встретила его. В академии, в палате лекарского крыла.

Была ранняя весна. Я только-только закончила ассистировать на операции магистру Райгнорку и стояла у окна, открытого для проветривания.

Крепкий и очень сладкий чай дымился в пузатой глиняной кружке, которую я держала. Подозревала ли я о том, что через пару мгновений жизнь моя навсегда изменится? Нет. Я просто устала. От операции, от последнего месяца, когда неприятности на нашу семью покатались как снежный ком. В голове было пусто. Я бездумно смотрела на проталины, что появились вокруг деревьев на университетской аллее.

Синичка с небольшой запиской в клюве вспорхнула на подоконник и, выплюнув послание, тут же умчалась. Я подняла с пола записку, открыла ее...

Я должна была умереть. Ожоги тела, полное магическое истощение. Меня спасло то, что все случилось в лечебнице. Что у магистра Райгнорка достало сил удержать меня, стабилизировать состояние. И пока целители оперировали, я блуждала по лабиринтам Эйты. Безумие от боли, от понимания того, что я осталась без дара...

Воспоминания, как сонм пауков, опутывали меня, затягивали в болото прошлого, сковывали волю и разум. Я тряхнула головой и закусила губу. До крови. Нет. Не сегодня и никогда после.

Селезень был дотошно осмотрен, и выжужена еще пара амулетов. В том числе и охранный знак ковена, подтверждавший, что на гуляш эту птичку просто так непустишь: она стоит на имперском учете. Посыльный солидно закричал, мол, что правда, то правда. У-у-у... паразит.

На пол птицу опустила я с неохотой. И то лишь затем, чтобы заткнуть пледом дыру в окне: в комнате становилось все холоднее. И уже потом осторожно взяла послание. Еще раз проверила все печати, едва не обнюхала и наконец раскрыла.

Почерк был мне незнаком:

«Выпускнице Северной Вейхонской академии магии, проходящей практику в Хеллвиле, магессе Магде Фокс».

Литеры четкие и уверенные, без завитушек. Кто бы ни писал это письмо, предпочитал переходить к делу без обиняков и экивоков. В своем предположении я убедилась, прочтя вторую строчку:

«Приказ главы Имперского ковена, архимага Лорконсира Бейсминского Победоносного: не приносить вассальной клятвы самозванцу, темному магу Эрриану Тайрийскому, Мечу Темного Властелина, самопровозгласившему себя владетелем удела Гейзлорру. Оные земли были, есть и будут территорией Светлой империи. Вы же, как истинная дочь своей Родины и верноподданная Его Императорского Величества Аврингроса Пятого, обязаны поступить так, как вам и надлежит при встрече с темным...»

Я прикрыла глаза, не дочитав. Все потому, что прекрасно знала, как «надлежит поступить истинной светлой». Если раньше, чуть больше трехсот лет назад, имперцы при виде чернокнижников и некромантов бросали смертельные заклятия в лоб, то ныне все изменилось. Особенно — после прорыва.

Нет, на бумаге и словах был заключен ряд договоров, но... Застарелая вражда жила и процветала. Только теперь светлым надлежало уничтожать противника не столь очевидно. Ну или как придется. У нас в академии даже предмет был ТБТ (в просторечии табуретка) — «Тактика боя с темными». После прорыва в его названии добавилось слово «силами», чтобы не было прямого оскорбления для соседей, но суть не изменилась. Светлые адепты боевого факультета по-прежнему изучали поражающий радиус темной магии и практиковались плести атакующие арканы. Причем метали их на полигоне в «чучела нежити», которые очень сильно смахивали на темных магов.

Сие было наглядной иллюстрацией поговорки «Если не хочешь кормить чужую армию, корми свою». Ведь залог крепкого нерушимого мира — взаимное знание, что у противника оружия и силы ничуть не меньше, чем у тебя. Поговаривают, что единственным местом, где темные и светлые мирно уживались, была военная академия в землях Лавронсов, выпускающая порубежников. Однако я сильно сомневалась, что и там все чинно и мирно.

Но противостояние существовало лишь между магами — светлыми и темными. Простому люду до этого не было дела: недосуг. То сеять надо и сажать, то полоть, то удои, то отелы, то урожай собирать, то от нежити спасаться. Потому хеллвильцы недолюбливали всех чародеев скопом. И черных, и белых, и крапчатых. На всякий случай. Чтобы не промахнуться.

К ведьме обращались в крайних случаях, и не удивлялись, если для лечения она не использует свой дар. Вот потому-то я, приехав сюда на отработку, и стала темной. Иначе с моим уровнем дара было нельзя.

Я вернулась к посланию, пробежала глазами последние строчки, и оно вспыхнуло у меня в руках. Сгорело дотла, бесследно растворившись в воздухе.

В том, что селезня выбрали специально, дабы никто не помыслил, что сей драный перепончатый — особо важный вестник, у меня не осталось сомнений. Ведь не заподозишь в бродяге на паперти аристократа голубых кровей.

Я с подозрением посмотрела на вестника.

— Ну что, птица божия и имперский агент под прикрытием в одном лиц... клюве, — исправилась я в последний момент.

— Кря, — выдал имперский агент.

— Кря-кря, — мстительно ответила я и удостоилась полного возмущения взгляда.

Видимо, вышло что-то неприличное, а может, я сделала десять фонетических ошибок в одном «кря».

— Ответ доставишь? — спросила уже нормальным голосом.

Селезень попробовал отказаться. Но я умела убеждать. Соблазнять. Подкупать. В том числе и яблоками, которыми обещала окружить, а если точнее, обложить хладный утиный труп.

Сверхсекретный пернатый агент, который до встречи со мной был гораздо больше уверен в своей неприкосновенности, заметно поскущнел и согласился-таки на необлагаемую поборами доставку письма.

Именно в этот момент я посмотрела в окно и вычислила шпиона. Впрочем, темные и не подумали скрыть своего посланника. Черный ворон с письмом в клюве, деловито хлопая крыльями, целенаправленно несся куда-то вперед. Да что же это такое?! Сегодня ночь массовой рассылки писем?

Разгулявшееся воображение тут же нарисовало мне еще с десятков уток, селезней, гусей и почему-то индюков, которые долбят в мое окно. Ну нет, одного достаточно. Этак они мне тут все стекла перебьют и подоконник загадят.

Вообще-то, в столичных домах у благородных лэров и лэрисс рядом с окном кабинета висела зачарованная от непогоды почтовая корзина, куда из клювов пернатых почтальонов и падали послания. Юные очаровательные кокетки голубых кровей получали порою столько приглашений на бал, что корзина переполнялась и могла даже рухнуть.

Но я не была ни столичной, ни лэриссой. Приглашать же темную ведьму на бал — все равно что покойника на свадьбу: не просто плохая, а смертельно опасная примета. Так что посланий я не хотела и не ждала. Наполучалась уже.

Между тем селезень, увидев в окне ворона, возмущенно крикнул и захлопал крыльями. Я посмотрела сначала на одного, потом вслед уже скрывшемуся второму и неожиданно для себя сделала вывод, что шпион от имперского агента отличается лишь тем, что клюв и перья одного заложены у светлого ростовщика, другого — у темного. И с магами точно так же. Только у нас не перья, а совесть.

И последняя мне шептала, что поступать я должна по ней, а не по приказу главы ковена. Эрриан в том болоте спас мне жизнь. И пусть на то у лунного были свои причины, но все же спас.

— Сиди, сейчас напишу письмо и приду, — приказала я вестнику и, заперев дверь, вышла из спальни.

Интересно, за каким демоном вообще архимагу Лорконсиру Бейсминскому отдавать какой-то выпускнице приказ? Арх! Да, я была единственным магом во всей округе. Тем, кто теоретически хоть как-то мог противостоять темному. Но... зачем? Это письмо грозило проблемами. Серьезными. И разоблачением. Наверняка за посланием последуют и визитеры. А значит, нужно постараться или не допустить их прибытия, или хотя бы отсрочить.

Ну что ж... Эйте мы обещали безумие, лунному — помощь. Самое время заверить главу ковена, что его наставление я поняла и уже работаю в данном направлении: темный пока жив, но уже не совсем здоров благодаря мне. Что, кстати, совершенная правда. Именно я втравила его в охоту на стрыгу.

В общем, пусть столичные господа маги не переживают и не торопятся в Хеллвиль.

Когда вернулась с запечатанным конвертом, гордый, хотя и слегка пощипанный селезень встретил меня возмущенным криканьем.

— Так, если начнешь возражать, я мигом устрою обмен, — пообещала я. И пояснила озадаченно замолчавшему перепончатому: — Заменяю твои яркие прижизненные воспоминания на качественные предсмертные ощущения.

В подтверждение своих слов показала, как именно будет происходить обещанное: выдернула одно из перьев.

Селезень, видимо, не понаслышке знал, что такое ошип, и почему его столь не любят куры. А потому присмирел и больше не корчил из себя важную птицу. Я быстро вернула на вестника все амулеты, дала мысленный приказ доставить послание по указанному адресу и, выдернув плед из разбитого окна, отпустила посланника с миром.

Пальцами побарабанила по подоконнику. Подумать было о чем: от вопроса, почему такой мелочью, как темный маг в маленьком приграничном городке, заинтересовались в столице, до того, что я разговаривала с птицей. Хорошо, что Эйты рядом не было. Она-то уж точно от радости бы лапы терла: спустя полгода Магда Фокс вновь начала подавать признаки безумия.

Любопытно, а темный властелин повелел своему Мечу тоже устранить нежелательный светлый элемент в моем лице? Или у темных магов это как-то по-другому называется? И стоит ли мне завтра достать связку своих амулетов, которые у меня имелись на случай «хуже уже некуда»? Или достаточно будет взведенного арбалета? К слову, об оружии. Мое благополучно утонуло в болоте, и надо бы зайти к мастеру Хорсу, прикупить новый самострел.

От мысли, что придется тратить пару сребров из-за этих посыльных селезней-воронов, настроение поползло вниз. Знала бы, что так обернется, лично бы всех поубивала. И птичек, и темных заодно с ними. На груди тут же загорелась печать — клятва белке. Да-да, помню, убивать пришлых нельзя. Во всяком случае, до тех пор, пока один из них не осчастливит Эйту шизофренией.

Потерла знак клятвы. И почему мне так не везет? Неужто судьба тонко намекает, что я чрезвычайно умна, мудра и вообще ходячее средоточие знаний? Ведь если верить народной мудрости, удача улыбается лишь дуракам. И мне стоит гордиться тем, что я из неприятностей не вылезаю.

Утешившись этим умозаключением, я прибрала в спальне, умылась и пошла спать. Правда,

пришлось выбирать: промерзнуть ли до состояния трупа из ледника, зато с комфортом на кровати, или стать счастливой обладательницей радикулита, задремав за столом? Выбрала второе. Потому как простуду лечить придется седмицу, а поясницу растереть можно на раз.

Прихватив подушку, ушла в соседнюю комнату, служившую мне одновременно и кабинетом, и библиотекой. Почетное звание сие помещение получило благодаря полке с дюжиной книг и двумя десятками конспектов по лекарскому делу. В углу еще был сундук, так что в перспективе комнатуха вполне могла стать еще и гардеробной.

И все эти предметы — в пространстве семь на семь локтей! Стоя в центре, я могла раскинуть руки и коснуться сразу обеих стен. Или же окна с дверью. Небольшой письменный стол, стул, уже упомянутая полка и сундук.

У жены кузнеца здесь была девичья, где она хранила свое приданое. Третьей и последней комнатой на этаже значилась бывшая детская. Ее, самую просторную из трех, я заняла под свои исключительно лекарские нужды.

В общем, спать мне особо было негде. Промаявшись ночь на всех горизонтальных поверхностях, я встала злая и уставшая. С приездом в Хеллвиль темных я все больше по утрам похожа на мокрую соль в солонке: не высыпаюсь.

Спускалась я мрачная и преисполненная жгучего желанья благословлять. Всех и каждого. А некоторых — и повторно, если им удастся выжить после первого добрословия.

Заглянула в печь, где меня ждал котел. Вытянула его за дужку. С чугунного бока на меня смотрела недовольная, непохмеленная рожа демона. Он тарачился на меня, я на него. Мы оценили вид друг друга, и инкуб, констатируя факт, произнес:

— Чую, переубедить тебя насчет амулета мне не удастся, поэтому сразу перейду к оскорблению...

Но на этом тернистом пути его ждала неудача: инкуб не дошел. А все потому, что захлебнулся. Если точнее, я залила его рассолом.

— Спасительница... — счастливо пошептал чугунный.

Я бы не была столь поспешной. Ну да блажен неведающий...

Позавтракав на скорую руку и достав из шкатулки золотой, я подхватила котел, оделась потеплее и вышла на улицу. Решила для начала сама занести «амулет для блуда» заказчице, потом заглянуть к столяру и к оружейнику.

Госпожа Мейлга, не ожидавшая моего прибытия, поначалу растерялась. Потом, глянув на «амулет», растерялась повторно. Ее слегка смущали его размеры.

— А... как его повесить на Громовержца?

Мелкий пушистый песик на ее руке трясся, глядя на посудину, которая была больше его самого.

— Я думала, это будет заговоренная булавка. Или медальончик.

— Так вам нужна красота или эффект? — спросила я ведьминским тоном. С намеком в голосе: не бесите ведьму.

— Эф-фект, — проблеяла госпожа Мейлга и покрепче прижала к себе мелкого тьявалку, который сейчас мне напоминал обломанный рог инкуба. Вроде бы и носил гордое звание пса, но на деле являлся только намеком на него.

— Так вот. Это — самый действенный из всех!

— А как им пользоваться? — опасливо уточнила первая теща Хеллвиля.

Я озадачилась. И правда: как? А потом решительно поставила котелок на пол, взяла из рук эту пушистую помесь левретки с болонкой и посадила в котел.

Пару мгновений ничего не происходило. Ну, кроме конфуза пса, который заскулил и едва не перепутал свой личный амулет для блуда с ночным горшком. А потом...

Громовержец выскочил из посуды, как будто ему вожжа под хвост попала. Хотя, может, и не как будто. Ибо этот весьма упитанный песик, который до сего дня наверняка был несколько ленив, вдруг преисполнился рвения. И, взвизгнув, умчался это рвение реализовывать — размножаться.

Обрадованная хозяйка уже было хотела рвануть за ним. А что? Услуга оказана, и с лихвой, посе му

есть неплохой шанс сэкономить. А рачительность госпожи Мейлги была в Хеллвиле притчей во языцех. Когда у нее случалась беда, она сорила деньгами, а как все налаживалось... В общем, тетка, несмотря на свою шаровидную комплекцию, хотела удрать. То, что при этом она находилась у себя дома, ее не смущало. Но тут уже я удержала ее за руку.

— Э, нет! Сначала расчет, — напомнила я.

На меня глянули так, словно в наши расчеты с госпожой Мейлгой вкралась роковая ошибка. Но, к сожалению для главной хеллвильской тещи, я была не просто математиком от всего пантеона богов разом. Хуже. Я была счетоводом, который, как корсет, мог скрыть недостающее и показать несуществующее.

Проклятые проценты — то есть мой фирменный перечень чернословия, обещанный заказчице в случае неуплаты, — так впечатлили госпожу Мейлгу, что она накинула еще и сверху оговоренного, лишь бы больше не видеть меня на пороге своего дома.

Выдача монет сопровождалась звуками стираемой зубной эмали и категоричного «ведьма!». Засим я подхватила котел и ушла. Дверь за моей спиной захлопнулась так, что всерьез можно было опасаться: а устоит ли косяк?

Вот почему в имперской глуши, если юная магичка становится умнее, то люди называют ее жадной? А когда при этом чародейка умудряется за свою волшебку требовать еще и чуточку сверх платы, то и вовсе кличут ведьмой? В общем, особых усилий, чтобы выдать себя за темную, мне в Хеллвиле прилагать не пришлось. Достаточно было пару раз заставить самых скупердяистых горожан заплатить по двойному тарифу — и все: наичернейшая репутация мне была обеспечена. По Хеллвилю то тут, то там начали ходить слухи по дворам, а досужие сплетницы-старухи разнесли их по умам. Дескать, у приезжей магички щедрость не вошла в список добродетелей. Ей просто не хватило места. А все потому, что вся душа уже была занята темной магией. Посему Магда Фокс — истинная черная ведьма. А я не стала возражать.

Бургомистр и храмовник, с которыми я договорилась, эту версию поддержали. Так в славном Хеллвиле появилась ведьма с определенной репутацией. И эта репутация меня не раз выручала, обогащала и, несмотря на свой темный цвет, имела немало светлых сторон. Вот даже сейчас на меня косились, сворачивали в карманах фиги, но, глядя в глаза, растекались в таких приторных улыбках, что у меня в крови аж сахар поднимался. В общем, боялись и уважали.

Кузнец, к которому я заглянула по дороге, из этого самого уважения даже медьки за починку дужки не взял. Лишь выразительно молчал матом и делал все быстро. Видимо, не желал, чтобы ведьма задержалась у него на лишний вздох. Так моя репутация в очередной раз сэкономила хозяйке монетку.

Правда, были те, кто уважал меня чуть меньше. Например, приехавшая в Хеллвиль на месяц позже меня Саманта Лонга.

Она была дочерью торговца лярдом из провинциального Рорка, что на востоке империи. Отец практически не принимал участия в воспитании дщери. Матушка же, увлеченная чтением дамских романов гораздо больше, чем образованием Саманты, не вложила в голову юной Лонга мысли, что лучшая стезя для девушки ее круга — семейная. Посему Саманта к восемнадцати годам была столь же начитанной, как матушка.

Только она, в отличие от родительницы, штудировала буклетки и книги, призывавшие девушек бороться за равноправие полов. На расы манифестантки не замахивались, ибо, например, драконы на требования юных пикетчиц плевать хотели. В том числе и огнем. Довеском к основной идее — равенству — у Саманты была еще одна: идея просвещения. Именно она-то и стала причиной появления юной девы со взором горящим в Хеллвиле.

Саманта Лонга работала учительницей и считала, что несет в народ свет знаний и передовые идеи столицы. По мнению же хеллвильцев, она несла лишь знатную пургу. Причем несла ее настолько плотно, что была способна вынести мозг. И не один.

Внешне девица Лонга напоминала моль, просидевшую всю зиму на жесткой бесшерстяной диете, такая же невзрачная и злая от голода. Она совала свой длинный нос и нещадно завитые кудельки в мои дела. Даже пару раз пыталась обвинить в шарлатанстве, пока я от души ее не благословила. Причем добрословие было почти невинным. Хороший крепкий сон... Благо? Благо! Небеса тоже так считали. И какое-то время Саманта спала как убитая. Пару раз ее даже мелом обводили.

После этого мы с девицей Лонга придерживаемся вооруженного нейтралитета. Она делает вид, что не замечает меня, и норовит отвернуться. Я же демонстративно здороваюсь. Последнее ее бесит невероятно.

Впрочем, в Хеллвиле был еще один тип, который уважал темную ведьму чуть меньше остальных.

Но справедливости ради надо сказать, что Астор Крон здесь вообще никого не уважал. Едва я его вспомнила, как этот противный тип нарисовался. Вот помяни зомби, он и восстанет.

Крон вышагивал в черном плаще по заснеженной улице так, словно гулял по столичному бульвару. Прямая осанка, холодный, надменный взгляд. Он, в отличие от девицы Лонга, был почти аристократом. До чистопородн... прошу прощения, чистокровного ему не хватало ровно половины. Той самой, что достается ребенку от матери. Если отец его был голубых кровей, то мать — куртизанкой. Поговаривали, что его батюшка лэр Орин хоть официально и не признал бастарда, но принимал участие в его жизни не только чеканной монетой.

Версии же причины, по которой Крон впал в родительскую немилость, среди горожан ходили разные.

Незамужние девицы ратовали за романтическую. По ней молодой полулэр влюбился в простушку, у которой не было ни гроша за душой. Астор отказался жениться на лэриссе, которую выбрал для него отец и которая должна была ввести его в высший свет.

Вторую выдвинули уже мужики. По ней выперли Астора из столицы за кутеж и разврат. Дескать, Крон с дружками так напился, что, обернувшись волком, схватил зубами караульного и зашвырнул его на крышу Йонльской ратуши. То, что рыжих волков-оборотней не бывает и что Крон чистокровный человек, у которого нет и крупицы магии, их не смущало.

Но, сдается мне, причиной опалы Астора стало то, что его сводный брат, законный наследник рода Оринов, был обвинен в причастности к заговору. Об этом почти не говорили в Вейхоне, официальных заметок ни в одной из газет не было. А до Хеллвила новости о покушении на императора и вовсе не дошли. Я же распространять их не собиралась.

А сам Крон, вынужденный прозябать ныне в Хеллвиле простым стряпчим при бургомистре, и вовсе отмалчивался. Впрочем, надо отдать ему, повидавшему в столице наверняка не одного мага, должное: ко мне с вопросами он тоже не лез.

Обычно, если мы сталкивались на улице, то раскланивались и, не проронив ни слова, расходились. И каково же было мое удивление, когда сегодня, завидев меня, молчаливый нелюдим Астор мало того, что перешел на мою сторону, так еще и снял шляпу!

— Не правда ли, доброе зимнее утро, госпожа Фокс? — вежливо произнес он.

Меня так и тянуло спросить, кто же его так удобрил-то? Но сдержалась, вместо этого ответив:

— Насчет доброго не знаю, но то, что оно снежное, — определенно.

Волосы Астора, собранные в хвост по столичной моде, отливали медью, на лице играла приветливая улыбка, которая лучше любого плаката сообщала: этот тип что-то замыслил. Может, и к нему сегодняшней ночью прилетел посыльный?

— Знаете, я все думал, что такая красивая молодая девушка, к тому же маг, делает в такой дыре? — Он выразительно обвел взглядом улицу.

— Просто какой-то гад оставил в Вейне крышку в подпол открытой. Ну меня и угораздило прова... хм... тут очутиться.

По тонким губам скользнула сдержанная улыбка — Крон оценил шутку. А я удостоилась еще одного внимательного взгляда. Крон открыл рот, явно собираясь продолжить беседу, но не успел: меня окликнул со спины знакомый голос. Увы, уже хорошо знакомый.

— Магда, вот ты где! А я всюду тебя ищу, — раздалось на всю улицу.

Я обернулась и увидела, что на самой вершине пригорка стоял Джером в весьма расхристанном виде: рубашка не заправлена, кожух (явно с чужого, причем женского плеча) распахнут, темные волосы — встрепаны так, будто он бодался со стогом и таки победил его.

Улица, по которой я только что спустилась, была коварной, гололедистой. Я шла по ней осторожно и осмотрительно, а вот Джером... В общем, в это не совсем прекрасное для него утро, стоя в зените славы и лучах зимнего солнца, темный начал свой триумфальный спуск.

Чуть ниже, между Джеромом и мной ковыляла старушка, отчаянно рискуя своим здоровьем.

Джером уверенно ступил на склон, убежденный в том, что через пару мгновений будет лицезреть ведьму нос к носу. Но, видимо, ему сегодня дорогу перебежала черная кошка с разбитым зеркалом и пустым ведром, из которого сыпалась соль.

Подметки темного потеряли сцепление с твердью, а сам Джером — устойчивость. Он поскользнулся

и взмыл, словно подкинутый волной атакующего заклинания. Мы с Корном смотрели, как темный, аки дракон на летной тяге, поднялся над землей, обозрел все окрест, наслаждался зимним пейзажем, шмякнулся и головой вперед полетел уже горизонтально, набирая скорость пушечного ядра.

Старушка, завидев, что на нее с воплем рыцаря, идущего в атаку, несется темный, не иначе как вспомнила лихую молодость и не ушла с дороги, а, развернувшись лицом к опасности и пошире расставив ноги, подняла клюку на манер пики.

Я мысленно уже представила себе картину «Гонарий Победоносец пронзает копьем змея». Но нити судьбы темного и бабульки завязались в совершенно иной узел. Как по мне, больше всего похожий на кукиш.

Они сошлись, волна и камень, стихи... хотя вру, скорее матюги и проза: Джером таранным бревном пролетел под почтенной старушкой. Ну как пролетел. Частично. Головой. А вот все остальное не успело. Старушка охнула и, совершив грациозный кульбит, оседлала темного. Правда, задом наперед.

— Куда мы летим? — кричала бабулька. Да-да, именно так и кричала, только матом.

— И-и-и... — поддержал диалог Джером.

Они неслись с пригорка снежной лавиной, грозя приобщить нас к своему веселью. Темная ведьма присоединяться не желала, посему сайгаком сиганула в ближайший сугроб. Крон чуть замешкался. Это стало для него фатальной ошибкой.

Спустя миг вниз по улице уже несло трое счастливиц. Причем рыжий обнимал старушку, которая такого обилия мужского внимания не получала уже давно. От счастья она выпучила глаза и вцепилась в ягодицы Керна. Даже клюкой вцепилась.

Темный пытался затормозить, но не сказать чтобы успешно. А я увидела на пригорке еще одно действующее лицо. Мажету. В плаще. Мужском. Она ошарашенно смотрела на творящуюся внизу улицы вакханалию.

— Что здесь происходит? — гневно, словно уже была давно и прочно замужем за темным, спросила она.

— Измена! — радостно сообщила я. Джером, уцепившись за водосток пекарни, смог развернуться и затормозить, а я добавила: — Курса.

Мажета глянула на скользкую улицу и, видимо, решила, что скандал это хорошо и порою просто необходим для здоровья, а виноватый мужик и вовсе вещь в хозяйстве крайне полезная, но все же лучше не торопить события. Иначе, пока доберешься до «изменщика», можешь слегка потерять если не в весе, то в комплектации. Например, ребер. И она, мелко перебирая ногами, начала осторожно спускаться. Я прикинула, что таким темпом она как раз к вечеру и окажется у крыльца пекарни.

Я снова повернулась к трио, которое сидело недвижимо в лучших традициях памятника. Бабулька, оседлавшая темного, не иначе как пригрелась и седл... поясицу Джерома покидать не хотела.

— Помогите... — раздался протяжный стон.

— Три медьки, — исключительно по привычке ответила я, осторожно спускаясь к троице. Даже на заклинание равновесия расщедрилась, впечатленная молниеносной доставкой бабули к крыльцу пекарни.

— А бесплатно оказать помощь брату по магии? — тоном «я сейчас героически сдохну» протянул Джером.

— Скажи, это традиция у темных такая: даже умирая — торговаться? — полюбопытствовала я, добравшись до лихачей и помогая охающей бабушке встать с насиженного места.

— Конечно! Особенно за любовь. Ведь она дороже денег. А ее порой ну о-о-очень хочется. И желательно — по сходной цене, — важно заявил смуглый, вставая на четвереньки.

— Я смотрю, ты уже доторговался, — насмешливо фыркнула я, глянув на отряхивающегося темного, а потом на неторопливо приближающуюся к нему Мажету.

Крон, поднимая из снега шляпу, позволил себе усмешку. Бабулька, уже пару вздохов как отвернулась от остальных и делала вид, что уходит, а на деле грела уши, аж застыла. Даже ее спина стала напоминать вопросительный знак.

— А... — махнул рукой Джером, когда я указала на кожух, — с этой девицей даже не сделка была, а

всего-то демонстрация товара.

— Как так? — Мне стало любопытно.

— Ну... вчера я решил воспользоваться одним из способов восстановления сил, раз уж еда и амулеты не действуют, и пошел искать борде... бродить по улицам, — тут же поправился темный. — И представляешь, на меня напали и чуть не изнасиловали.

Старушка при этих словах начала незаметно пятиться, приближаясь спиной обратно к попутчикам.

— Но ты сумел скрыться от нападавших? — Я пыталась быть серьезной. Честно.

— Зачем? Я поддался! — тоном «я благородный лэр и не бегу с поля боя» возвестил Джером.

— Судя по всему, даже несколько раз. — Крон произнес это с удивительно серьезной миной, которая отлично подошла бы для скоропортящихся продуктов.

— Ну да, лучше этой жизнью гореть, чем быть замороженной воблой, — широко улыбаясь, ответил Джером.

Увидев Мажету и оценив ее скорость, сцепление с дорогой и решительный настрой, как ни в чем не бывало схватил меня за локоть и потащил в сторону площади со словами:

— Магда, ты обязана помочь. Эрриан собрался на кладбище!

— Все так плохо? — не поняла я.

— Сплюнь. Просто он решил проверить то место, где демон вселился в служку. Но у него магия заблокирована. А у меня... В общем, ты из нас сейчас самая магически сильная и...

Договорить он не успел. Вслед нам понеслось:

— Стой, сволочь!

Я обернулась и увидела, как за нами припустила Мажета и... Крон.

— Нам стоит поторопиться! — скомандовал темный и, даже не спрашивая моего на то согласия, потянул вперед.

А я же печенкой почувствовала: впереди нас ждут они... Те самые неприятности, которые некоторые почему-то ошибочно величают приключениями. А печень у меня насчет пакостей судьбы редко ошибалась.

Мы миновали площадь, несколько кварталов, два переулочка, улицу, еще один квартал, храм, небольшой парк и наконец увидели впереди кованые ворота и ажурную ограду кладбища.

Джером еще раз оглянулся и с облегчением выдохнул:

— Уф, оторвались! Ну и настойчивость.

Не знаю, кого он имел в виду: Мажету или Крона. А может, обоих сразу.

— Кстати, что это за конопатый тип был с тобой? И чего хотел?

— Да так, почти ссыльный. — Я не стала вдаваться в подробности. — А хотел поздороваться.

— Знаешь, он как-то слишком настойчиво хотел. Целых три квартала гнался — и это, чтобы только поприветствовать? — с сомнением спросил темный.

— Просто Астор Крон очень вежливый, — произнесла я. И, подумав, что одной вежливости для оправдания подобного поведения мало, добавила: — И настойчивый.

Ну не скажешь же, что рыжий, наверное, хотел уточнить: не пробудила ли эта ночь во мне, как и в нем, желание убить двух темных. И не стоит ли нам объединить усилия.

Скорее всего, почтовый селезень прилетел не ко мне одной: светлые столичные интриганы, не желая отдавать топи темным, наверняка прислали приказ на «тихое устранение» пришлых всем, кто хотя бы теоретически мог организовать покушение. А Крон... Не то чтобы очень, но мог.

— То есть ты хочешь сказать, что рыжий тип, сильно обремененный этикетом, реши он меня убить ножом в спину в подворотне, сначала извинится или испросит разрешения? — ехидно уточнил он.

— Я сказала, что Астор вежливый, а не глупый. Он сначала убьет, а потом уже извинится перед

трупом.

— А то, что он хочет убить, ты не отрицаешь? — прозорливо уточнил темный.

— Спрашивают обычно о том, о чем думают сами! Я сегодня ночью видела за окном вестника-ворона. Не от темного ли властелина он нес послание?

— Тебе тоже, я так понимаю, птичка в клюве пожелание принесла? — в лучших гномьих традициях ответил Джером.

— Да, доставила. Рекомендации из столицы. Жить и здравствовать в Хеллвиле долго и счастливо. И вам, темным, дозволено находиться в городе. Главное, чтобы вы обитали под землей. Горизонтально. Вот тут... — И я выразительно показала на погост. А затем уточнила: — Вам, я так понимаю, было аналогичное письмо?

— Не совсем, — не стал отпираться темный. — Эрриану не приказывали иикого убивать. Лишь удерживать.

— Удерживать? — непонимающе моргнула я.

— Власть, — пояснил смуглый. — Ну, если дословно: «Ты держал в руках мою жизнь. Теперь твоя задача — удержать свой разум и дар, который ты получил от меня».

Видя, что я смотрю на темного, как дриада на хищного бобра, то бишь с легким недоумением, он пояснил:

— Удел Гейзлорру — подарок императора за верную службу своему Мечу.

— Скажи, не тот ли это император, что за верность короне отдал приказ тебе убить Эрриана, как только он начнет проявлять признаки безумия? — прищурилась я.

Ответа мне не требовалось. Впрочем, смуглый его и не озвучил. Но посмотрел выразительно.

— Знаешь, я, конечно, далека от двора, высшего света, ни демона не смыслю в ваших темных традициях, но что-то мне подсказывает, что благосклонности вашего темного властелина стоит остерегаться едва ли не больше, чем его немилости.

— Ну... как сказать. Врагов владыка убивает сразу.

— Ага, а друзей — с отсрочкой, — невесело усмехнулась я.

— Иногда смерть — благо, — возразил темный. — Безумный маг с силой Эрриана не просто страшен. Он — бомба, которая обязательно рванет, только неизвестно, где, когда и сколько тысяч жизней унесет с собой! — И, опережая мой вопрос, добавил: — Браслеты сдерживают его магию, пока его разум ясен. А как только он сойдет с ума, они продержатся не больше пары ударов колокола. За это время я должен буду убить друга. К тому же душа безумца после смерти не уходит за грань, а развеивается туманом.

О последнем я, увы, и так знала. А вот что до силы лунного — не думала, что она такая... впечатляющая.

— Смерть иногда дар, а не проклятие, — задумчиво повторил смуглый.

— Извини, но я привыкла сражаться с Хель до самого конца. За каждого заболевшего! Так что я не разделяю твоих убеждений.

Мой взгляд упал на один из кладбищенских памятников за оградой. Да уж... Вот что значит «разговор к месту».

Пару сотен лет назад хеллвильский погост был за городской чертой, на выселках. Но с тех пор городок подрос и вобрал в себя и обитель мертвых.

Снег укутал землю. И сейчас, отворив чуть скрипнувшие чугунного кружева ворота, мы с Джеромом шагнули в мир, где досточтимым почившим горожанам надлежало вести себя чинно и спокойно.

Седые кусты. Все, сразу, до последней веточки, до самого тонкого прутика. Белые, искрящиеся серебром надгробия. И тишина. Оглушительная, поглощающая тебя всего без остатка. Именно на кладбище зима всегда чувствовалась особенно сильно. Мы двинулись вдоль могил, ища Эрриана.

Под ногами хрустел снег. А мы все брели, зайдя уже почти в самый центр. Щеки и пальцы пощипывал морозец, и я не сразу поняла, что дело вовсе не в кусачем зимнем воздухе. Нет. Это

была тревога. Она разливалась окрест. Где-то совсем рядом...

ГЛАВА 8

Рев, разрезавший тишину, заставил нас вздрогнуть. А в следующий миг мы наконец-то увидели Эрриана. А за ним и свору тварей, в которой я не сразу опознала кладбищенских гримов — нежить, которая обычно не больше волка. Но эти... Они впечатляли размерами. Самый малый — с годовалого быка.

Один из гримов прыгнул на лунного, пытаясь впиться в его плечо острыми желтыми клыками. Они клацнули в какой-то пяди от Эрриана. А потом сверкнула сталь, и лунный коротким взмахом обезглавил нежить. Угольно-черная башка грима с шерстью, свисавшей сосульками, покатилась по снегу. В небо уставилась оскаленная пасть с кровавой пеной и горящие алым глаза.

Откуда в Хеллвиле гримы?! Да еще столько! И такого размера. Я же лично еще пару месяцев назад на этом кладбище в полночь луноцвет собирала. И все было тихо, спокойно, добропорядочно и группно. Никто не бегал, зубами не щелкал.

Увы, свора резко понизила уровень благопристойности сего погоста.

Все произошло в краткий миг. Эрриан увидел нас. Ну и свора тоже... увидела. Я опомнилась и, крикнув «К воротам!», сама подала пример.

Вот только стая была больше, чем я предполагала. Я обогнула одну из могил, когда мне наперерез с рычанием выскочил еще один грим.

Джером хотел помочь Эрриану? Что же, ему это отлично удалось. Теперь у темных есть неплохой шанс удрать, пока у гримов будет обед из ведьмы в собственном соку.

Вот только я с таким меню не хотела соглашаться. Если нежити требуется в рационе белок, то у меня есть на примете одна упитанная белка. Могу даже познакомить. Бесплатно. Правда, при встрече грима и Эйты еще неизвестно, кто из них двоих познает внутренний мир противника. Лично я голосовала бы за рыжую.

Тварь рывкнула, обнажив желтые зубы и напружинив голенастые, с неестественно вывернутыми суставами лапы к прыжку. Я сгорбилась, сжала дужку котелка и рыкнула в ответ. Получилось не так громко, зато выразительно. И мы понеслись навстречу друг другу.

Отчаянный крик «Магда!» я услышала, но слишком поздно. Черная лавина с желтыми клыками уже тронулась, и единственный шанс спастись — опередить ее, мчаться не останавливаясь.

Нежить рванула вперед, загребая лапами снег. Он разлетался колкой искристой крошкой. Я видела перед собой лишь красные глаза, которые за удар сердца налились смертельно-алым огнем, пасть распахнулась, уже предвкушая, как челюсти сомкнутся на одной глупой ведьме. Но я, взяв разгон, в последний миг ушла в сторону и в прыжке оттолкнулась от одного из надгробий. Мое тело оказалось на миг почти параллельным земле.

В эту краткую долю мгновения я услышала свист за спиной, словно удар хлыста вспорол морозный воздух. Оглянуться не могла, но тварь, несущаяся на меня, что-то увидела. Испуганно дернулась, отвлеклась от меня, уходя в сторону. В мою сторону.

Я так и не выпустила котелок, даже идя в лобовую на грима. Утварь лязгнула дужкой, на миг зависнув горизонтально и показав небу и снегу бока, и... котел со свистом наделся прямо на морду ошалевшей нежити. Почти в то же мгновение я услышала «трунь» — кинжал по рукоять вошел прямехонько в могильный крест. Не дернись нежить, и он бы красовался между ее глазниц.

Грим взвыл, замотал башкой, пытаясь скинуть чугунный «намордник». Я моталась следом, не выпуская дужку из сведенных судорогой пальцев. Особенно сильный рывок чуть не выдернул руку из предплечья, швырнул меня в сторону, едва не впечатав в надгробие. Я невероятным усилием согнула локоть и вцепилась в шерсть взбесившейся твари. Спустя несколько мгновений, когда всерьез подумывала, почему не сдохла еще полгода назад, в лазарете, смогла с грацией беременной каракатицы взобраться на холку обезумевшего грима.

— И-ди-от-ка! — спустя несколько ударов сердца прокомментировал котел, внутри которого щелкала челюстями, выла и рычала гримья морда.

Тварь, выписывавшая по кладбищу лихие пируэты, была полностью с этим согласна, перестала выть и сосредоточилась на размазывании одной чародейки тонким слоем по насту. Грим подо мной неистовствовал и бесновался. Я уже не представляла, где небо, где земля, а где те, кого я прикончу сегодня вечером. И я не о нежити. Несколько раз приложилась об ограду.

— По-мо-гай! — с риском откусить себе язык выдала я, гарцуя на взбесившейся нежити.

— Ка-а-ак?

— Как. С. Той. Шавкой! — Я выплевывала слова, как арбалет — болты. Быстро и четко, в перерывах между взбрыками твари. — Отвлеки ее!

— Про-бо-вал. Но на бешеную нежить внушение инкубов не действует.

Здорово. Интересно, за что мне такое везение от госпожи Судьбы? Н-на тебе, Магда, нежить, да не абы какую, а прямо-таки элитную. Мало того, что здоровую как бык, так еще и бешеную. В общем, уникальную со всех сторон: от хвоста до носа.

— Тогда сожри! — крикнула от отчаяния в обход любой логики, даже женской.

— Магда, прыгай! — Крик Эрриана откуда-то сбоку.

Почему именно сейчас нужно сигануть с этой черной шкуры, я не поняла. Но рефлекторно оттолкнулась от грима, разжимая руки. Именно в этот миг тварь перекувыркнулась. Она хребтом прокатилась по снегу. Окажись я на спине грима — была бы уже трупом, раздавленным тяжелой тушей нежити. Но я успела в последний момент.

Хотя спасение было сомнительным. Тут же рядом с одним из надгробий раздался рык. Еще один грим...

Я попятилась сидя, спиной вперед и ерзая по снегу ягодицами. Да что это за день такой! Не успеваешь себя спасти.

Тварь, в отличие от первой, выходила медленно. Сначала из-за плиты показался ее пос. Он напоминал мне по цвету протухший кусок мяса. Ноздри чуть подергивались, вбирая запах моего страха. Вот только не было привычных для живых облачков пара. Как и дыхания. Ну да, нежить же несколько ударов колокола может без воздуха обходиться. Не в пример одной ведьме, у которой не было при себе не то что самострела, чтобы защититься, а даже котелка.

Визг, который огласил в следующий удар сердца все окрест, так же быстро стих. Морда грима упала в снег, красный огонь глаз начал тухнуть. А в следующий миг из-за надгробия шагнул Эрриан. Жутко злой Эрриан, которого я сейчас боялась ничуть не меньше, чем нежити.

Вот только придушить одну светлую ведьму темный не успел. Его отвлек рык. Тварей было много. Очень. И они начали окружать нас. Путь к спасительным воротам кладбища оказался перекрыт.

Эрриан обернулся так, чтобы я очутилась за его спиной, а с другой стороны меня защищала могильная плита. Темный неотрывно следил за тварями. И хотя он не шевельнулся, его вопрос был адресован именно мне:

— Как вы здесь оказались?

Вкрадчивый голос. И вроде не было в самих словах ничего опасного, если бы не тон. Наверняка именно таким чернокнижники обещают своей жертве на алтаре долгую и мучительную смерть.

— Прибежали тебя спасать, — выдала я чистейшую правду. Будь неладен этот Джером!

— Да уж... — не отвлекаясь от приближающейся стаи, зловеще изрек лунный. — Теперь я знаю, что значит прийти на выручку в духе светлых: это пустить весь план гриму под хвост. А вслед за ним — и свои жизни.

— Слушай, лунный. Я тут к тебе со всей душой, с котелком спешила. А ты... — Я задохнулась от возмущения.

— А я сейчас скамандую: «Лезь на дерево!» И ты полезешь, — поудобнее перехватывая меч, продолжил Эрриан.

— Какое еще дерево?

— Вон то. — Кивок лунной головы влево.

— А ты?

— А я наконец-то смогу заняться делом вместо того, чтобы переживать, как бы не загрызли одну ведьму. Беги на счет три, — скамандовал Эрриан.

Именно в этот момент один из гримов прыгнул на темного.

— Три! — рывкнул Эрриан, мгновенно сориентировавшись и отложив арифметическую прелюдию из

«один» и «два».

Да чтоб его! Все у этих темных не как у людей. Это я подумала, резво скача зайцем через могильные ограды. На березу взлетела за один вздох, крепко обняв ствол.

— Кар-р-р! — возмущенно раздалось над головой.

Воронья стая, уже обрадовавшаяся, что после гримов ей будет что поклевать, негодовала.

Зимнее солнце отливало красным золотом. Погост, зима, белые волны, укутавшие все вокруг. Ажурные снежные хлопья на тонких ветвях — словно души давно умерших. И на фоне этой вечности — закладывающий второй круг по кладбищу Джером. Ударяя от грима, он действовал в точности с правилами шахматной партии: играя со смертью и попав в переплет, спасался матом. Исключительно матом: оружия при смуглом не было, магией он не пользовался. Неужели после бурной ночи так и не восстановил резерв?

Видимо, подобный вопрос возник и у Эрриана. Потому как, мельком глянув на этого бегуна, который не иначе как решил поставить новый рекорд на длинной дистанции с барьерами, он рывкнул:

— Какого святого ты носишься и орешь? — Вопрос совпал с резко оборвавшимся воем очередной твари: Эрриан рассек ее пополам. — Ты же, мать твою за ногу, пожиратель душ! Тебе оружие не нужно, чтобы убивать.

— Нежити это не касается! У нее нет души! — лихо перемахнув через кованую оградку, крикнул Джером. Правда, та отомстила за надругательство: один из шипов уцепил-таки порты смуглого. Треск ознаменовал, что с этого мига у Джерома прорехи не только в планах по спасению друга, но и на штанах. Впрочем, смуглого, сверкавшего подштанниками в сердечках, это ничуть не смутило. Он, не сбавляя скорости, проорал в ответ:

— А от выпитой у этих тварей жизненной энергии я сам сейчас сдохну! Она не переваривается!

Я пригляделась: действительно, семь или восемь гримов валялись на снегу без признаков того, что их последний вздох прервала отточенная сталь. И тем не менее они были мертвы. А вот сейчас у смуглого были неплохие шансы отправиться за грань через глотку преследовавшего его грима.

Эрриан и вовсе оказался окружен стаей нежити. Вернее, уже половиной стаи.

Клинки в его руках плясали свой бешеный, дикий танец, сверкая кровавыми отблесками. Они рассекали воздух, и им вторило рычание и вой.

И именно в этот миг от кладбищенских ворот раздался истошный женский визг. Я мысленно взвела не хуже гримов: кого еще принесло? А потом получила и ответ на свой вопрос. На рубиновом от крови снегу, рядом с одним из убитых гримов стояла Мажета, голоса на одной ноте, а рядом с ней — Астор Крон.

Рыжий быстро сориентировался в обстановке, схватил девицу за руку и дернул назад, уводя к воротам. Но было поздно: нежить их заметила. Несколько тварей рванули навстречу нашим сильно упорным преследователям.

Сильные лапы взрывали снег. Лохматые черные тела — словно стрелы, спущенные с тетивы. Они были быстры. Гораздо быстрее, чем неистово голосащая девица, что путалась не только в своих юбках, но, кажется, и в ногах. Мажета враз растеряла всю свою решительность.

Я же, увидев рядом с этими двумя памятник, крикнула лишь одно слово:

— Статуя!

Астор понял без пояснений. И в один миг оседлал памятник двенадцатому бургомистру Хеллвиля Врохишу Энайскому. Судя по надписи, умер досточтимый мэр города больше столетия назад, оставив после себя лишь тире между двумя датами.

Ну и, на счастье Крона и Мажеты, надгробный памятник. Скульптор изобразил правителя городка, гордо сидящим на коне, и, видимо, показывающим направление. К слову, прямоком в центр кладбища.

Рыжий выдернул все еще истерично вопящую Мажету из сугроба за шкуру, как морковку из грядки. Причем сделал это за миг до того, как на том месте, где она стояла истуканом и голосила, лязгнули челюсти.

Отвлечшись на этих двоих, я лишь в последний момент заметила, как одна из тварей в рывке кинулась, целя в горло на миг открывшегося Эрриана.

Я могла крикнуть, попытаться предупредить. И, может, лунный успел бы среагировать. Или нет. Пульсар, слабый, всего на пол-единицы, сорвался с моих пальцев, чтобы угодить в глазницу взывшей твари. А я сразу израсходовала весь свой резерв. Пальцы разжались, и я едва не сверзилась с дерева. Ухватилась в последний момент.

Когда мой пульсар, больше напоминая искру, просвистел рядом с щекой Эрриана, тот обернулся. Глаза, иссиня-черные, полные тьмы и безразличия, задержались на мне. Я узнала этот взгляд. Эита была бы довольна: так смотрят те, кто готов вот-вот шагнуть в ее лабиринты.

«Не уходи!» — безмолвный крик отчаяния слился с болью, которой щедро окатила меня клятва, данная белке. Я должна вести Эрриана к безумию, а не останавливать на его пороге.

Темный вскинулся, словно услышал мою мольбу.

Все длилось меньше одного удара сердца. А затем рык. Очередной. И снова пляска стали на снежной плахе.

— Ты его убьешь! — Истеричный крик Мажеты ударил сразу в мозг.

Я увидела, как она толкнула под руку уже замахнувшегося рыжего. С пальцев Астора сорвалась метательная звезда, чтобы через миг впиться в ствол дерева. Как раз между Джеромом и преследовавшим его гримом.

Как замороженная я уставилась на звезду, что одним из своих лучей вгрызлась в кору. И единственный вопрос, набатом отдававшийся в моей голове, вытеснил все остальные. Кого хотел убить Астор: нежить или темного?

— Проклятье! Чумная девка, чего творишь! — как ни странно, вопил не рыжий, а Джером, узрев, что его голова едва не приобрела весьма экстравагантное украшение в виде звезды в виске.

Преследовавшая смуглого тварь согласно рыкнула: ей инициатива Мажеты тоже не понравилась. Да и кому бы пришлось по вкусу из охотника становиться трофеем?

— Я тебя из беды выручала! — прокричала обиженная в лучших чувствах девица.

— Так выручала, что чуть не убила! — парировал улепетывающий Джером.

— Как умела, так и спасала. У меня в деле спасения темных женихов опыта пока мало! — выпалила Мажета и надула губы.

Еще и руки демонстративно на груди скрестила, дескать, отдувайся теперь сам, неблагодарный. Правда, сразу после этого покачнулась и чуть не свалилась с каменного коня. Пришлось Мажете споро хвататься за рыжего, который замахнулся во второй раз.

Звезда сорвалась через долю мига и вонзилась в ляжку одного из гримов. Нежить, которой звезда попала аккуратно под хвост, подскочила с утробным воем, прыгнула вперед и впечаталась в памятник, окончательно озверев.

— Еще раз помешаешь — и я тебя скину, — зловеще предупредил Астор.

Гримы внизу согласно заклацали зубами. Мажета крепче обхватила рыжего. Я судорожно вцепилась в березовый ствол и начала лихорадочно вспоминать, каким благословением можно пришибить кладбищенских гримов? Правда, я до этого не слышала, чтобы чародей добрословием укладывал нежить в штабеля: пульсаром оно как-то понадежнее будет. Да даже в житиях святых укромные веселые погосты, изгнание демонов и массовое сожжение чернокнижников одним благословением не ограничивалось. Обычно к словам шла огневая поддержка с неба — «божественное пламя, ниспосланное праведникам, молящимся о спасении», как значилось в храмовых свитках. «Седьмая драконья летная эскадрилья» — сухо свидетельствовали хроники времен начала раскола.

Но увы, магию я всю израсходовала, знакомых среди драконов не имела, а вот слова... Их у меня сейчас было навалом. Признаться, половина — из лексикона троллей-матерщинников.

Для начала я пожелала рыжему Астору, чтобы его рука была тверда в борьбе с нечистью, и каждая его звезда нашла голову грима. Только после того, как «поправила прицел» рыжему, начала сеять доброе, вечное, светлое, на всякий случай поджав повыше ноги, чтобы «благодарные массы» точно не дотянулись до «благословляющей» своими клыками.

А дальше в мир пошли мои светлые пожелания в адрес нечисти: от «стать обладателем острого меча» с уточнением «между глаз» до «пусть в эту стужу вам станет тепло и даже жарко. От пламени Бездны».

Звезды рыжего летели немислимыми пьяными зигзагами, но каждая из них находила свою истинную гримью пару. Джером, которому Эрриан отдал один из клинков, сейчас рубился с другом спиной к спине. Мажета вопила на одной ноте так, что даже нежить готова была заткнуть уши лапами. В общем, все были при деле: творили добро, спасали Хеллвиль от нечисти, ну и себя заодно.

Клинки темных мелькали, собирая свою кровавую дань, сводя счеты, верша приговор. Вой, последний, протяжный, оборвавшийся на высокой ноте, стих. Эрриан и Джером так и стояли — спина к спине, а вокруг них лежал снег, красный от крови. Да и они сами были как два воплощения Эйла — покровителя битв и воинов.

Эрриан в абсолютной тишине цепким взглядом прочесал окрестности. Все гримы были мертвы. И судя по тому, как Меч Властелина глянул на Джерома, сейчас на кладбище одним трупом станет больше.

— Зачем ты пришел? — с холодной яростью прорычал лунный не хуже грима. — Да еще и Магду притащил! Она едва не погибла.

— Затем, что хотел тебе помочь! — не менее зло ответил пожиратель. — Забыл, что ли, что магия сейчас тебе недоступна? И у меня резерв на нуле. — Последнее признание далось смуглому с трудом. — А ты понесся сюда, словно гончая, взявшая след. И слушать ничего не хотел. Ну, я и решил...

Я уже буквально увидела короткий замах, как кулак Эрриана впечатывается в грудь Джерома. Именно в грудь. Не для того, чтобы победить или покалечить, а выпуская на волю эмоции. Иначе удар пришелся бы в голову. А так смуглый лишь согнулся, хватая ртом воздух. В его широко распахнутых глазах отразилось недоумение.

Миг, другой... Того, что успело нарисовать мое нервное воображение, не произошло. Эрриан прожигал Джерома взглядом, костяшки на его руке, державшей меч, побелели от напряжения.

— Не смей впутывать Магду. — Воздух рассек сухой, надтреснутый голос. — Я разберусь, кто так жаждет моей смерти.

— Кстати, о смерти... — Все так же сидя на суку, я решила, что вот он — благовидный предлог, чтобы перевести тему разговора. — Эр, а как ты вообще узнал о гримах?

Признаться, роль сороки на ветке мне уже порядком осточертела: холодно, неудобно да и тело затекло. Посему легкомысленно поболтала в воздухе ногами. Зря. На них тут же как-то слишком пристально уставились темные. Причем оба. И чего, спрашивается, пытались там рассмотреть, кроме моего позора? Шерстяные гольфы и бабулин подарок — розовые теплые рейтузы с начесом а ля «не простуди свое доброе имя» — глушили даже чересчур расшалившееся мужское воображение. Причем контузия была гарантированной, и после нее психика восстановлению не подлежала.

Знала бы, что буду сегодня сначала гарцевать на спине грима, потом сидеть пичугой на ветке, ей-богу, штаны бы надела! А так... Руководствовалась лишь мыслью о том, что пугающий бабушкин подарок все равно никто не увидит, зато в нем удобно и тепло. Ну вот и итог: теперь лично убедилась, что самый ошеломляющий фурор ведьма всегда производит по незнанию и случайно. И узреют его обязательно все. Ну хорошо, почти все: трупы гримов, надгробия и памятник бургомистру с конем в расчет не берем.

Кстати, о памятнике... Я посмотрела на двух лихих горожан, что оседлали каменного скакуна: Астора и Мажету. Они и высеченный из мрамора бургомистр смотрелись вполне гармонично. Все трое были беленькими, с выпученными глазами и плотненько прижатыми друг к другу. Девушка и вовсе, чтобы не съехать с крупа коварной коняки, для надежности не только вцепилась в плечи рыжего, но и обвила его торс ногами. Впрочем, ни поза, ни задранная выше колен, так, что все могли рассмотреть ее игривые чулочки, юбка не мешала Мажете крайне ревниво взирать на одну наглую ведьму, что вздумала искушать ее суженого панталонами.

— Госпожа ведьма, срам-то прикройте! — не выдержав картины коварного соблазнения, воскликнула Мажета и начала тихо сползать с каменного лошадиного крупа.

Почувствовав это, девушка крепче вцепилась в Астора, и, елозя тем местом, которое у неслухов просит хворостины, начала на манер гусеницы-переростка подтягиваться обратно. Рыжий — почти аристократ — мужественно терпел.

Пока смотрела на нее, не заметила, как Эрриан оказался подо мной.

— Магда, прыгай, поймаю, — раздалось снизу.

Я целитель. Я не только видела голых мужчин, но и подробно знала их суть, внутренний мир,

особенно хорошо — селезенку и печень, по ним даже диплом защищала. И самонадеянно думала, что меня уже никто не может смутить. Угу. Никто, кроме меня самой.

Я зарделась, как благородная лэрисса, представив, что сейчас видит темный, стоя внизу и задрал голову.

— Лучше отойди. Я слезу.

Сказала и сама поразилась градусу идиотизма. Это испугавшись, я заскочила на березу резвой белкой. Спускаться по обледенелому стволу, когда страх уже не подгонял, а лишь сковывал... Отличная идея для самоубийцы.

— Магда, — попытался вразумить, правда, в исключительно темной манере, Эрриан. — Я, конечно, понимаю, что жизнь ведьмы — это один большой подвиг, за который ставят не только скромный памятник, но порою и монумент с эпитафией. Но давай ты немножко повременишь с героизмом? Обещаю, что поймаю тебя. И с тобой ничего не случится.

Представила, как, гордо обхватив ствол, я начинаю медленно съезжать по своему импровизированному «шесту», мои замерзшие руки в какой-то момент соскальзывают, расцепляясь, и я лечу кулем на голову Эрриану. Демон раздери, стыдоба! Смирившись с неизбежной цепочкой событий: я — падение — темный, я все же спрыгнула.

Вот не зря в народе ходит поговорка: «Не верь словам некроманта, что в гробу сможешь выспаться». На обещание Эрриана мне стоило полагаться не больше, чем на бескорыстную помощь демона. Нет, лунный меня все же словил на подлете к земле. В его крепкие объятия я рухнула, как в пушистый сугроб. Вот только сам ловец слегка не удержался, покачнулся и... В общем, на снег мы упали уже вместе.

Пышная перина, впрочем, хотя и была мягкой, но неглубокой. Я отчетливо почувствовала затылком кочку, а копчиком — ветку. А вот сверху — всю тяжесть ответственности принятого решения довериться Эрриану.

Кажется, еще немного, и под этой самой тяжестью у меня не выдержат нервы, самообладание и два правых ребра: темный по сравнению с прошлым, «загробным» разом, явно прибавил в массе. Или виной тому доспех, который я сейчас ощущала под его кожаной курткой?

Вот только если я была озабочена вопросами физики и земного притяжения, то Эрриан, судя по всему, размножения. Его взгляд становился все темнее и выразительнее.

Миг, удар сердца, вся жизнь? Не знаю, сколько мы смотрели друг на друга. Кажется, мы упали в снег, а по ощущениям — в вечность. Все вокруг стало вдруг каким-то мелким, ненужным. Его губы медленно наклонились к моим, а я... В висках с бешеным пульсом стучат лишь одна паническая мысль: «Только не влюбляться!»

Сильные руки, что обнимали меня, жаркое дыхание Эрриана у виска, тяжесть его тела и... вопрос, которым я выстрелила, как из пращи:

— А как ты понял, что искать нежить нужно на кладбище?

И взгляд постаралась сделать невинным-невинным.

Правда, судя по ошарашенному лицу Эрриана, уже приготовившемуся к целовальному процессу, я слегка перестаралась. Или, может, он ждал сейчас чего угодно, но не того, что в ситуации, располагающей к горизонтальному положению тел — простите дел, — девушка вместо ответных чувств проявит... Ну, собственно, то, что проявила я.

— Магда... — тяжело, в губы простонал темный. — Я с тобой с ума сойду раньше, чем от проклятия.

И столько в этом коротком признании было всего: и нежности, и отчаяния, и надежды, и поистине темного упрямства, когда сыны Мрака готовы умереть, но не сдаться.

А я сжала кулаки до отрезвляющей боли так, что ногти, врезавшись в кожу, наверняка оставили на ней полумесяцы красных следов. Лишь бы не поддаться, не откликнуться на этот призыв темного.

Эрриан моргнул, внимательно посмотрел на меня. Его губы превратились в линию, лицо посуровело, став властным и отстраненным. Лунный словно вспомнил, кто он, кто я и где мы оба. Отстранился, а затем и вовсе встал, помогая мне подняться, и, кажется, чисто машинально ответил на мой вопрос:

— Допросил служку. Он уже пришел в себя и рассказал, где и как подцепил подселенца, — сухо и холодно, будто пытаюсь отгородиться от меня и уже сожалея о своем порыве, произнес Эрриан.

Мне бы радоваться тому, что темный сам отстранился, но вместо этого захотелось прикоснуться к его скуле. Провести ладонью по щеке, почувствовать тепло его кожи, зарыться пальцами в белоснежные волосы, прижаться, вдохнуть аромат кедра и мороза — запах Эрриана. Но если я сейчас поддамся, пойду на поводу своих чувств, то дальше меня ждут лишь пустота и боль потери. Он проклят. Он смертник, дни которого сочтены. И если не Эйта сведет его с ума, так те, кто получил этой ночью послания из Йонля, постараются.

Например, Астор. В том, что ему было дано предписание тихо и аккуратно уничтожить пришлых, я уже не сомневалась. Простой стряпчий — и чтобы так лихо пускал в полет звезды? Это же не фехтование, которому обучались отпрыски благородных семей.

Скорее уж метать ножи — умение наемников, воинов, охотников на нежить. В общем, совсем не тех, кто зарабатывает себе на жизнь переписыванием бумаг. Следом возник другой вопрос: каковы истинные причины появления Астора в Хеллвиле? Была ли это ссылка бастарда за прегрешения его сводного брата перед короной или рыжий — подсланный убийца?

От последней мысли даже замотала головой: ну и расшалилось мое воображение! Да наверняка этому надменному лэрнутому просто пришло такое же письмо, как и мне, с намеком. Может, пообещали снять обвинение с братца, а его возвратить в столицу? Вот он и решил воспользоваться ситуацией.

Все это пронеслось в голове в один миг яркой вспышкой, пока Эрриан вставал сам и помогал подняться мне. И судя по тому, как темный подозрительно глянул на рыжего, не у одной меня появились подозрения.

Астор смерил лунного ответным, далеким от дружелюбия взглядом. В воздухе разлилась тишина. Она была настолько обманчивой, что в нее никто не поверил. Даже Мажета, клещом вцепившаяся в Крона.

Джером прищурился, поудобнее взял меч. Правда, сейчас его хват за рукоять чем-то смутно напоминал то, как лесной разбойник держит дубину. Будто темный собирался не рубить противника, а приласкать плашмя или отбить летящий мяч. Такой с пятью заточенными до остроты лезвий лучами мяч.

М-да, сдается, что Джером тоже припомнил ту самую, первую звезду, что сейчас красовалась в центре креста. А могла бы — и в голове. И, вероятно, не в гримей.

— Ты хотел нас убить? — Вопрос Эрриана, заданный повседневным тоном, заставил меня похолодеть.

Выходит, мне не показалось и целился Астор действительно в смуглого.

— Хотел бы, снял бы первой же звездой, — прищурившись, ответил Крон.

— «Не хотел» и «не смог» — разные вещи, — не удержалась я.

— Что-о-о? — спросили хором темные и Астор.

И если пришлые — изумленно, то рыжий — точно его обвинили в профнепригодности.

Пришлось просветить эту совсем не святую троицу о том, что своей «точностью», косящей гримов как моровое поветрие, рыжий обязан благослов... хм... проклятию из уст одной ведьмы.

— А чего такого? — Я развела руками в ответ на возмущенный взгляд Астора. — Я же тебя не лихорадкой с почесухой наградила. Все полезно и для дела. К тому же зачем мне магию зазря разбазаривать на нежить, когда у вас, господин Крон, так отлично получалось убивать гримов?

О том, что сил чаровать у меня попросту не осталось, я тактично умолчала. Пусть думают, что я поступила в исконно ведьмовских традициях: то бишь столкнула всех лбами, не растратив и капли магии, и наслаждалась зрелищем с высоты.

Именно в тот момент, когда взгляд рыжего начал метать громы и молнии в адрес одной ведьмы, мне почудились раскаты и треск. Ан нет, не показалось. Треск стал громче. Мелькнула шальная мысль: неужели Астор — стихийный маг? Но потом раздался крик Мажеты «а-а-а», и она поехала по крупу лошади вниз спиной вперед, держа в руках оторванный край плаща рыжего.

Это был тот самый неловкий момент, когда не мужчина контролирует ситуацию, а ситуация — мужчину. Рыжий рефлекторно обернулся.

Мажета оказалась прыткой девицей и успела, как крыша дома скорби, съехать. Рука Астора скользнула, и он в последний момент ухватился за лоскут, мгновением раньше отодранный от его

плаща. Не сказать, чтобы это сильно помогло: теперь с каменного коня стали съезжать двое. Зато медленнее.

— Джером, спаси меня! — дурниной проревела на все кладбище Мажета.

Увы, смуглый не проявил чуткости, деликатности, расторопности. Да и вообще всем своим видом показал, что он из тех, на кого не только полагаться, но и облакачиваться не стоит.

— Да отпусти ты эту тряпку и прыгай вниз. Тут пару локтей лететь до земли, — посоветовал пожиратель.

Я про себя хмыкнула: Джером преуменьшил расстояние раз эдак в пять. Одним словом, темный, что с такого возьмешь? У сынов Мрака ничего путного нет: ни совести, ни чести, ни, как выяснилось, глазомера. Глазомера — особенно.

— Я разобьюсь! — истошно вопила Мажета, дрыгая ногами в башмаках, которые болтались как раз на высоте, которая так щедра на вывихи и растяжения. — Джери, поймай меня!

— Ага, — резко увлеченный прорехой на штанах и деловито осматривающий ее, согласился пожиратель. — Знаю я вас. Сначала только руки подставь, чтобы поймать, а потом с шеи снимать замучаешься.

А рыжий и его ноша между тем медленно продолжали спуск. Не успела я подумать, что такими темпами к вечеру эти двое самостоятельно окажутся на земле, как Астор сдуру схватился за каменную репицу хвоста.

Спустя миг мы поняли две вещи. Во-первых, мрамор — камень очень хрупкий, из него не то что памятники делать, куличики лепить опасно. Во-вторых, из полуаристократов выходят полноценные и весьма неплохие вандалы. Астор, лежавший на снегу и сжимавший в одной руке лоскут собственного плаща, в другой — отломившийся кусок мрамора, был наглядным тому подтверждением. Рядом напоказ стенала Мажета. Хотя, как по мне, рыжему досталось больше. И пока он не успел прийти в себя, я поспешила задать вопрос, который меня мучил с самого появления этого дуэта на кладбище:

— Мажета! Как вы так быстро нас нашли?

Та, охая и потирая то место, где спина заканчивает свое благородное название, недовольно буркнула:

— Он, — кивок в сторону рыжего, — когда мы из виду вас потеряли, сказал, что наверняка вы на кладбище будете. И не ошибся.

Наши взгляды сошлись на Асторе, который отбросил свои трофеи и медленно, держась за затылок, сел на снег.

— И откуда же такая проницательность? — глядя на рыжего с недобрый прищуром, спросил Джером.

— Орать меньше надо на всю улицу, — поморщившись от боли, ответил Астор. — Сам же кричал ведьме, что нужна ее помощь на кладбище.

Джером действительно говорил не тихо. Но не орал же на всю улицу. Это какой слух у рыжего... И слышал ли? Или знал?

— Гримы — твоих рук дело? — Пожирателя сбить с намеченного курса было не так просто. Он пер напролом, прямо как инквизитор-одиночка с мечом на целый шабаш. Не сильно задумываясь о последствиях, зато пылая праведным гневом. — Заманил нас в ловушку, чтобы убить?

А я смотрела на Астора во все глаза. Сейчас он подходил на роль убийцы темных, даже слишком.

— Господа темные, а вас в ваших обвинениях не смущает тот факт, что я, вообще-то, подданный Светлой империи. А твари, нежить — по вашей части. К тому же я не маг. Совершенно.

В словах, сказанных вроде бы серьезно, мне почудилась неуловимая насмешка превосходства. Эрриан подошел к медленно поднимавшемуся рыжему. Снег скрипнул под подошвами сапог лунного. Вроде бы простой, знакомый с детства звук сейчас мне показался особенно тревожным. Будто трещали кости.

— Чтобы призвать тварей, достаточно и амулета. Впрочем, дабы пообещать демону пять капель силы, тоже необязательно, как выяснилось недавно, проваливаться во Мрак, — сухо обронил Эрриан. И добавил: — Светлый, ты готов поклясться, что не мыслишь нас убить?

Вот и прозвучал самый главный вопрос. И, увы, я как никто другой знала, что Астор не может дать на него тот ответ, который сохранил бы ему жизнь. Даже если он метил той звездой в грима, даже если он не вызывал демона... Послание из столицы четко предписывало: уничтожить темных.

Астор и Эрриан смотрели друг другу в глаза. Вызов. Молчаливый поединок, в котором мне чудилась песнь пьяной от крови стали. И... дзинь!

Судя по тому, как вскинулись все, даже Мажета, последняя слуховая галлюцинация была коллективной. Мы повернули головы на звук. Я не сразу поняла, что это было соло моего котелка. Того самого, который я напялила на голову грима. Сейчас он лежал у одной из оград. Подбежав к котлу, я увидела, что на его боку отражается морда инкуба. Злая такая морда.

Демон пытался безрезультатно освободиться от грима. Я оценила вмятины на котелке, которых изрядно прибавилось, впечатлилась абсолютно вогнутым днищем и пробитой кованой оградкой могилы и поняла, как издохла тварь. Она просто организовала сама себе летальное сотрясение, пытаясь забодать ограду с нахлобученным на глаза котлом. Сказать, что инкуб был в восторге, оказавшись между молотом и наковальней, — значит позорно промолчать. Демона настолько распирали чувства, что он просто не мог ими не поделиться. Жаль, что оные были преимущественно непечатные.

Когда же я взяла котелок и он, обложив всех и каждого из нас пресветлыми богами, пошел на второй круг, у меня появилась идея.

— Кажется, я знаю, как выяснить, Крон ли призвал демона. — Я обернулась к остальным, прижимая к груди ценного матерящегося свидетеля. — Мы устроим им очную ставку!

— С котлом? — изумился рыжий.

— Со светлым? — в свою очередь возмутился демон, от неожиданности перейдя на нормальную речь.

Такое единодушие лишь укрепило меня в вере, что я на правильном пути. Эрриан идею перекрестного допроса поддержал. Правда, по итогам очной ставки выяснилось, что Астор никак не может быть тем самым призвавшим. Демон даже поклялся, что с рыжим у того ничего общего. Причина была весьма веской: у светлого не имелось при себе тех самых пяти капель силы, что посулил за исполнение заказа маг, вызвавший инкуба из Мрака. Арр их просто не ощущал. Ни в крови рыжего, ни в амулетах, что были на Асторе. Конечно, это не исключало того, что светлый мог просто снять с себя накопитель. Но обычно маги предпочитали не расставаться с подобной ценностью. И хотя рыжий был лишен дара...

Но самое главное, на момент вызова инкуба у светлого было алиби: тот вечер он, на свою удачу, провел в гостях у господина Тортиша — главного и единственного судьи Хеллвиля. Что делал? Вел светский разговор и спаивал хозяйский фикус бренди, пока никто не видит. Почему не пил сам? Не хотел травиться убойной дозой приворотного зелья, которое так щедро плеснула в его бокал госпожа Тортиш — матушка переспелой девицы на выданье, готовая даже преступить закон, лишь бы выдать дочь замуж. Желательно повыгоднее, ну или как придется. Рассказывая о зелье, рыжий та-а-ак выразительно посмотрел на меня.

— Приворотами не торгую. — Я демонстративно скрестила руки на груди. — Я законопослушная темная ведьма. Бычий корень для мужской силы — это пожалуйста, гламурею, чтобы стать краше, — без проблем. Так что не знаю, где госпожа Тортиш достала зелье, но точно не у меня. Я подсудными делами не занимаюсь.

— Именно поэтому тебя три раза жгли на костре? — невинно уточнил Джером.

— Два с половиной, — недовольно поправила я.

— С каким ударом колокола ты ушел из дома судьи? — уточнил Эрриан.

Хоть лунный и опустил меч во время разговора, но тот все еще был обнажен. Рука Астора тоже весьма выразительно покоилась у пояса. Как раз оттуда он, помнится, доставал метательные звезды.

— С двенадцатым.

М-да... Неувязочка. В это время на мой фееричный полет и то, как я удираю от одержимого, уже глазел старик-аптекарь. Но лунный не был бы лунным, если бы не задал еще несколько вопросов. Во сколько Крон пришел? Был ли в гостях неотлучно? Кто может это подтвердить?

— Я прибыл в шесть. До того составлял документ в канцелярии. Там тоже были свидетели, которые видели меня и могут это подтвердить. Перечислить имена? — Голос Астора звучал спокойно,

уверенно, отстраненно.

У меня создалось впечатление, что рыжий уже не единожды испытал на своей шкуре, что значит допрос. Причем не только подобный сегодняшнему, когда ты почти свободен и вопросы задают, желая разобраться, а не по кругу, чтобы уличить во лжи.

— Зайти в гости к судье — твоя инициатива? — задал очередной вопрос Эрриан.

Я глянула теперь на темного. А он точно Меч Властелина? Не главный дознаватель или каратель? Уж больно правильные вопросы задает.

— Есть приглашения, от которых не стоит отказываться, если не хочешь осложнить себе жизнь. — Губы Астора исказила кривая улыбка.

Да уж, в этом плане я рыжего понимала: судья Тортиш был той еще прободной язвой. К тому же жутко злопамятный. Уязвленный отказом, он мог весьма насолить стряпчему. Для Крона, конечно, не смертельно, но неприятно.

В общем, от визита рыжего к судье больше всего пострадал фикус: полночи возлияний. Кстати, сомневаюсь, что приворотный эликсир был действенным. Наверняка его купили из-под полы на ярмарке в Тонневиле, куда судья со своим семейством ездил каждую осень. Хотя путь до городка был и неблизкий — занимал седмицу, если не больше.

Пока мы четверо были заняты допросом, одна шустрая девица — тем, как бы подобраться к «суженому». Мажету совершенно не интересовали призывы, покушения, алиби и одержимый служка. Нет. Ее задачей был Джером.

Завидная хеллвильская невеста действовала, как опытная гончая, подбираясь к жертве и отрезая ей пути отступления. Шаг. Один. Второй. Третий. Бросок, и ее челюсть... — простите — руки сомкнулись на запястье Джерома. Смуглый от такого захвата непроизвольно дернулся, махнул свободной рукой, в которой держал второй парный клинок друга и... На кладбище получилось бы на одну отрубленную дурную голову больше, если бы не Эрриан.

Я увидела, как сталь высекла искры из стали. Два лезвия крестом застыли в пяди от резко побледневшего лица Мажеты.

— Никогда. Ко мне. Не. Подкрадывайся, — отчеканил пожиратель, отводя меч.

Мажета, хотя сейчас и походила цветом на снег, а ее бескровные губы тряслись, лишь еще крепче сжала руку темного и, заикаясь, упрямо произнесла:

— Не отп-п-пушу.

— Это еще почему? — искренне удивился Джером, отводя клинок.

Эрриан тоже убрал свой меч.

— Т-ты меня нев-винности лишил. Теп-иерь мой от-тец меня убьет, если я, обещенная, домой без мужа приду.

— Какой невинности? — возмущился смуглый, словно речь шла о предательстве темного властелина, всей империи, ну и Бездны до кучи. — Я тебя всего лишь поцеловал в той таверне. Ну, в углу потискал. От этого точно женщиной не станешь!

— Откуда тебе знать, как женщиной становятся, ты же мужчина! — разъярилась уязвленная Мажета настолько, что даже румянец на щеках появился.

— Вот поэтому и знаю, — рявкнул в ответ брюнет. — Я, как мужчина, в этом процессе должен был принимать непосредственное участие.

— Не важно! — Девицу уже было не остановить. — Я все равно не отступлюсь. Ты мой суженый! Мы будем вместе! Мне так ведьма нагадала.

Если бы взглядом можно было убивать, то я была бы не просто трупом, а трупом трупа, столь выразительно на меня посмотрел Джером. Ну, спасибо, Мажета, удружила...

— А может, ты все-таки убийца? — Я с надеждой обратилась к Астору, желая перевести тему разговора. — У тебя вон, я смотрю, неплохо получается. — Я кивнула на грима, в башке которого как раз торчала метательная звезда.

— Даже не надейся, ведьма, — отчеканил Астор.

— Вот именно, даже не надейся, Магда, — в тон ему вторил Джером.

Похоже, темный имел в виду все же кое-что другое: например, чтобы я и не пыталась улизнуть от расправы за «нагаданное счастье». И я вдруг как-то отчетливо осознала, что на этом кладбище, да и не только на нем, самое спокойное место — за спиной Эрриана.

А когда я поняла, о чем только что подумала... Захотелось взвыть. Ну почему, почему именно этот темный? Что, неужели во всей Светлой империи не нашлось ни одного человека, в которого Магда Фокс могла бы влюбиться? А в том, что я именно влюбилась, сомнений уже почти не было.

Ну чем мне не глянулся... да хотя бы тот же Астор? Его вон ни сводить с ума, ни даже убивать не нужно. Я посмотрела на рыжего. Видимо, слишком выразительно. Потому как Крон непроизвольно опять потянулся к поясу, за которым были метательные звезды.

— Ведьма... — настороженно произнес он, словно я была сейчас готовым вот-вот взорваться пульсаром.

— Магда? — Эрриан обернулся и даже шагнул ко мне.

— Уже вечереет, — ляпнула первое, что пришло в голову. — И если мы разобрались с тем, что Астор не вселял демона в службу, то давайте расходиться. Мне еще, как хеллвильской ведьме, кладбище надо зачистить.

Я обреченно оглянулась вокруг. Кажется, сказала что-то не то. Во всяком случае, Джером так закашлялся, что даже согнулся пополам. Мажета растерянно выпустила его руку. И тут смуглый, распрямившись и делая шаг назад, заявил, что у него появились срочные дела. Заплатку вон на штаны поставить, носки шерстяные надеть... А затем воткнул одолженный у Эрриана меч в снег и, перемахнув через могильную ограду, припустил к выходу с кладбища. Опомнившаяся Мажета рванула следом.

Проводив парочку ироничной улыбкой, Астор повернулся к нам с Эррианом.

— Ну что же, госпожа ведьма, господин темный, — нарочито официально произнес он. — Не могу сказать, что рад был нашей встрече. Посему, если у вас ко мне больше нет вопросов, то я пойду.

Не дожидаясь ответа, рыжий развернулся и зашагал в ту же сторону, куда ранее умчались Джером и Мажета.

— Он еще не раз попытается тебя убить. — Не знаю, зачем я произнесла это вслух.

Странно, но Эрриан даже не удивился.

— Думаешь, придет уже сегодня ночью или подождет до завтра?

— Если отданный ему приказ чем-то напоминал тот, что прислали мне, особо медлить он не будет.

— А ты будешь? — На меня смотрели темные, как штормовое море, глаза Эрриана.

Он не спрашивал о вестнике и о послании. Казалось, ему нужен был ответ лишь на один вопрос, который он сейчас задал. И он искал его. Искал в моих глазах.

— Я не хочу. — Признание далось легко. Даже дышать после него стало свободнее.

ГЛАВА 9

Казалось, Эрриан сейчас наклонит голову и его теплые жесткие губы прикоснутся к моим. Да что казалось, мне этого хотелось, и я качнулась ему навстречу. Темный это заметил. Коварная улыбка на миг скользнула по его губам, и прозвучало совершенно неожиданное:

— Магда, тебе никто не говорил, что, как бы ты ни маскировалась под демона, у тебя все равно нимб торчит?

— Что? — опешила я.

— Ни одна темная ведьма не будет зачищать за собой кладбище не только от гримов. Даже от вурдалаков. Максимум, что она сделает, — закроет ворота, чтобы нечисть не разбежалась. А также в качестве большого одолжения может поднять парочку трупов, дабы тот же грим, погнавшись за двумя умертвиями, стал третьим.

М-да... Мне до истинной ведьмы как тем пресловутым зомби под слоем могильной земли: еще расти и расти. Пока я размышляла, лунный выдернул из снега оставленный Джеромом парный клинок, обтер оба меча и вложил в ножны. Мне ничего не оставалось, как взять свое «оружие» — котелок. Инкуб не показывался. То ли решил, что с него на сегодня хватит, то ли попросту задрог: морозец ближе к ночи начал крепчать.

Я еще раз посмотрела на кладбище. Если здесь и были следы призыва, то сегодня их качественно замели. Причем хвостами, лапами и подошвами. Магический фон от количества сдохших враз тварей и вовсе зашкаливал. Кажется, нам здесь и вправду делать нечего. Во всяком случае, сегодня. Хотя...

Спустя четверть удара колокола Эрриан громко постучал в двери храма. Не сказать чтобы он жаждал туда попасть. Просто одна целительница решила, что идти по пути порока, то бишь становиться ведьмой бесплатно, не стоит. Едва Панфий появился на пороге, я уведомила его, что на вверенной святому отцу прихрамовой территории происходит форменное безобразие. Оно регламентируется в классификаторе общих магических нарушений как «пренебрежение должностными обязанностями, повлекшее за собой возникновение, размножение и распространение нечисти третьего класса опасности». За сей проступок — штраф от ста пятидесяти до пятисот золотых. В особо тяжких случаях, вызвавших гибель мирного населения, — до шести лет рудников.

Пока ошалевший от такой новости Панфий беззвучно разевал рот, словно рыба, вытащенная из воды, я радостно сообщила, что ему несказанно повезло. Ведь нас с ним связывают узы, которые, как считают ведьмы, куда сильнее дружеских.

При этих словах святой отец подпрыгнул так, что его ночной колпак упал с головы. В ужасе выпучив глаза (чем довершил свое сходство с рыбой), замахал руками, будто пытался увернуться от драконьего плевка.

— Не верьте ей... — взвизгнул он, глядя мне за спину, туда, где стоял Эрриан, — она все брешет! Не было у нас никогда никаких таких связей!

— Кхе-кхе... — пришлось выразительно кашлянуть, чтобы вновь привлечь к себе внимание. — Вообще-то, я имела в виду деловые отношения. Ведь именно они, закрепленные не только улыбками, словами и рукопожатиями, но и регулярными денежными взносами, бывают самыми долговечными.

Тут святой отец облегченно выдохнул, а за моим плечом выразительно хмыкнули. Зато потом, когда я объявила, что исключительно из расположения к Панфию ликвидировала стаю гримов на погосте за символическую плату в пять... шесть... нет, семь золотых, деньги мне вручили, даже не пробуя торговаться. Да что там! Святой отец даже не возразил, что ему самому придется убирать тела тварей с погоста.

А помнится, в прошлый раз мне за убитую нежить ни медьки не заплатили. Дескать, ты же маг, прибывший по распределению, и нечисть — твоя работа.

Как только дверь закрылась и мы, спустившись со ступеней, немного отошли от храма, я сразу же отдала Эриану два золотых со словами: «Это твоя доля и Джерома».

Еще две монеты отложила для Мажеты и Астора.

— А остальные? — пряча улыбку, уточнил темный, следивший за моими манипуляциями.

— Один — мне. Один — котлу за проявленные отвагу и героизм в бодании ограды головой нежити.

— А последний? — изогнул бровь Эрриан.

— На налоги и взятки властям, — ответила я.

И попалась в ловушку.

— А вы знаете, госпожа Фокс, что сейчас перед вами представитель той самой власти — глава Хеллвила.

— Самопровозглашенный. — Я подняла указательный палец вверх.

— Не суть. Главное, что я только сейчас понял, как хочу получить взятку. Очень! — Глаза Эрриана смеялись, но выражение лица было серьезным.

Нет уж! Этот золотой, полученный честным вымогательством у храмовника, я так просто не отдам. Из принципа. Я сильнее сжала монеты в кулаке, спрятала поглубже в карман и хмуро покосилась на лунного. Тот не выдержал и расхохотался.

Что?! Да этот темный форменно издевается! Ну, погоди у меня! И пусть заклинания мне сейчас не под силу — резерв на нуле. Но я не только ими хорошо умею кидаться.

Вокруг нас неспешно падал снег. Пышный, ажурный, он медленно кружился, словно мечты, что родом из детства. Легкие, будто молочная пена, сугробы лежали по краям улицы. Отступив пару шагов и неотрывно глядя в смеющиеся глаза, я резко зачерпнула целый котелок снега и тут же высыпала его на лунного. Тот или не ожидал от ведьмы такого коварства или просто поддался на провокацию, но уклонился лишь в последний момент. В меня мгновенно полетел ответный снежок и врезался в плечо.

Ах так?!

Спустя несколько ударов сердца котелок уже лежал где-то в снегу, а главная и единственная грозная хеллвильская ведьма со смехом и криком убежала от обстрела, впрочем не забывая и сама отвечать тем же.

А потом меня поймали сильные руки и закружили. И я поняла — Эрриан все же поддался: его мальчишество было частью коварного плана по усыплению бдительности одной светлой. Темный держал меня за талию, приподняв над землей. Я впервые смотрела на него сверху вниз. На шальную улыбку... В бездонные глаза цвета зимнего моря... И мне не хотелось, чтобы этот миг заканчивался.

Он опустил меня. Бережно, словно я была величайшей драгоценностью. Наши лица оказались близко. Непозволительно близко. Его дыхание на моих губах... Руки на моем теле... И наше одно на двоих желание. Нежное и отчаянное одновременно.

Я откинула голову. Рыжие волосы разметались по плечам, и на них медленно опускались снежинки — невесомые послания небес. Они опаляли кожу холодом и сами превращались не в воду — в капли счастливых воспоминаний.

Снег кружил в медленном чарующем танце, ложился на землю, деревья, неторопливо гнул своей тяжестью ветви, клонил дугой кусты малины, что росли под окном одного из домов. Переворачивал с ног на голову мой привычный мир... Или это не снег, а Эрриан?

Его взгляд. Мои полуоткрытые губы. Сильные руки, что прижимали меня к крепкому мужскому телу.

— Магда, — обреченно выдохнул он мое имя, словно не мог больше следовать правилам игры, которую сам же и затеял.

Слились наши губы. Наши тела. Наши души. В одном упоительно долгом, нежном, грешном поцелуе. Его ладони скользили по моей спине в тягучей ласковой попытке. Жаркое дыхание у виска и мужской аромат — волнующий, острый, желанный. Его хотелось пить глотками, к нему хотелось прикасаться. Он сводил с ума и был таким родным. Как и губы, как и руки, как и весь темный...

Он не просто целовал, он ласкал нежно, осторожно, обещая и дурманя. И я ощущала, как мое тело отзывается на эти прикосновения, как истома накрывает меня волной, сладостной, тягучей, блаженной.

— Эрриан, — выдохнула я, открывая глаза, когда темный на миг оторвался от меня.

Его глаза были черны, как сама Бездна. Жилка у виска бешено пульсировала, мышцы на шее вздулись, выдавая напряжение темного.

— Магда... Если бы ты знала, чего мне стоило остановиться... — Признание, короткое, как миг, неотвратимое, как проклятие, и обезоруживающее. — Я сделаю все, чтобы быть с тобой. Даже невозможное.

— Но сколько это продлится? — вырвалось у меня. — День, седмицу?

— Всю мою жизнь.

— Темные не боятся умирать. Темные не признаются в любви. Темные... Демон тебя дерит, Эрриан. Я так не могу! — Я закусила губу. В моей душе поднималась волна отчаяния. — Тебе хорошо. Ты будешь со мной всю свою жизнь, сколько бы ее ни осталось. Но потом... Потом уйдешь. А я останусь наедине с болью потери. Второй раз. Я этого не переживу.

Эрриан окаменел. Миг назад меня держали надежные, заботливые руки, а сейчас я оказалась словно в гранит вмурованной.

— Кто он... — хрипло выдохнул темный. — Тот, кого ты...

— Не тот, — перебила я. — Та. Моя сила, которую я потеряла. И знаешь, это очень больно. Терять то, что является частью тебя.

— Ты меня не потеряешь. Обещаю. — Его ладонь легла на мою щеку, убирая... Нет, не слезы. Это просто снежинки растаяли. Точно! Именно снежинки.

— Ты моя ведьма...

Эрриан наклонился, чтобы еще раз меня поцеловать, и тут из соседнего сугроба раздалось:

— Она, может, и твоя ведьма, но я ее котел! И я задрог в этом холоде!

Я когда-нибудь хотела убить котел? Еще нет, но сейчас настал именно такой момент. Мне захотелось прикопать эту утварь с особой жестокостью, причем не в сугроб, а просто прикопать! Словно чувствуя мое «чудесное» настроение, демон заискивающе попросил:

— Магда, ну будь хорошей ведьмой, достань меня, пожа-а-алуйс... та.

— Сдается мне, что «хорошая» в смысле правильная ведьма достала бы тебя сейчас из снега только затем, чтобы утопить в проруби, — тихо проворчала я.

И уже собралась лезть за этим отмороженным на весь котелок инкубом. Вот только Эрриан меня опередил. Сначала фразой «позволь мне», а потом, собственно, и достав инкуба из сугроба. Причем вроде бы темный ничего не сказал и даже не сделал. Вот только, судя по поведению, котелку вдруг стало в снегу тепло, светло, уютно. И Арр был готов просидеть в нем целую ночь.

Но если чернокнижник решил сделать доброе дело, спорить с ним и тяжело, и опасно. А коли поспоришь, то он сделает свое доброе дело с еще большим рвением, так что тебе будет не просто плохо, а демонски плохо.

В итоге весь оставшийся путь до моего дома котелок показательно молчал в духе «да прибудет вам обоим счастье, но подальше от меня», а мы с лунным разговаривали о всякой ерунде. Словно сегодня, сейчас заново познакомились. Словно он — не темный, я — не светлая, и не лежит между нами тысячелетняя вражда двух империй, клятвы и приказы.

Я позволила себе быть слабой, быть просто Магдой, недавней выпускницей академии. Пусть завтра, с наступлением утра все вернется, но этим вечером мне не хотелось ни о чем думать. Хотелось идти и идти в снежной круговерти, держась за руки. А в Хеллвиле, как назло, даже улиц длинных не было.

Мы прошли короткий квартал Правопорядка, как величали его официально в бумагах мэрии, а хеллвилцы за глаза называли Держиморды, потом свернули в крохотный, в два дома, Молочный переулок, и затем на небольшую улочку Ловкие Пальчики. На самом деле она носила гордое имя лэриссы Олы Саркастийской. Но народную славу сыскала не благородная аристократка, а ее тезка, тоже Ола, только мошенница, воровка и аферистка. Поговаривают, что чуть больше сотни лет назад под покровом ночи в Хеллвиле кто-то замазал все вывески на этой улице краской. Дюже крепкой и добротной. Дворники замучились отчищать. На многих табличках отскребли только «Олы». Это и сыграло главную роль в том, что имя благородной лэриссы сменилось прозвищем ловкой воровки. Не знаю, так это или нет. К моему приезду все надписи были в порядке, но никто на них не обращал внимания, и все упорно называли сию улочку Ловкими Пальчиками.

Мы миновали площадь, трактир госпожи Брас, памятник эльфийскому меценату древности, возле которого темный даже остановился. И спрашивается: с чего бы? Ну подумаешь, мраморный

остроухий был немного не похож на своих сородичей, скорее уж смахивал на смещенного на днях бургомистра лэра Томонира: так же упитан, курнос и невысок. Да и о благих деяниях сего эльфа за древностью лет никто уже помнил. Даже потомки мецената были не в курсе. А вот хеллвильский глава не только знал, но и памятник изваял. Не сам, естественно. На то есть городская казна и скульпторы. И, конечно, совершенно случайно имя древнего благодетеля было уж очень созвучно с бургомистерским — Томонирэль Благодатный. И литеры «эль» почти осыпались тоже случайно, бывает же! Зато пояснение, что сей светлый муж — кладезь благодетелей, образец нравственности, поборник чести и святым до него далеко, ярко сияло золотом.

— О чем задумался? — поинтересовалась я у замершего перед монументом Эрриана.

— Пытаюсь понять, что здесь делает памятник Томонирэлю Кровавому?

— Кому? — удивилась я.

А потом выяснилось, что биография Томонирэля, записанная светлыми, совпадает с версией темных только датами рождения и смерти досточтимого эльфа. В том, что это не два разных Томонирэля, а один и тот же тип, я отчего-то не сомневалась. Со слов Эрриана выходило, что заносчивый остроухий жаждал власти и богатств, но, будучи третьим сыном в семье захудалого рода, не мог рассчитывать в родной империи ни на то, ни на другое. Зато он был хитер, талантлив и умен. В общем, типичный темный, шпионом которых он и служил в империи светлых. А затем вернулся и стал правой рукой темного владыки, правившего в ту пору. Томонирэль подавил несколько восстаний, утопив бунтарей в крови. Словом, на родине Эрриана его уважали.

— Знаешь, мне кажется, что сей монумент оказался тут потому, что у нашего бургомистра — непомерная гордыня, а скульптор и историк очень хотели денег. Оттого автор памятника закрыл глаза на нетипичную для эльфа внешность, а летописец — просто закрыл глаза и не стал читать древний свиток до конца, а сам придумал биографию для типа с вполне подходящим под заказчика именем.

Я осеклась, поймав на себе внимательный взгляд синих глаз. Лунный смотрел неотрывно на мои губы. И, сдается, думал совершенно не о памятнике. Сильные чуткие пальцы невесомо коснулись моей скулы, я сглотнула, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Внутри сладко екнуло, нахлынули воспоминания: мы вдвоем в темноте моего дома, и его руки на моем теле, его горячее дыхание у меня на шее.

— Магда... Ты напоминаешь мне Хеллвиль. Загадочная, непостижимая и немножко сумасшедшая. И что удивительно, я тоже не прочь сойти с ума. Здесь, вместе с тобой.

Я поспешно приложила свой палец к его губам, заставляя замолчать.

— Не стоит произносить такое вслух. Эйта всегда рядом.

— Ты ее боишься?

— Я ее знаю. Хорошо знаю. И именно поэтому говорю: не стоит. Помнишь, что я рассказывала тебе о сумасшествии? Ему нужно поддаться. Но не сдаться. Каждому поцелованному безумием суждено провалиться в лабиринты. Но чтобы найти из них выход — нужно знать, ради чего ты должен выбраться оттуда. И тогда ты вернешься. Только так, и никак иначе.

При этих словах грудь опалила печать. Клятва, данная рыжей. Сейчас я ее практически нарушила, пытаюсь объяснить темному, как пройти по тонкой грани сознания.

— Что с тобой? — Он подхватил меня, не дав упасть.

Последнее, что я помню, это грохот, с которым о наледь мостовой ударился котел. А потом меня накрыла тьма.

В себя я проходила медленно. Ощущения были странные. Во-первых, удобно. Слишком удобно, не так, как на тюфяке в моей скромной постели. Во-вторых, подозрительно тепло, если учесть, что окно в спальне разбито вестником. В-третьих, кажется, простыни подо мной шелковые. Еще раз провела по ткани рукой. Точно шелк! Где я? И что со мной?

Я осторожно открыла глаза и огляделась. Темнота... Можно только догадываться, чему принадлежат размытые силуэты. Слегка рассеивала мрак лишь тонкая полоска света под дверью.

В теле еще чувствовалась слабость. Но желание узнать, где я и что вообще происходит, не давало покоя. Встала с кровати и поняла: особо меня не раздевали, платье было на мне. Но больше всего я порадовалась даже не ему, а тому, что на мне остались полосатые шерстяные гольфы. Потому как ступать босиком по холодному полу не хотелось, а башмаков рядом с постелью не обнаружилось.

Подошла и взялась за ручку. Дверь отворилась бесшумно, а я едва не заорала от неожиданности. В коридоре был бургомистр. Лишь спустя пару мгновений я поняла, что это всего лишь портрет. Наш славный градоначальник на сей раз был в образе сказителя древности и что-то декламировал слушателям, а те алчуще внимали. Ну и буйная же фантазия у художника! Да лэр Томонир заикался каждый раз, когда толкал речь перед народом, отчего та норою растягивалась до потери терпения! Хеллвильцы развлекались тем, что ставки делали, доберется бургомистр до конца или рукой махнет. Если доберется, то за сколько ударов колокола. И чем закончится его выступление помимо заикания: смачным сморканием, одышкой или провалившимся помостом. Помост, к сожалению, провалился единожды (не без моей скромной помощи), и я тогда выиграла на тотализаторе целый сребр! После того случая охрана в полном составе получила по морде за разгильдяйство и потерю бдительности, несколько начальников слетели с постов. Оставшиеся преданно «рыли копытом землю» и так усилили ту самую бдительность, что к помосту теперь даже мухи подлетать боялись. А жаль — ставка на провал мэра взлетела до небес.

Еще раз оглядев портрет, я с облегчением выдохнула. Ясно, куда меня занесло. Вернее, занес один тип! Я захлопнула дверь в комнату и отправилась на поиски двух темных экспроприаторов, захвативших сей особняк. Немного поблуждав, услышала едва различимый гул голосов где-то внизу, вышла к лестнице и спустилась на первый этаж.

Дверь в гостиную была прикрыта, но звуки доносились именно из-за нее. Я остановилась у тяжелой створки, подняла руку, чтобы постучать, но до того, как костяшки ударили о мореный дуб, вдруг резко замерла, услышав голос Джерома:

— Да ты в своем уме, Эр? Зачем тебе вообще сдались эта глушь и эта выжженная ведьма? Ты сказал, что она объяснила тебе, как обойти проклятие. Ты теперь все знаешь, и я тебе всегда готов помочь. Избавимся от него. Ты вернешься в столицу.

Я так и застыла статуей с занесенной для стука рукой. Глубокий вдох. Выдох, который я усилием воли пыталась растянуть как можно дольше. В идеале — на вечность. Уже раскрытая ладонь медленно опускалась. Лишь несколько свечей в настенных канделябрах рассеивали глубокие тени коридора. Ночная тишина, покой в особняке. И бешеное пламя в моей груди.

А Джером не умолкал:

— Эр, теперь ты освобожден от личной клятвы императору. Но главное — мне не придется тебя убивать. Ну же! Нормальная жизнь, о которой ты так мечтал. Страстная красавица Инара, что заждалась тебя при дворе императора. Она надеется, что ты справишься с чернословием, вернешься и предложишь ей стать твоей женой. Подумай только! Роскошная лэрисса с сильным даром, немалым приданым. И почти верная — те несколько интрижек не в счет, — что среди темных редкость.

Послышался скрежет, звон разбившегося стекла и поспешное смуглого:

— Дай договорить! Зачем тебе нищая ведьма, у которой почти нет дара? А тот, что остался, — светлый, и...

Раздался звук короткого удара. А после него что-то сломалось — то ли мебель, то ли челюсть, то ли остатки совести пожирателя.

— Не лезь. Не в свое. Дело, — отчеканил Эрриан.

Его холодный, угрожающий голос пробирал до дрожи. Даже я, стоя за дверью, нервно сглотнула.

— Вот как? — чуть удивленно спросил Джером спустя несколько напряженных мгновений.

— Именно, — отрезал Эрриан. — Я сам разберусь. И с проклятием, и с тем, кто хочет меня убить. А ты не лезь. И не вздумай тащить за собой Магду. — Последние слова он прорычал.

— Что, настолько эта рыжая зацепила, что у тебя все-таки поехала крыша? Где тот расчетливый, хладнокровный Меч Владыки, которого я знал?

— Убьешь меня? — как-то буднично поинтересовался лунный. Неужели так быстро успел остыть?

— Ну, я вижу, что кандалы, которые запирают твою магию, пока не трещат по швам. А значит, если ты слегка и безумен, то дар контролируешь. Только учти, если твоя сила сорвется с поводка...

— Я в курсе, что, если потеряю разум и печати на браслетах начнут трещать, у тебя будет всего лишь удар колокола, чтобы меня убить, — посуровел Эрриан. — Мог бы и не напоминать.

— И что ты сейчас намерен делать? — спросил Джером.

— Выяснить, кому же я так помешал, что из Бездны выдернули демона, а в город призвали стаю гримов.

— Здесь несколько тысяч жителей. Как ты найдешь того, кто решил убить тебя раньше меня?

Мне показалось или в голосе пожирателя прозвучала ревность?

— Не беспокойся, найду. А пока я ищу, ты присмотри за Магдой. Она слаба. И да, там, у памятника мне показалось, что причина ее обморока — клятва. Уж очень это было похоже на опустошение, что бывает, когда едва не преступил зарок.

Я чуть не взвыла: ну почему из всех мужчин обеих империй мне достался самый догадливый?

Раздался шорох, потом хруст стекла под чьими-то неторопливыми шагами. Я быстро попятилась, развернулась и стрелой взлетела по лестнице. Вслед донесся скрип двери, судя по всему, кто-то из темных вышел из гостиной. Я понеслась по коридору, молясь всем светлым богам, чтобы найти ту демонову комнату, в которой мне сейчас полагалось спать, а не шастать по особняку, подслушивая чужие разговоры. К счастью, портрет бургомистра был виден издалека. Первый раз я была так рада лицезреть его физиономию. Быстро залетев в комнату, я притворила дверь и нырнула в постель. Едва успела укрыться одеялом и перевести дух, как вошел Джером.

Интересно, что ему тут потребовалось? Я притворилась, что крепко сплю, и осторожно подсматривала сквозь сомкнутые ресницы. Расхристанный вид темного был красноречивее всяких слов. Смуглый приблизился к кровати и... начал раздеваться. Натурально! Сначала стянул с себя рубашку, потом взялся за штаны.

Та-а-ак! Пора бы госпоже ведьме пробудиться. Хватит в постели изображать первую степень трупного окоченения. А то так не успеешь вовремя проснуться — и молодой мамочкой станешь. Эта мысль подействовала на меня как удар хлыста. Я мгновенно села с абсолютно прямой спиной, скрестив руки на груди и распахнув глаза. Точь-в-точь вампир, восстающий из гроба. От такой резкой смены положения стало плохо не мне одной. Джером, снимавший штаны, от неожиданности покачнулся, запутался и тоже сел. К моему удовольствию — мимо кровати, со всего размаху припечатавшись задом об пол.

— Доброе утречко. — Я развела руки в стороны, изображая потягивания и лучезарную улыбку. То, что на дворе глубокая ночь, меня ничуть не смутило. — Ой, а что ты тут делаешь?

И удивление, полное незамутненной детской наивности во взоре.

— Компрометирую и соблазняю, — в сердцах брякнул Джером.

— Зачем? — Я старательно хлопнула ресницами.

Но маска милой глупышки с трудом удерживалась на лице. Внутри бурлила ярость, словно зелье в котле: довел-таки, зараза темная, до кипения! Ну, Джером, ну, гад! Сначала Эрриана подбивал уехать в столицу, а теперь из лучших дружеских чувств и исключительно из-за заботы о лунном решил опорочить мою темную репутацию? Твою ж Бездну! Я тебе, дорогой мой пожиратель, такой свет в конце тоннеля покажу, что ты у меня — демон раздери пополам! — сам засияешь. Да не просто засветишься, нимбом обзаведешься!

Все это я успела подумать, не переставая радостно улыбаться. Слишком радостно, ибо Джером как-то настороженно на меня посмотрел. Впрочем, растерянность его длилась недолго. Пара вздохов — и передо мной стоял уже ко всему готовый темный. Правда, без штанов, зато в симпатичных панталонах, беленьких, с сердечками.

— Скорее почему, — произнес он с придыханием. — Магда, ты сводишь меня с ума. Твои волосы, глаза, губы, грудь... — вдохновенно начал перечислять этот венником недобитый соблазнитель.

Может, с наивной гимназисточкой его пылкой речи было бы и достаточно, но, увы, ему повстречалась я. Целительница, у которой, несмотря на светлый дар, было специфическое чувство юмора. Лекарское.

— Джером, мне тоже нравятся твои вторичные половые признаки: размер кошелька там, знатность рода... — промурлыкала я, подаваясь вперед и перетекая в позу, может, и не столь соблазнительную, зато свободную для броска. — И поскольку наши симпатии совпадают, предлагаю перейти прямо к телу... в смысле к делу. У меня, знаешь ли, года-то идут, время колоколом звенит, а я еще не замужем и без детей. А ведьма под венец должна идти молодой, чтобы как следует успеть мужу крови попортить!

— Ты же светлая? — ошарашенно спросил Джером.

— Зато ведьма! — С этими словами я на четвереньках ринулась вперед по кровати.

Темный резко сдал назад.

— А ну, иди сюда соблазняться! — скомандовала я, вставая на постели. — У меня и брачные браслеты с собой есть. Сейчас на тебе их застегнем... — Я откровенно блефовала, но Джером, успевший познакомиться с Мажетой, поверил. И слегка побледнел.

— Магда, слушай, в спальне что-то жарко стало... — заявил этот пожиратель в панталонах. — Может быть, я что-нибудь открою? — И по стеночке попятился к окну.

— Конечно! — Я изобразила энтузиазм. Старательно так изобразила, чтобы в глазах огонь горел. Да поярче. Чтобы его свет был виден издали, освещал самые потаенные уголки души. Особенно те, где прячется мужской инстинкт самосохранения. — Открой игристого вина!

— Я, вообще-то, имел в виду оконную раму, но раз ты просишь вина... Я лично за ним спущусь!

Джером подхватил штаны, рубашку и... оделся быстрее, чем до этого раздевался.

В принципе, такой расклад меня устраивал. Вот только был бы маленький конфуз, если бы, удирая из особняка, я столкнулась с Джеромом в холле.

— Конечно, конечно, — мило улыбнулась я. И с придыханием добавила: — Только сильно не задерживайся. Нет, пожалуй, я тебя провожу... в винный погреб.

«Где и запру». Я не договорила. Ну зачем человеку, окрыленному мыслями о размножении, портить настроение?

Я шустро спрыгнула с кровати и увязалась за недовольным Джеромом. Так, гуськом, друг за другом, мы покинули комнату, прошагали по коридору, спустились по лестнице и, миновав холл, углубились в хозяйственные помещения. Возле кухни обнаружилась небольшая дверь, ведущая в погреб. Я остановилась на пороге, отговорившись, что «мне там будет холодно!», и проследила, чтобы Джером вошел внутрь и утопал подальше от входа.

И только я начала затворять дверь... раздался выстрел. Первый залп был одиночный, затем последовало сразу несколько. И еще, и еще... Демон! Откуда стреляют?! Изнутри? Снаружи? Я распахнула дверь. Сама не помню, как перепрыгнула через порог, оказавшись в подвале, и ввинтилась в крохотную нишу между косяком и каким-то шкафом у входа. Мимо свистели осколки стекла, впиваясь острыми краями в деревянную обшивку двери, вылетали через широкую щель в коридор. Ясно. Диверсия тут, внутри. Угораздило же меня так влипнуть! Я вжалась спиной в каменную кладку и зажмурилась, чтоб не видеть этого безобразия. Стрельба стала стихать, и на смену ей пришло шипение, словно палкой ткнули в змеиный клубок. Нос уловил характерный сладковатый привкус.

Я рискнула выглянуть из-за своего укрытия и увидела Джерома. Смуглый сидел в углу, прикрывшись крышкой от бочки, как щитом. Изрядно обстрелянным щитом. То, что снарядами были пробки из бутылок, лишь усиливало впечатление. Нет, я слышала, что пенные вина при ненадлежащей закупорке иногда вот так «играют» на нервах своих владельцев, но чтобы увидеть вживую... Интересно, где градоначальник добыл столько контрафакта?

Между тем Джером, поняв, что атака пробок закончена, вышел из-за своего укрытия. То ли он надышался винных паров, то ли ошалел от радости, что все же выжил, то ли решил до конца отыграть роль пылкого любовника. В общем, смуглый повел себя по-идиот... в смысле по-геройски. Расправил плечи и произнес:

— Я же говорил, что принесу вино. И вот! — Он потряс запечатанной бутылкой над головой. — Как говорится, кто не рискует, то не пьет ша...

Ба-бах!!!

Небрежно взболтанный трофей «высказался» вразрез с озвученной точкой зрения и... Темный все же продегустировал вино. Только не совсем так, как планировал.

— Ты пьян! — Я обличающее ткнула в него перстом, искренне надеясь, что не сильно переигрываю. — О каком браке может идти речь, когда жених в таком состоянии?!

Темный тут же согласно закивал, что таки да, он абсолютно в стельку, в зюзу и на бровях от тех капель, что плеснули ему в лицо из взорвавшейся бутылки.

— А еще я ранен, — старательно заплетающимся голосом добавил Джером, дабы я точно отложила все matrimониальные планы.

Ради этого он даже продемонстрировал мне ладонь с небольшим порезом. К счастью, им все и обошлось. То ли бутылка взорвалась без огонька, то ли пожиратель подтверждал поговорку о том, что темным всегда везет.

— Но пьян больше, чем ранен. Поэтому проспись сначала, а потом уже бинтуйся и делай мне предложение! — горько воскликнула я в лучших традициях женской истерики, шагнула вон из подвала и захлопнула дверь.

Удовлетворенно улыбнулась, задвигая засов: все прошло даже лучше, чем я планировала. То, что спустя пару мгновений в дверь заколотили с той стороны с криками «Дорогая, выпусти, я, кажется, уже трезвею! Нет! Протрезвел! Уже совсем и окончательно!», — лишь укрепили меня в этой мысли.

— У тебя там целый винный склад! Если хочешь, возьми бутылку и опьяней снова! — крикнула я через плечо, удаляясь по коридору.

Краем глаза заметила, как из-за поворота выглянула пугливой мышью служанка, пискнула, увидев меня, и исчезла. Так. Кажется, в особняке и без меня найдутся те, кто откроет дверь Джерому. В том, что рано или поздно это произойдет, я не сомневалась: смуглый пройдоха сумеет обольстить даже через замочную скважину!

А вот мне стоило поторопиться. Искать, куда делся котел, было недосуг. Не то чтобы я боялась гнева темного. Нет. Меня гнало другое. Интерес. Прошлой ночью я получила послание из столицы. Причем не только я. Да и ворон из Темной империи усердно махал крыльями до особняка мэра. Любопытно, чем же таким ценен Хеллвиль, что в него, как два бульдога в рваную грелку, вцепились обе империи? Из простых жителей вряд ли кто знал ответ, иначе бы я за то время, что здесь живу, была бы в курсе. А если не простые?.. Дознатели? Храмовник? Или глава города? Но никого так просто в лоб не спросишь. Хотя, может, и не придется. Любая информация, сколь бы важной она ни была, может забыться, если не вся, то детали. А потому ее требуется...

Я стояла уже в холле в башмаках, но решительно развернулась от входной двери. Мне нужен кабинет бургомистра. Искала я его недолго, но то, что увидела, меня разочаровало. Весьма. Судя по всему, лэр Томонир делами города в домашнем кабинете себя не утруждал. Никаких папок с бумагами, отчетов, книг прихода и расхода... Зато имелась целая стопка журналов о садоводстве.

Я обыскала кабинет градоначальника, но так ничего толком и не нашла. Почти ничего.

— Хм... — Я задумчиво взвесила в руке связку ключей. В ней были и те, что отпирают массивные амбарные замки, и миниатюрные — от секретера. — Кажется, сегодня вы мне пригодитесь.

Взглянула в окно на луну, чей сери боязливо выглядывал в просвет между брюхатыми снегом тучами. И тут колокол на башне, которая стояла рядом с ратушей, пробил дважды. Буду считать это знаком судьбы.

До рассвета еще оставалось время. Что ж, нужно им воспользоваться.

Я выскользнула из бывшего дома бургомистра и побрела по дороге. Демоны раздери! Как же лукавят те, кто говорит, что легко встать на путь преступления. Врут, паразиты. На него не только встать тяжело, но идти почти невозможно. Во всяком случае, в Хеллвиле, где ноги из-за снегопада вязли в пышных сугробах, которых за ночь намело изрядно. Ох и будут же завтра ругаться горожане, махая лопатами. Но пока улицы были пустынные. И лишь одна одинокая ведьма брела сквозь метель, собираясь совершить злостное проникновение если не через окно, то через заднюю дверь. Совсем как порядочная взломщица. Но когда я, задрогшая, заснеженная, не выславшаяся, подошла к ратуше, то мне было уже плевать на воровские приличия. Я погремела ключами и просто отперла парадную дверь.

Сторож, видимо, даже предположить не мог такой наглости, чтобы преступники проникали сюда столь вопиющим для грабителей образом, как простые посетители. Посему старичок стоял на посту именно рядом с главной дверью. Ну как стоял... Дремал, посапывая в кресле в нише, что была как раз за пустовавшим в ночное время столом секретаря. Не разбудил доблестного стража ни лязг двери, ни стук моих зубов, которые от холода отплясывали джигу.

Может, он уповал на охранные заклятия и амулеты, кои для устрашения были развешаны по стенам? «Воровская кара», «Наказание лжесвидетеля», «Плата за подкуп» — гласили таблички под каждым из них. Вот только я, как маг, могла с уверенностью сказать, что среди этих побрякушек не было не только рабочих, но и вообще амулетов. Так, пугалки. Посему спокойно прошла мимо них, миновала спящего и привидением скользнула в коридор. Мне нужен был городской архив, который располагался в самой отдаленной части здания. Побродив немного между кабинетных дверей, я наконец нашла то, что искала. Вот бы и с документами было так же.

Свитки, приходские книги, папки с приказами и судебные дела громоздились на стеллажах, уходящих в темноту. Хеллвиль был невелик, поэтому все документы хранились именно здесь. У

входа стояла лампа. Зажечь ее и не тратить резерв, который только-только восполнился, было соблазнительно, но опасно. Я вздохнула и воспользовалась заклинанием ночного видения. Оно действовало не столь долго, как хотелось бы, да и выдоило меня досуха, но зелья под рукой все равно не было. Я двинулась между полок, внимательно глядя по сторонам и на ходу размышляя.

Когда в столице заинтересовались здешними землями? Ведь что-то же должно было произойти, чтобы имперцы в них так вцепились? Если бы это случилось несколько столетий назад, то на месте скромного Хеллвила давно бы стояла мощная крепость с вооруженным до зубов гарнизоном. Значит, ответ стоит искать в событиях, которым менее пары десятков лет. То, что узнали, но не успели или не захотели придать широкой огласке.

Я так задумалась, что не сразу услышала шум: шелест страниц, легкое поскрипывание. А когда услышала и настороженно замерла, все звуки прекратились. Осторожно шагнула вперед. Вроде бы аккуратно, но половица подо мной предательски пискнула. Я инстинктивно развернулась, волосы взметнулись, ударив волной по плечам, рука вскинулась в заученном до автоматизма атакующем аркане. Но вместо слов заклинания с губ слетело сомнительное благословение:

— Да чтоб ты упал под тяжестью своего счастья!

— Магда?! — изумился Эрриан.

И в следующий миг поскользнулся на ровном месте, сделал несколько шагов, пытаюсь удержать равновесие, схватился за меня, и мы вместе грохнулись на пол. Я, к счастью, оказалась снизу. Почему к счастью? Да потому что в результате фееричного исполнения благословения с полок посыпались книги, свитки, фолианты. Прямоком на Эрриана. Но, кажется, лунному было плевать. Он неотрывно смотрел на меня. А я... Я видела перед собой суровое лицо, четко очерченные скулы, линию губ, глаза, в которых тонула. И ждала. Вопросов, недовольства, но не того, что произошло.

Его пальцы медленно, словно в зыбучий песок, погрузились в мои спутанные волосы, будто он боялся, что я могу исчезнуть, как мираж, как безумное наваждение.

Жаркое дыхание Эрриана опалило мои губы. Это был не просто поцелуй. Нет. Дикий огонь. Пламя Бездны. Запретное, испепеляющее тело, обнажающее все чувства и желания, даже самые потаенные, самые грешные.

Мы оба горели, дышали друг другом, пили друг друга, забыв обо всем. Его рука коснулась моей, переплетая, казалось, не пальцы — души. Удар сердца — один на двоих. Вдох — один на двоих. Желание — одно на двоих. И безумие — тоже.

Я чувствовала на себе тяжесть его тела и то, насколько Эрриан тверд в своих намерениях. Ощущала жар, что исходил от его браслетов. Он терял контроль. Над собой, над своей силой, что бесновалась и рвалась наружу, несмотря на печати. Но ни он, ни я этого не замечали. Прикосновения. Мучительно-сладостные, манящие за грань.

Эрриан с хриплым стоном оторвался от меня. Я увидела его глаза — штормовое небо и снег. Наши чувства балансировали на грани безумства, сладкого безумства, манящего, зовущего окунуться в него, погрузиться с головой.

— Магда... — Всего одно слово на его губах. Он произнес его, словно молитву темной богине, словно проклятие.

И я потянулась навстречу. Сама. Чтобы прикоснуться, чтобы еще раз попробовать его вкус. Почувствовать, как тело пронзает дрожь. Мне хотелось продлить этот миг, в котором были только шорох ткани и стук бешено бьющихся сердец. Запах кедра и зимы... Он нравился мне непростительно сильно. Как и твердые сухие губы. Как сильные руки, в которых я теряла разум и волю.

Он — мое наваждение, мое личное безумие, мое море, в котором хочется утонуть. Его язык, что пробует мой рот на вкус, дразнит. Его прикосновения, от которых забываю, кто я и где. Надо остановиться. Надо прекратить. Потом будет лишь боль потери. Понимаю, что надо отстраниться, выскользнуть из объятий... Понимаю. И не могу. Не хочу сопротивляться. Пусть я поступаю неразумно, глупо, отвечая Эрриану. Пусть у нас нет будущего. Зато есть этот миг. Здесь, сейчас.

О, теперь я куда лучше понимала темных, которые стремятся взять от жизни как можно больше. Успеть любить, ухватиться за миг мимолетного счастья, выпить его жадными глотками, обхватить руками, прижаться, вдохнуть.

Эрриан... Сильный, уверенный, острый, холодный. Сейчас со мной он был другим... Нежным, чувственным, будоражающим кровь, покоряющим.

И мне хотелось большего, как и темному, чья рука скользнула по моему колену выше, к бедру. Там,

где держали последний бастион моей нравственности теплые штаны. Увы, для темного. Они, как истинные поборники морали, держались весьма достойно. И позиций своих сдавать не думали. Я и представить не могла, что сегодня препоны мне будет чинить даже собственная одежда!

Впрочем, додумать мысль мне не дали. Еще один поцелуй. Он был особенно обжигающим. Настолько, что пламенели не только губы, но и запястья. Особенно запястья. И если сначала жгло несильно, то с каждым мигом — все ошутимее.

Я вскрикнула и, лишь отдернув руку, словно протрезвела, очнувшись, пришла в себя и осознала: светлые боги, что я творю! Что мы творим?! Эрриан балансирует на грани безумия. Еще немного — и он шагнет в лабиринты Эйты.

Темный смотрел на меня сверху вниз. В почти черных глазах плескалась страсть, которую стремительно сменяло беспокойство:

— Магда, что случилось? — выдохнул он хрипло.

Я сглотнула.

— Твои печати... — Собственный голос казался незнакомым. — Если мы не остановимся, то ты...

Я так и не смогла сказать «сойдешь с ума». Но Эрриан понял.

Он нависал надо мной. Я чувствовала его тело. Напряженное, закаменевшее. Сильное, поджарое. Его дыхание: отрывистое, тяжелое, хриплое. Да и я чувствовала себя рыбиной, выброшенной на берег и жадно хватающей ртом раскаленный воздух.

— Впервые я хочу сойти с ума! — Признание. Короткое, как приказ. Прямое, как выстрел из арбалета.

— Но я-то этого не хочу! — вырвалось отчаянно.

Я все же вывернулась из-под него. Села, прижавшись спиной к стеллажу. Юбка задралась, волосы окончательно растрепались, лиф платья был расстегнут. А ведь на нем было не меньше трех десятков пуговиц! И когда только лунный успел?

В общем, я была истинной ведьмой не только в раздвоенных чувствах, но и в виде. Впрочем, Эрриан, оказавшийся почему-то без рубашки, в одних штанах и тоже с далекой от аккуратности шевелюрой, мало чем мне уступал. Скорее — наступал. На меня. Медленно подавшись вперед. Сейчас он больше всего напоминал снежного волка. Беловолосый, сильный. Даже его поза — опершись о пол руками и коленями, — тоже напоминала о диком звере.

— Эрриан. — Я сглотнула, собираясь с духом. — Я хочу тебя, но если это будут твои последние мгновения, то нет! Не такой ценой!

Печать клятвы, данной белке, недовольно нагрелась.

— А я думал, что в том и заключается твоя цель. Еще немного — и ты бы ее достигла. Ты почти свела меня с ума, ведьма. Настолько, что я об этом даже не жалею.

— Ты знал, — вырвалось у меня, рука, сжатая в кулак, ударила по пыльному полу, — о том, что я связана клятвой с Эйтой.

— Да. — Его взгляд, казалось, проникал в самую мою душу. Пристальный, неотрывный.

— Я пошла на сделку с ней в тот день, когда тебя увидела там, в трактире...

Признание. На удивление, оно далось мне спокойно. Я рассказала все. Ну, почти все. Зачем темному знать о причинах, по которым я так жаждала мести.

— Эйта сказала, что ты не жилец, и если не потеряешь разум, то через пару седмиц все равно умрешь. И я согласилась на сделку с ней... — Я судорожно вздохнула, пытаюсь справиться со всем сразу: мыслями, эмоциями, пуговицами. Особенно с пуговицами. — Теперь ты меня наверняка ненавидишь и презираешь. — Я вскинула голову.

Повисло молчание. Тишина почище кладбищенской давила. Медленно, но верно вытягивала из меня нервы, как рыбак невод из воды. Я чувствовала, что еще немного — и пружина, закрученная внутри меня до предела, слетит, сорвется. А Эрриан лишь смотрел на меня. А затем протянул руку. Пальцы невесомо коснулись моей щеки.

— Нет. Я тобой восхищаюсь. Ты истинная ведьма. Но, главное, доверившаяся мне ведьма. Ты могла не оттолкнуть, всего лишь позволить тебя поцеловать. Еще раз. И я бы спятил. Окончательно и

навсегда. И даже твоя клятва, данная мне, не возразила бы. Ведь я сделал бы этот шаг сам, добровольно.

До меня постепенно начал доходить смысл сказанного. И то, что Эрриан решил поставить на кон в игре с моими чувствами собственную жизнь.

— Ах ты... проверяльщик. — Я подалась вперед, закипая уже отнюдь не от страсти. — А если бы я не смогла остановиться?! А если бы ты не смог?! Гад! Сволочь! Ненавижу!

Я замахнулась, чтобы ударить его кулаком в грудь, выплеснуть весь накопившийся в душе страх. Страх за то, что могла вот так просто его потерять. И он бы позволил.

Не ударила. Меня опередили. Сгребли в объятия.

— Это лучшее признание, которое я когда-либо слышал. — Эрриан усмехнулся мне в макушку.

— Что? — Я возмущенно запрокинула голову. Зря. Губы лунного оказались слишком близко. Опасно близко.

— Темные не доверяют словам. Только поступкам.

— И когда ты узнал о том, что я поклялась Эйте свести тебя с ума? — задала я вопрос, пытаюсь хотя бы так, на словах, отстраниться. Взять небольшую передышку.

— В ту ночь, когда ты летала на метле, спасаясь от демона. Госпожа Дарящая Безумие подробно мне все рассказала.

— Зачем? — нахмурилась я, не понимая причин странного даже для Эйты поступка.

— Видимо, чтобы убить во мне всякую надежду на спасение. Ведь она наверняка поняла, что я попытаюсь надавить на тебя, чтобы узнать, как ты сумела сохранить разум.

«И ты выведал все, что мог», — подумала я вдруг, вспомнив его разговор с Джеромом в кабинете. Сейчас все произошедшее виделось мне в совершенно другом свете.

Случайности? О нет... Тщательно просчитанные ходы шахматной партии двух матерых игроков: Эрриана и Эйты. А кем в той игре была я? И кто кому поставил мат?

— Скажи, а что тебе обещала Эйта в обмен на твою помощь? — Голос Лунного дрогнул.

Вопрос, самый сложный, неприятный, самый болезненный из возможных. Я его ждала и все же надеялась, что мы ушли от опасного для меня края. Просчиталась.

ГЛАВА 10

В голове, как назло, не было ни единой мысли. Зато в душе крепло желание сбежать отсюда куда-нибудь на болота, чтобы сразиться с бешеной, злобной, кровожадной ырккой или стрыгой. И слегка отдохнуть от всех этих вопросов и интриг.

А ведь когда я распределялась в Хеллвилль, думала, что самым сложным в такой глуши будет не забыть от тоски. Какой же я была наивной! Еще не знала, что чем тише городок, тем агрессивнее в нем демоны. Подозреваю, что в какой-нибудь Барсучий Лог на три дома вообще соваться не стоит: там такие страсти могут кипеть, что столичные интриганы удавятся от зависти.

— Так что? — напомнил Эрриан.

Прицельно так напомнил, с намеком, что как бы я не увиливала, а ответа он от меня добьется. Не помогут ни обморок, ни внезапно начавшиеся роды (и плевать, что я невинная девица!). Не помогут, и все. Даже если умирать начну — это слегка огорчит лунного, но не остановит на пути к истине.

— Зачем тебе знать? — обреченно спросила я.

— О тебе я хочу знать все.

Ой зря он так сказал, ой зря. Ибо раз слушатель хочет всего, он этого «всего» и получит.

— Я не помню, как оно началось. Знаю только, что давно. Я лежала на белых простынях, — задумчиво произнесла я. У темного как-то подозрительно дернулся кадык, а лицо потемнело в лучших традициях ревнивца. Словно ничего не заметив, я продолжила: — Надо мной был потолок. Белая известка. А еще я была голодной. Жутко голодной. И заорала. Да, наверное, заорала от несправедливости мира, разлучившего меня с мамой. И ее грудью.

Я старалась говорить в меру патетично, но под конец все же не выдержала.

— Какой еще грудью? — опешил Эрриан.

— Обыкновенной, которой новорожденных кормят, — отмахнулась я.

Просил сагу длиною в жизнь, подробности оной? Так получай, ешь и не подавись.

Но, к несчастью для одной сказительницы, слушатель ей попался не только вспыльчивый, но и без чувства юмора, терпения. И вообще без тормозов! Если в Хеллвилле романтический ужин может плавно перерасти в драку, то рассказ о скромных буднях целительницы — в убийство. Во всяком случае, взгляд Эрриана мне сейчас обещал именно ее, кончину, и не факт, что быстро.

— Скажи, а как темные молятся перед смертью? — выпалила я.

— Они оскверняют свою душу проклятием, — ошарашенно ответил лунный и прищурился. — А тебе зачем?

— Так, на всякий случай интересуюсь, чтобы не промахнуться. Вдруг на небеса не попаду, так хотя бы провал во Мрак у меня вышел подходящим.

— Арх тебя подери, Магда! — в сердцах воскликнул темный. — У тебя есть талант, уникальный даже для темной ведьмы, не говоря уже о светлой целительнице. Ты вмиг способна довести даже невозбудимый скелет до жгучего желания.

Я не стала уточнять, какого именно желания, и так было понятно: убивать. Ну да. Мне еще брат, когда я голенастой девчонкой была, говорил, что эпитафией на могиле его сестры будет что-то вроде «сорвала обряд ведьме» или «нечаянно сожгла на костре дракона», в крайнем случае «отобрала у инквизитора его любимую дыбу». С тех пор много времени прошло, я выросла, а вместе со мной подрос и мой талант бесить. Кстати, именно благодаря ему я научилась не только быстро бегать, высоко прыгать, но и быть изворотливой.

Эрриан вдохнул. Выдохнул. Еще раз и еще. И в третий раз задал вопрос, доводя тем самым и меня до равно взбешенного состояния. Да я смотрю, он тоже, как и я, жутко талантливый.

— Его зовут Корнуолл. — Я прикрыла глаза, стараясь усмирить ненависть, что плескалась в моей душе. Даже спустя столько лет. Сглотнула, заставив свой голос звучать хладнокровно. Но ресниц не подняла. Так было легче. — Он сын главы департамента торговли. Отец перевел его из столицы в Вейхонскую академию на факультет боевиков, чтобы сынок поучился в провинции, пока в Йонле не уляжется шумиха после очередного скандала. Корнуолл и еще несколько адептов из высшего круга решили позабавиться и привязали дознавателя к спине дракона, который был в облике человека. А потом последнего напичкали эликсиром Бейгеля, что вызывает насильственную трансформацию.

Но дракон был еще юный, не инициированный, с подвижной метой. Ему рано было проходить оборот. В общем, из-за зелья он все же обрел крылатую ипостась, но навсегда утратил человеческий облик. А в ночь оборота еще и разум. И служака-дознаватель до утра летал на его спине, вопя на весь Йонль. А пьяные Корнуолл с дружками смеялись, считая, что шутка удалась.

Я говорила и говорила. О том, как этот мальчик из золотой молодежи, отпрыск славного рода, наследник немалого состояния и изрядная сволочь ближе к концу учебного года внезапно перевелся к нам в академию. Туда, где на последнем курсе училась я, и — что гораздо хуже, — куда поступил в том году мой младший брат Рик.

Мелкий... Хотя какой к семнадцати годам мелкий — выше меня на полголовы! Братец грезил стать славным боевым магом. Чтобы творить добро, искоренять зло и далее по списку деяний благородного рыцаря. А главное — получать за свои подвиги кошель золота, женскую любовь и уносить ноги раньше, чем ревнивые мужья-рогоносцы об этой самой любви прознают. Ну и, конечно, чтобы все это происходило не в какой-нибудь глуши, а в столице. И не важно, что в Йонле из чудовищ — только налоговики и ростовщики. Рик желал всем своим пылким мальчишеским воображением, чтоб местом его подвигов была столица. И точка. В общем, мелкий был типичным адептом. На его беду — весьма сильным, но доверчивым.

Корнуолл и взял его в оборот. Сначала приблизил, сделал мальчиком на побегушках. Рик, которого почтила вниманием факультетская звезда, столичный аристократ, был счастлив. А потом то ли шутки ради, то ли желая, чтобы Рик подчинился ему абсолютно, Корнуолл подсадил брата на «звездную пыль».

Порошок, что дарил сознанию на время дурман и негу, а после превращал мага в марионетку, которая мыслит лишь об одном: новой дозе. Новая доза... Ради нее маги готовы были отдавать все. Даже собственный резерв, ауру. Цедили капли чистой, неразбавленной силы, вместе с ними отдавая здоровье и годы своей жизни.

Я заподозрила, что с братом что-то не так, спустя месяц. Рик осунулся, постоянно шмыгал носом, ссылаясь на насморк, упорно отказываясь дать мне его вылечить. Он был то резким, раздражительным, то веселым и щедрым настолько, что как-то спустил очередную стипендию за удар колокола, оплатив в таверне обед всем посетителям. «Хотел, чтобы не только я был счастлив, но и всем вокруг было хорошо», — так он объяснил свой поступок, когда я приперла его к стенке в университете. Не погнушалась даже использовать на братце запрещенное заклинание правды, предварительно обездвигив того арканом. А потом увидела, что из носа Рика течет кровь, и все поняла.

Когда узнала, что брат добровольно отдал пять капель своей силы и теперь его уровень едва достигает двух единиц — меньше минимума для мага-боевика, — мне стало страшно. А ведь при поступлении в университет Рик был одним из сильнейших, ему прочили большое будущее.

Но чего он мне так и не сказал — кто его подсадил на «звездную пыль». Может, и признался бы, но ему мешала клятва, данная на крови. Она буквально сжигала его изнутри при попытке произнести имя.

Брат согласился отправиться в лечебницу. Оставил университет. Мы продали все, что у нашей семьи было ценного, даже дом, чтобы заплатить за исцеление Рика и год его учебы. По договору с университетом мелкий обучался бесплатно, но должен был отработать по окончании сумму, потраченную империей на него. А поскольку он теперь не мог стать боевым магом...

Спустя месяц, когда брат начал идти на поправку, я все же выяснила, кто всему виной. Богатенький урод.

К тому времени Корнуолл завел уже себе новую игрушку. На этот раз первую красавицу академии Саманту Сиззил, которая смотрела на него влюбленными глазами. А то, что она была магом с весьма неслабым даром иллюзии, — так, сущая мелочь.

Моей ошибкой стало то, что я начала искать справедливости. Когда потребовала у Корнуолла вернуть те пять капель силы, что Рик отдал ему, этот гаденыш лишь рассмеялся мне в лицо, прижал к стене заклинанием и, издеваясь, поцеловал. Меня едва не стошнило.

А затем, удовлетворенно хмыкнув, предложил одну каплю, если я согрею его постель. Магда Фокс согрела его лицо пульсаром. Как я, целительница, сумела пробить плетение боевого мага, пусть и адепта-старшекурсника, сама поражаюсь. Может, я и поджарила бы его, но в нашу схватку вмешались. Растащили. Затем Корнуолла отправили к целителям, а ректор Нольсон вызвал меня к себе на ковер. Там я рассказала все как есть и услышала:

— Девочка. Не лезь, тебя сломают, как щепку.

Именно тогда пришло понимание: Нольсон, еще нестарый магистр, севший в ректорское кресло

несколько лет назад и крепко в него вцепившийся, все знал. Знал и закрывал глаза. Почему? Может, боялся за свою семью, маленького ребенка и молодую жену? Или не хотел вылететь с должности, к которой шел пятнадцать лет. Или просто потому, что он не был сильным магом, не имел за спиной поддержки знатного рода? Нольсон... В меру карьерист и служака, не хватавший звезд с неба. Он лишь ждал, когда демон по имени Корнуолл провалит в свою столичную преисподнюю из его университета. Ждал и молчал. И советовал мне сделать то же самое. Ректору не нужны были скандалы. Но, видимо, несмотря на трусость, у него осталось и что-то человеческое. Иначе приказ о моем отчислении был бы подписан в тот же день. А так он посоветовал мне лишь не высываться.

На следующий день, проведя операцию, я получила записку. И лишилась всего.

Но это я узнала позже. Когда прогремел взрыв, единственное, что успела, — создать барьер. Его от ударной волны выгнуло дугой, меня протащило от окна до противоположной стены, впечатав в штукатурку. А там, где я только что стояла, разрастался огненный цветок. Его лепестки лизали пол, потолок. Жадно пожирала шторы, стулья, стол, вырывались из окна, стремились к двери, что была сбоку от меня. Если бы огонь прорвался в коридор... Там, в соседних палатах, лежали недавно прооперированные больные.

Я все же смогла превратить барьер в сферу, свернуть его, заточить огонь внутри. Это спасло не только меня, но и весь этаж от первородного пламени. Но чтобы удержать дикий огонь внутри, я израсходовала не только весь резерв, но и большую часть энергии ауры. Последнее, что помню, как врывается магистр Райгнорк, подхватывает здоровенную сферу, в которой неистово беснуется огонь взрыва, напирает, силясь разорвать барьер.

И теряю сознание...

В себя я пришла через несколько дней. Очнувшись и узнала о том, что выгорела. И что шансы на восстановление ничтожно малы. Когда мне это сказали, я повторно потеряла сознание, но провалилась уже не в блаженную тьму, а в лабиринты Эйгы.

Белка меня старательно по ним водила, запутывала. Целый месяц на это убила. Но я все же нашла путь обратно. Вернувшись, поняла, что все же не окончательно потеряла дар. И пусть мой потенциал отныне был даже не единица, а всего лишь ее половина... Главное, я осталась магом!

А Корнуолл за то время, что я была в лазарете, отбыл в столицу. Поговаривают, что ректор, несмотря на страх перед его родом, лично настоял на переводе.

Выпускной экзамен подкрался неожиданно, как ночной вор. Я только что вышла из лазарета и точно бы завалила его. Если бы не мой куратор. За удар колокола до начала он просто отдал мне свой накопитель, а к нему еще парочку, явно одолженных у магистров.

— Я сожалею, — тихо сказал он, — что могу помочь лишь этим.

Диплом я получила. И в нем даже значилось, что выдан он Магде Фокс, магу с восемью единицами дара. Но вот чтобы его отработать...

— Так я и оказалась в Хеллвиле, — закончила я свой рассказ.

— Хочешь, я его убью? — Это были первые слова Эрриана после того, как я замолчала. Причем он произнес их буднично и спокойно, словно речь шла о том, брать или нет еще один пучок морковки у торговки на базаре.

— Раньше бы я ответила «да», не колеблясь. Но сейчас... Когда вокруг демон знает, что творится: Хеллвиль зачем-то стал резко нужен и темным, и светлым; Эита открыла на тебя охоту; Джером не может восстановить магию, а из столицы вестник принес письмо с приказом вас уничтожить. Эр, постарайся сейчас просто выжить и не сойти с ума. Это для меня гораздо важнее. А с мстостью я справлюсь сама.

— Магда, ты невозможная ведьма. Моя...

Договорить лунный не успел, его перебили.

— А-а-апчхи, — раздалось на весь архив.

Следом донесся грохот падающего тела. Эрриан мигом оказался не только на ногах, но и ринулся на шум, бросив «жди здесь!». Я рефлекторно схватила какой-то свиток, валявшийся рядом со мной, и тоже поднялась. А потом, быстро приведя себя в относительный порядок, осторожно двинулась за темным. А то раскомандовался тут. «Сиди! Жди!» Я ему не собака, чтобы приказы выполнять. К тому же, если оставаться на месте, неприятностям будет легче тебя атаковать. А если двигаться — им, прежде чем свалить тебя с ног, придется изрядно попотеть, чтобы догнать.

Женская логика? Да пусть! Я перехватила на манер дубинки массивный свиток с тяжелыми набалдашниками на торцах увесистой планки, на которую был намотан папирус. Надпись «Подробная карта уездов Светлой империи» подразумевала, что и сам свиток совсем не короткий.

В общем, я была вооружена не только тупым тяжелым предметом, но и умными географическими знаниями. А значит, вдвойне опасна.

Но когда я вышла из-за стеллажа и увидела, кто ввалился в архив и кого Эрриан так вдохновенно трясет за грудки... Да уж. У меня такое везение, что даже если я выберу сразу и орла и решку, то монета упадет на ребро.

— Где ты так надрался? — притянув к себе смуглого и обнюхав его, нахмурился лунный.

— У меня в душе перегорело светлое чувство. Потому и перегар! Ик! — парировал Джером.

Да? А запах такой, словно смуглый наелся пьяных мышей.

— Какое, к арху, светлое? Ты, мать твою, темный... — рыкнул Эрриан.

— А вот она светлая, значит, и любовь к ней должна быть небесных оттенков.

— В смысле голубой? — столь невинно уточнила я, что даже зомби почувствовал бы фальшь, которой несло за несколько полетов стрелы. И пока этот винный пиротехник не ляпнул о том, что произошло между нами в спальне, протянула ему свиток. — Джером! Вот держи карту и иди с миром. Но в Бездну!

Если я рассчитывала, что Джером на такое заявление обидится, развернется и свалит в пургу, то я просчиталась. Ему здесь было тепло, темно и комфортно. А то, что Эрриан трясет, как грушу... Может, от заботы дружеской и участия!

— Какая, к дохлой льерне, любовь? — с подозрением спросил лунный и снова принялся.

— Эрриан, по-моему, вопрос неверный, — произнесла я тоном «отпусти этого несчастного, я сама его упокою». И пояснила: — Ты забыл уточнить, что Джером имел в виду под словом «любовь»: чувство или процесс?

— Конечно, ик! Пр-р-роцесс, — заплетающимся языком ответил смуглый. И добавил: — Проце-с-с употребления!

А затем ловким для своего состояния движением извлек из-за пазухи бутылку белого элийского вина столетней выдержки, смачно поцеловал ее и, блаженно улыбаясь, прокомментировал:

— Вот она, моя любовь! И я, между прочим, решил ею с тобой, заклятый друг, поделиться!

Я на миг онемела. Онемела, демон меня раздери. А ведь подобное со мной случилось последний раз... Да никогда не случалось ничего подобного! Ну, Джером, ну, темная сволочь! Да он форменно издевается!

Смуглый, еще не подозревая, что жить ему осталось пару мгновений, продолжал скалиться в лучших традициях темных: перед смертью ритуал игры на нервах врагов обязателен.

— Решил — значит, делись! — Эрриан выхватил у Джерома бутылку и... передал ее мне.

Я глянула на этикетку, на которой мелкими литерами под названием вина значилось «изготовлено из лучших сортов эльфийской виноградной лозы с применением светлой магии». Повернула бутылку и увидела то, о чем догадывалась: рисунок брачных браслетов.

— Кажется, Джером выпил эльфийское свадебное вино. И сейчас у него магическое опьянение, — произнесла я.

— Любопытно, где он его достал... — задумчиво протянул Эрриан.

Джером выразительно промолчал, покосившись на одну ведьму, которая бесшумно, но тоже о-очень выразительно провела ребром ладони по своей шее. Мы поняли друг друга с полуслова. Прямо как лучшие враги.

Меня же интересовало другое: как он сумел так быстро выбраться из погреба, да еще и нас найти? И если подозрение по поводу поискового амулета, настроенного на ауру лунного, у меня было, то в охмурение за четверть удара колокола я верила с трудом.

— Эрриан, думаю, о том, что случилось, мы можем поговорить и потом. А сейчас и так много времени на Джерома потратили. Скоро архив откроется.

— А что вы ищете? — выговорил Джером, пытаясь сделать трезвое, умное лицо.

— Аномалии, — выпуская наконец смуглого, ответил Эрриан.

— А... Тогда это в отдел с налоговыми отчетами. Сдается, такие аномалии с бюджетом, что последний бургомистру всегда должен, — глубокомысленно наморщил лоб Джером и погрозил кому-то пальцем.

— Кстати... А это идея, — осенило меня.

Упоминания о странностях можно сжечь вместе с газетным тиражом, запечатать клятвой рты сплетниц, но... тяжелее всего их вычеркнуть из расходных книг. Та же единовременная выплата из городской казны могильщикам за предание земле трупа бродяги, чтобы он не переродился в умертвие. Или оплата услуг ведьмака, убившего чересчур ретивую нежить, которой в Шумерлинской топи и быть-то не должно: не тот климат.

В общем, я нацелилась на финансовые отчеты. Эрриан же, не отпуская далеко от себя Джерома, решил поискать в хрониках и подшивках газет за последнюю пару десятков лет. Но не успели мы приняться за дело, как из дальнего конца архива донесся скрип.

Я насторожилась, ухватила поудобнее отвергнутый Джеромом свиток с картой. Краем глаза увидела, как Эрриан тенью метнулся в направлении шума, за ним, чуть шатаясь, но тоже беззвучно — Джером. Не отставая от темных, я поспешила навстречу неприятностям. А то ведь они, поди, заждались нас, родимые.

Вот только так вышло, что у черного входа в архив я оказалась раньше темных. Выглянула из-за стеллажа и напоролась взглядом на широкую спину. Гость начал оборачиваться, и я решила, что самое время поприветствовать его в лучших традициях боевых магов, которые сначала бьют пульсаром в нежить, а потом уже разбираются, в какую именно.

Правда, атакующий аркан сотворить у меня сил не было, зато имелся свиток. И фирменный удар господ из ночной подворотни — ровненько по темечку — получился преотличным. Да, видно, недостаточным. Тин пошатнулся, однако сознания не потерял. А вот моя импровизированная дубинка сломалась. Жаль, что она, а не психика нежданного гостя, у которого оказалась просто-таки дубовая голова.

Его молниеносный разворот и отступление. Мой прыжок вбок, и просвистевшая рядом с лицом метательная звезда. Вторая звезда, пущенная следом, уже летела напрямик в меня. Ни увернуться, ни защититься.

Наверняка она впиалась бы мне аккурат между глаз, но в какой-то пяди от меня сбоку воздух рассек кинжал, сбив звезду. Оружие с лязгом упало в темноту.

— Не двигайся и не умрешь, — раздалось в напряженной тишине.

— Крон? — ошалело спросила я, узнав голос рыжего.

— Ведьма? — В голосе Астора звучала неподдельная растерянность.

Моя рука сама по себе цапнула со стеллажа внушительный фолиант. Я, конечно, предпочла бы книги читать, а не использовать их в качестве щита. Но увы, если ситуация стала острой, а один тупой будущий труп схватился за наточенную звезду, то и мне не грех прикрыться. Хотя бы грессбухом.

Пока я, как стыдливая любовница, прижимала к себе одеял... тьфу ты, финансовые отчеты, рыжий и Эрриан мерили друг друга взглядами. Да такими, что имели все шансы протереть друг в друге дыры. Причем сквозные.

Я чувствовала, что еще миг — и они сцепятся. И из этой схватки выйдет живым только один.

— Хватит! — решительно произнесла я, поднимаясь. — Эрриан, если так хочется, убей его. — Я кивнула на рыжего. — И вернемся к делу.

Сказать, что опешили оба, значит промолчать. Зато теперь, пока противники обескуражены, можно было перейти к главному вопросу: какого демона в архиве забыл Астор? Спустя четверть удара колокола выяснилось, что такого же, какого и мы: рыжий ненавидел, когда его используют вслепую, и решил сам разобраться, что не так с Хеллвилем. То, что речь идет именно о землях, а не о темных интервентах, он понял сразу. И вот теперь нас всех, таких любопытных, свел архив.

У Астора, как у стряпчего, были ключи от двери. Только сначала он обшарил рабочий кабинет Томонира. И, судя по тому, что он отказался здесь, искомого в кабинете бывшего главы города не

нашел.

Может, мы бы и дальше играли в гляделки, но колокол на башне ударил пять раз, ознаменовав, что рассвет близко. Посему было решено: я и Джером просмотрим бухгалтерские отчеты. А Эрриан и Астор последят друг за другом. Ну и заодно взглянут на записи книг прибытия и отбытия.

Спустя три удара колокола, когда Джером был уже трезв как стеклышко и весьма об этом сожалел — работа мулом, таскавшим стопки журналов прихода и расхода, была не столь интересна, как пьянка в винном погребе!

Я, кажется, что-то нашла. Всего несколько скупых строк. В книге прихода значилась сумма три сотни золотых из имперского военного ведомства. Деньги не то чтобы большие, но выделенные на конкретную цель: проживание и питание трех десятков воинов небольшого отряда. Деньги были выделены, но... не списаны. Эта странность меня и удивила.

Я посмотрела на дату: четыре года назад, летом.

— Джером, посмотри в отделе с газетными подшивками среди уездных вестников, есть ли выпуски за сеноставень.

Смуглый принес кипу изданий в половину своего роста, но среди желтых листов не нашлось ни одного за нужный месяц. За предыдущий и последующий — пожалуйста. Это насторожило еще больше.

Наша бурная деятельность привлекла внимание рыжего и Эрриана. И мы зарылись в пыльные бумаги уже вчетвером. И выяснили! Из газетных заметок, столичных приказов и писем. Оказалось, что в тот год, в седмице пути от Хеллвила проходили военные учения, после которых один из отрядов, наполовину состоящий из боевых магов, должен был двинуться в северный имперский форт. Тракт огибал Хеллвиль и топи по широкой дуге. Но, видимо, столичные министры то ли подзабыли, то ли, издавая указ, в сумраке смотрели на карту. В общем, проложили маршрут напрямик. А вояки — люди подневольные. Куда приказали, туда и пошли. И не дошли.

Хотя про путь через топи уже домыслил Астор, едва глянул на кучерявую подпись того, кто поставил резолюцию на приказе. Мне закорюка «хер» ничего не говорила, ну кроме того, что у человека, фамилия которого начинается столь многообещающе, тяжело будет выпросить даже завалищего проклятия. А рыжий в столице вращался отнюдь не в приземленных сферах. Во всяком случае, вензель министра Герна знал претотлично, как и его топографический кретинизм. Причем последнее было не только диагнозом, но и емкой характеристикой протезе одной из фавориток императора.

— Итак... Что мы имеем? Отряд опытных воинов, который не смог добраться до Хеллвила.

— Заметь, магов, — уточнил Джером. — Боевиков, которые должны были добраться. Это не простые солдаты, прущие целой ротой по топкому болоту.

— Может, на нечисть напоролись? — предположил Астор.

— Они могли использовать заклинание левитации, — возразила я. — Даже если на них напала стая топяных хешесс, которые жрут все, даже камни. Не сражаться, а отступить, уйти.

— Если только у них была магия... — задумчиво протянул Эрриан, глядя на Джерома. — Но мне интересно другое. Почему нет никаких приказов о розыске отряда? И даже никаких официальных упоминаний!

— А может, они и были. Только приехала не инспекция, а, скажем, один дознаватель. Инкогнито, — снова предположил Астор.

— Если инкогнито, — я широко зевнула: усталость последних суток давала о себе знать, — то мы этого так и не узнаем. И того, что он нашел, тем более.

Колокол пробил восемь раз, ознаменовав, что новый рабочий день уже начался. Надо бы по идее убираться из архива. Хотя... Формально Эрриан же заявил, что он владыка здешних земель. Вот пусть, как хозяин Хеллвила, и разбирается с погромом. А я, пожалуй, пока присяду во-о-он на тот стул в углу. Всего на пару мгновений... Никогда не думала, что копаться в тайнах прошлого утомительно, а жажда сверки бухгалтерских отчетов — вообще опасна для жизни! Я покосилась на кинжал, который пригвоздил метательную звезду к стеллажу, проткнув ее, как стрела кленовый лист.

Подремлю-ка чуть-чуть. А в то время, пока мне будет хорошо и сонно, Хеллвилю — спокойно и мирно. Я опустила на стул, так и не выпустив из рук журнал прибытия четырехлетней давности, в котором были имена приезжавших в город. В сон провалилась мгновенно.

Вот только кто бы меня предупредил, что проснусь я совсем не там, где засыпала. Сначала меня укачивали на волнах. Размеренно так. Правда, на лицо то и дело налетал сквозняк. Не открывая глаз, я морщилась и, словно кошка, прятала нос в углу. Теплом таком углу, где слышался стук сердца, а над головой — размеренное дыхание. Витал знакомый запах — мороза и кедра. Именно он и заставил меня открыть глаза.

Зашевелилась, пытаюсь оглядеться, и тут же услышала усталое:

— Спи.

Но мне зажмуриваться категорически расхотелось. Ибо я наконец поняла, что происходит: лунный прет меня на руках, которые вроде и не дрожат от усилий, но напряглись. И было от чего. Магда Фокс хоть и являлась щуплой девицей, но не эфиром же невесомым! Так что наверняка я была не легче, чем мешок картошки. Хорошо еще, что темный не транспортировал меня аналогично оному: через плечо и горловин... простите, головой вниз.

— Мне расхотелось. — Я упрямо взглянула на него.

И дрыгнула ногой, отчего плащ, которым я оказалась укрыта, медленно сполз с моих плеч прямо под ноги темному. Тот споткнулся, и мы кубарем полетели бы с лестницы, по коей ведьмоносец и поднимался.

Но, к счастью, ничего подобного не произошло. Эрриан хоть на край плаща и наступил, но, качнувшись, выровнялся и лишь сквозь сцепленные зубы прошипел:

— Магда, пожалуйста, не дергайся! Я понимаю, что ведьма никогда не протянет руку, но всегда подставит ногу. Но не тогда же, когда ее несут! Поэтому давай ты побудешь немного не ведьмой, а просто светлой. Тихой, милой, покорной светлой...

Под моим скептическим взглядом в духе «откуда ты такую ересь про белых магов взял?» Эрриан осекся и закончил:

— В общем, дай мне героически тебя дотащить до кабинета мэра. Там есть удобный диван, на котором можно поспать.

— Знаешь, мне бы не хотелось быть ответственностью, которую взяли на себя, но не донесли, обронив по дороге.

Я, на миг затихшая после потери плаща, который так и остался лежать на лестнице, словно павший воин, вновь дрыгнулась.

— Я. Донесу, — упрямо отчеканил Эрриан. И добавил: — К тому же зачем разочаровывать зрителей?

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь скрипом ступенек лестницы. Я завертела головой и увидела-таки безмолвную толпу. Демон раздери! Все работники, пришедшие утром на службу, высыпали вниз, дабы лицезреть, как возносится на второй этаж тело ведьмы и в Бездну летит ее репутация!

Да меня до появления этих пришлых весь Хеллвиль боялся! А теперь образ грозной и несокрушимой темной чародейки трещит по швам. Меня, как кисейную барышню, на руках несут. И ладно бы на кладбище, чтобы прикопать! Так нет же, на диван.

Но пока я закипала, как чайник, Эрриан прошел по коридору, толкнул дверь в приемную градоначальника, и я увидела два очаровательных зеленых создания: фикус и секретаршу с перекошенным лицом.

Вернее, сначала лик девы был весьма мил и даже улыбчив. Я оценила и туго завитые кудельки, и фиалковую бархотку на шее блондинки, и васильковый муар платья, и розовую пудру, искусно наложенную на щеки, и духи с ароматом лилии, и выразительное декольте. Оно было столь глубоко, что с ним были все шансы не только грудь застудить, но и живот отморозить. Это я уже как целительница заявляю. Мы обменялись взглядами. Я широко, исключительно по-ведьмински улыбнулась. И как бы невзначай прижалась посильнее к Эрриану, словно и не думала спускаться на землю. Если темному так хочется, пусть целый день ходит укомплектованным ожерельем в виде ведьмы. Я не против.

Еще бы и шею его обвила, но руки были заняты: я держала книгу. Похоже, ту самую, с которой и уснула.

Темный хмыкнул. А я насладились чудеснейшим зрелищем, как цветущий букет ссыхается от злости в гербарий. И правильно! А то некоторые наглые девицы совсем страх потеряли. И стыд! И

вообще инстинкт самосохранения!

— Кстати, чтобы не возникло ненужных вопросов, я всем сказал, что этой ночью ты обновляла охранные заклинания в архиве, — шепнул Эрриан, заходя в кабинет мэра и укладывая меня на диван, удобный и мягкий, с подушечками, не чета моей жесткой кровати. — Джером с рыжим вышли через черный ход.

— И мы бы тоже могли...

— Извини, но нести тебя на руках через полгорода — это уже из области рыцарства. А темные им не страдают, — усмехнулся Эрриан.

Соврал! Причем нагло! Страдают, и еще как. Один так точно рыцарнутый. Тот, что сейчас склонился надо мной. Вот только уличить Эрриана я не стала.

— Спасибо. — Благодарность сорвалась с губ сама собой.

Мужчина может петь дифирамбы, клясться в великом чувстве. А может ничего не говорить, а просто беречь твой сон, что будет громче любых признаний.

— Укройся пока. — Лунный стянул с себя куртку и укутал меня. Тепло. Уютно. И так вкусно пахнет... лунным. — А я сейчас схожу за твоим упавшим плащом.

— Я выспалась... — не успела договорить, как зевнула.

— Угу, — согласился Эрриан, видя, как мои веки слипаются.

А я, вновь уплывая в грезы, поняла простую истину: диван и подушечки — те еще гады. Им человека завалить — раз плюнуть. И я сдалась, на этот раз уснув не только крепко, но и надолго.

Когда пробудилась, за окном вовсю алел закат, а в кабинете аппетитно пахло едой. Эрриан сидел за столом, склонившись над бумагами, и хмурился. Я сладко потянулась. Куртка, шурша, сползла, а за ней на пол с грохотом упал талмуд, который я, как выяснилось, так и не выпустила из рук.

— Позавтракаешь? — спросил темный, глядя на сонную и наверняка взлохмаченную меня.

Я выразительно посмотрела на заходящее солнце и согласилась:

— Поужинаю.

Мне протянули лепешку, в которую были завернуты рубленая копченая курица и квашеная капуста. И все это приправлено самым лучшим в мире соусом — голодом. Пока я жевала, успела выяснить, что весь сегодняшний день Эрриан был занят двумя вещами: разгребал накопившиеся по вине лодыря-бургомистра дела и пытался понять, чем так ценен Хеллвиль.

— У него сомнительная с военной точки зрения диспозиция. Форт тут не то чтобы не выстроишь. Скорее — зачем? Земля... Тот небольшой лоскут тверди, на котором стоит город, — еще куда ни шло. Но вокруг на десятки дней пути болота, непригодные для поселения. Магические жилы тут тоже не проходят. Я специально по карте проверял. Ценные минералы? Так они в горах, к югу, где начинается Великий хребет. И я ума не приложу, что ценного может быть в этом городке? Даже несколько писем знакомым темным магам в столицу отправил. Хотя сомневаюсь, что кому-то что-то известно, но все же... — Эрриан устало потер шею и неожиданно добавил: — Побудь со мной, Магда. Когда ты рядом, мне легче. И проклятие безумия почти не давит.

Короткое признание, но сколько в нем было всего. Захотелось подойти. Обнять. Этот вечер — на удивление спокойный, мирный, уютный — отчего-то смахивал на затишье перед бурей.

Мой взгляд упал на книгу. В Хеллвиле не так много приезжих. А что, если... Я доела лепешку, а затем решительно взяла в руки увесистый фолиант, в котором были списки прибывших в город за последние пятьдесят лет.

Искала долго, упорно и увлеченно. Месяцы после того сеноставня четыре года назад оказались очень оживленными. Я старательно выписала в столбик имена и фамилии. Дюжину. В Хеллвиле было два постоянных двора и куча мест, где можно было устроиться, если ты с виду благонадежен, а в твоём кошельке звенят монеты.

Я задумчиво склонилась над списком, кусая кончик гусиного пера, когда над плечом раздалось вкрадчиво:

— Магда, уже поздно.

А я, увлекшись, так и не заметила, как пролетело время. Пора было домой. Эрриан опять вызвался

меня проводить. С учетом того, что вчера допроважались до того, что я заперла Джерома в винном погребе. Почему-то я не уверена, что мы с Эррианом и со второй попытки дойдем до моего порога без приключений.

И ведь как в воду глядела! Так оно и вышло.

Хотя в свое время я едва сдала «Прорицание». С шестой попытки. Мне в университете не давались ни кофейная гуща, ни водная и зеркальная гладь, ни даже предсказания по внутренностям убитого комара. Кстати, их я и вытянула в билете на зачете. Помню, долго усиленно таращилась на красную кляксу, а потом, наморщив лоб и придав голосу загробных ноток, изрекла пророчество: «Стену придется мыть».

Магесса Ронха лишь покачала головой и со скрипом поставила зачет. Как я поняла, исключительно за мой актерский талант. Посетовала, что ни на чем приличном я прорицать так и не научилась и выданное мной пророчество — не результат того, что я смогла заглянуть за грань будущего, а исключительно опыт. И ровно после сих слов приказала-таки отмыть пятно со стены.

Я взяла тряпочку и начала старательно елозить ею по красному пятну, а лучше бы села в уголок и помолчала в нее. Но нет, окрыленная сданным ненавистным предметом, я проворчала в пространство, что, вообще-то, как целительница, я отлично умею гадать на анализах больных. А уж по внутренностям оперируемого могу дать очень точный прогноз как о течении болезни, так и о перспективах выздоровления пациента.

Преподавательница, уловив это краем уха, видимо, сделала мысленную пометку. А на следующий год, к вящей радости лекарского факультета и огорчению всех остальных адептов, в билетах появились вопросы по предсказанию выздоровления или смерти по крови больного. И пока боевики и бытовики с ненавистью таращились на алую каплю, целители шустро раскладывали ее на составляющие, считали соотношение кровяных телец и уверенно заявляли, что лягушке ее здоровье вполне позволяет жить, если ее, конечно, не съест цапля.

Да, подобный метод прорицанием можно было назвать условно, но зато магесса Ронха избавилась от толпы целителей, осаждающих ее с пересдачами. Увы, многим врачевателям, как и мне, не удавалось заглянуть в будущее. Но эта дисциплина входила в перечень обязательных, так что страдали все.

Сегодня вечером я превзошла саму себя, выдав, как оказалось, абсолютно сбывшийся прогноз. А ведь начиналось все вполне мирно... Я положила свою ладонь на согнутый локоть лунного, и мы мирно и чинно пошли по вечерней, заснеженной улице Хеллвиля.

Там, где осенью атели клены, цвели бархатцы и росла трава, ныне рос снег, цвел снег, белел снег. Вокруг жила зима. Ванильными облаками, хрустом под ногами, кусачим морозом и ажурной вязью узоров на стеклах, звенящим льдом, запахом пряного вина с корицей и волшебства — это все была она. И мы шли сквозь нее вместе. Эрриан держал мою руку. А казалось, что душу.

— Раньше я не любила зиму. Считала ее самым унылым и тяжелым временем года, — неожиданно призналась я. — Но только сейчас я поняла, что именно зимой может случиться столько всего. Разного. Невероятного. Ни весной, ни летом... А зимой. Случится все: и самое страшное, и самое удивительное...

«Например, ты», — я так и не решилась произнести. Но темный без слов понял.

— А я, кажется, влюбился в осень. — Он остановился на миг, заставив и меня замереть.

Провел рукой по моим огненным непокорным прядям. А я смотрела на его белоснежные волосы и думала: сколько же всего пережил Эрриан, что стал таким: суровый воин, телохранитель своего темного императора, маг с измененной метой, проклятый. Мой.

Мы остановились на площади рядом с трактиром госпожи Брас, в котором, как всегда по вечерам, было шумно. Настолько, что слышали все прохожие. Очередной крик словно выдернул меня из безвременья, в котором мы с лунным очутились. И в голове мелькнула мысль... Хозяйка трактира хоть и туговата на ухо, зато ее память — вместилище чуть ли не всех городских слухов и сплетен.

— Давай заглянем. — Я кивнула в сторону качающейся и поскрипывающей на ветру шильды. — У меня вдруг проснулась безответная любовь к еде, в простонародье именуемая голодом. Ну и еще непреодолимое желание получить ответы на вопросы.

— И какие же? — вскинул бровь Эрриан.

— О некоторых посетителях, что наверняка бывали у хозяйки трактира года четыре назад.

— Спустя столько времени? Думаешь, она вспомнит?

— Госпожа Брас хоть и человек, но в душе — истинная гномка. Она может забыть о том, за кого вышла замуж ее восьмая дочь и как зовут пятнадцатого внука, но лица тех, кто ей хоть единожды заплатил чеканную монету, помнит долго. А если попробуешь взять у нее в долг хоть медьку — твой лик и вовсе останется в ее памяти навечно.

— А если я решу не возвращать долг? — прозорливо уточнил темный.

— Тогда тебе и некромант не поможет.

— В смысле она даже мертвой придет за мной?

— В смысле упокоит тебя так, что ты гарантированно не воскреснешь.

— Сурово... — впечатлился Эрриан.

— С учетом того, что у госпожи Брас в трактире нет вышибалы и все драки она разнимает сама, — то нет. Не сурово.

Мы подошли к трактиру, из которого раздавались переливы лютни, звон кружек и звуки драки, и только открыли дверь, как из проема кто-то вылетел и ласточкой ушел в сугроб. Благо лунный успел меня отдернуть в сторону.

— Дверь придержите! — раздалось зычное из глубины трактира.

Причем голос был мне знаком: луженую глотку хозяйки ни с какой другой спутаешь. Я и лунный переглянулись: а почему бы, собственно, и нет? Мы не торопимся, можем и постоять у входа. Решение было мудрым: через удар сердца смогли лицезреть, как из трактира через распахнутую дверь резко мигрировала целая стая «птичек». Были в ней и ласточки, и дятлы, и вконец упившиеся удоны. Сугроб шевелился, матерился, стонал, выплевывал одного за другим незваных постояльцев, которые, отряхиваясь и кряхтя, расползались в разные стороны.

— Все еще хочешь зайти? — усмехнулся Эрриан.

— Конечно, — пожала плечами я. И, перехватив недоуменный взгляд лунного, пояснила: — После драки трактирщица, выпустив пар, будет гораздо словоохотливее. А если ты добавишь ей еще и монету, вспомнит гораздо больше, чем при обычной встрече.

Я переступила порог.

М-да... Такого погрома у госпожи Брас я не видела ни разу. Одно то, что в центре зала стояли плечом к плечу рыжий и Джером, уже впечатляло. Смуглый держал перед собой розочку от бутылки, у Астора в руке поблескивала очередная метательная звезда.

— К иродам подмога пришла!

— Мочи гадов!

— Навались, братва!

— Да мы их сейчас!

Грянуло со всех сторон, но перекрыл их крик хозяйки:

— Убивайте, но за порогом моего заведения.

И на фоне этих слаженных криков над ухом вкрадчиво прозвучало:

— Все еще хочешь остаться?

— И бросить этих двоих?

Не то чтобы я удивилась вопросу Эрриана. Давно известно, что темные придут другу на выручку, только если та большая и отчеканена в золоте. И потребуют минимум половину оной. И все же думала, что лунный Джерома не оставит.

— А почему нет? Джер и рыжий отлично смотрятся вместе.

Договорить он не успел. Я резво увернулась вбок от летящей в меня скамьи. Волосы взвились рыжим облаком, когда тело уже было у пола. Я обернулась и увидела, как надо мной просвистели в воздухе невысокие добротные ножки. Скамья, словно таранное бревно, пронеслась вперед и вылетела через открытую дверь, так и не встретив на своем пути препятствия: Эрриан уклонился. Зато на улице раздались вопли и рев обитателей сугроба. Я шлепнулась на карачки, шустро

поползла под столами, стараясь побыстрее забиться в какой-нибудь дальний и темный угол. На доске очередной столешницы сверху вдруг кто-то прыгнул, и не один, а в компании. Зазвенела сталь, а затем в паре ладоней перед моим лицом дерево пронзил меч. Отблеск свечей на миг отразился в желобке клинка, лизнул отточенное острие.

Во всем Хеллвиле я пока знала только одного, кто бы с такой легкостью орудовал мечами. Накануне я лицезрела, как он в капусту крошил ими головы гримов.

— Твою ж Бездну! Эрриан! Убивай там поаккуратнее! — громко выругалась я.

Клинок тут же исчез. Пожалуй, из-под стола стоит убраться. Пока мне не попытались проткнуть голову еще раз. Вылезла, чтобы тут же наткнуться на чьи-то стоптанные сапоги гренадерского размера. Мой взгляд прошел выше. Еще выше. Я запрокинула голову и увидела кузнеца Малоха. В своем пудовом кулаке он держал за ножку табуретку. А его глаза были налиты кровью.

— А вы мне дужку котла еще раз почините? — ляпнула я первое, что пришло на ум.

И пока мужик ошалело пытался что-то осознать, кувыркнулась, прокатившись по полу. Удар. Табуретка разбилась. Крошево из щепы брызнуло в стороны. Но я не любовалась. Я просчитывала уязвимые места детины. Вспомнила, как месяц назад лечила ему лодыжку.

Выбора нет: или я сломаю ее, или кузнец — меня. Себя было жалко больше. А лодыжку йотом снова вылечу. Моя стопа со всего маху вписалась в его сапог. Раздался хруст, и тут же рев от боли. А я немедля добавила еще и по коленной чашечке, отчего кузнец потерял равновесие и начал падать на меня всей своей тушей.

Кубарем перекадилась, врезавшись боком в ножку стола. Малох рухнул рядом. Его лоб звучно поцеловал половые доски, обеспечив кузнецу качественный глубокий сон. Правда, в комплекте шла здоровенная шишка, которая прямо на глазах наливалась багрянцем. И поделом. Всякий в Светлых землях знает, что раздражать ведьму — плохая примета. Собственно, у кузнеца теперь и доказательство оной налицо, в смысле на лице, есть.

Сдув непослушную прядь со лба, я решила, что лежать — хорошо, а на твердом полу — еще и для позвоночника полезно, но все же не стоит злоупотреблять. А то вот так разотдыхаешься и не заметишь, как на тебя сверху не только упадут, но и дух вышибут. Из груди. Тесаком.

К примеру, тем, которым сейчас размахивал щуплый и всегда вполне тихий и мирный аптекарь. Его кляузы в адрес ведьмы — не в счет.

Ныне же во взоре тихого и мирного полыхал костер инквизиции.

— Всех гадов порешу! Очищу город от скверны! — фанатично верещал он, направляя острие своего жуткого орудия поочередно то в сторону дуэта из Джерома и Астора, то в добропорядочных хеллвильцев, как будто не мог до конца определиться, кто, собственно, «гады», кто «скверна», а кого нужно оставить.

И какого демона его так разобрало? Он же аптекарь, а не бандит! Мог бы спокойненько перетравить ядом всю скверну и всех гадов. Нет же, стоит тут, глазами сверкает, огромным тесаком размахивает. Ручонки слабые, старческие. Того и гляди, отхватит себе пальцы, как потом будет кляузы строчить? Посоветовать, что ли? Ну нет! Что-то мне подсказывало, что он сейчас если и проникнется советом, то поблагодарит меня тесаком промеж ребер.

Я встала с четверенек. Под руку попалась бутылка, которую я машинально схватила. А когда выпрямилась, то поняла: если что-то не сделать, в ближайший удар колокола в Хеллвиле опять сменится власть. Потому как на место нынешнего главы метил косматый мужик разбойного вида с выбитым передним зубом. Вернее, пока он целился ножом в спину Эрриана.

Я не стала дожидаться переворота. Короткий замах — и бутылка первача на миг опередила бросок заросшего по самые брови «кандидата в мэры».

Когда Эрриан обернулся, несостоявшийся убийца под звон разбитого стекла уже оседал на пол. Взгляд лунного выцепил меня из толпы.

— Магда! — Его предостерегающий крик заставил меня обернуться и резко уклониться от дрына. Высокий тощий парень, не иначе возомнивший себя великим инквизитором, вновь поднял орясину с явным намерением проломить мне череп и заорал:

— Ведьма!

— Я за нее, — тут же отозвалась, вспрыгнув на лавку, а затем на стол.

Резво пробежалась по столешнице. Подпрыгнула, и под ногами просвистел дрын, метя по моим коленям. Я подхватила юбки, чтобы было сподручнее, и помчалась, перепрыгивая со стола на стол.

А потом — и на барную стойку, где поскользнулась, упав на бедро, проехала на манер кружки с пивом по столешнице и рухнула за стойку. Оказавшись в относительной безопасности, я выдохнула и... вдруг поняла, что меня так насторожило: налитые кровью глаза. Ну не бывает таких глаз у тех, кто просто решил поразмяться и начистить супостату забрало. Над головой что-то звонко грохнуло. Я высунулась на миг и, увидев растекшуюся на столешнице лужу из разбитой бутылки, мазнула по ней пальцами. Юркнула в укрытие и приплюхалась.

Тонкие нотки сероводорода. Не иначе как госпожа Брас решила гнать свой первач в самой Бездне? Насколько мне известно, именно там запах тухлых яиц является не то чтобы дополнительным ароматом, а чуть ли не основной составляющей воздуха.

Если же трактирщица рецептуру не меняла, то темным, ну и мне, как темной ведьме, заодно с ними пришел трындец. Потому как с толпой тех, кого опоили проклятием, которое смешалось с вином, даже взвод драконов не факт что справится. А если учесть, что магии сейчас ни у кого из нас нет... Одурманенные возьмут числом и напором. Сметут.

Кто-то очень хочет уничтожить темных. Сначала демон из Бездны, потом гримы на кладбище, теперь вот толпа, которая с каждым мигом становится все безумнее. Проклятие питается кровью и злостью, растет. Что будет, когда глаза людей полностью застит кровавая пелена? Ответ один — смерть. Не важно чья: пришлых ли или хеллвильцев. Хель пожнет свою кровавую дань.

Я обреченно выдохнула. Как хорошо, что я уже отчасти сумасшедшая. А то от своих идей точно бы сдвинулась. Набрал в легкие побольше воздуха, вкладывая последние крохи силы, позвала:

— Эйта... Приди...

Рука потянулась к осколку и рассекла ладонь. Сила смешалась с кровью, за клубилась туманом...

— И? — спросила белка, в упор уставившись на меня.

— Эрриана сейчас убьют. — Я пошла с козырей, выложив самый весомый довод.

— Тю! Это скорее все вокруг него убьются, — авторитетно заявила Эйта и повела носом. — О-о-о, чую, безуминкой запахло... — И в предвкушении потерла лапы.

— Ты сможешь это остановить?

— Зачем? — искренне удивилась белка.

— Затем, что он покрошит их в капусту раньше, чем они сойдут с ума.

— Хм... аргумент, — призадумалась рыжая, а потом проворно вскочила на мое плечо, оттуда, как с трамплина, сиганула на стойку и уже там, расставив в стороны задние лапы и вздыбив хвост, громко, так, чтобы перекрыть все звуки, залихватски свистнула.

Хорошо, что я под стойкой была, а то бы точно контузило. Бутылки и те не выдержали: половина полопалась.

Эйта, довольная произведенным эффектом, хмыкнула. И в наступившей тишине кто-то очумело протянул:

— Мужики, смотрите, белочка...

— Да. Белочка, — фыркнула рыжая. — И я к вам пришла!

Осторожно поднимаясь из-за стойки, я подумала, что сегодняшний вечер был сказочным. Причем настолько сказочным, что ни словом сказать, ни пером описать. Разве что магом. Можно. Наверное. Более-менее...

Пока клиенты трактира обалдело моргали в гробовой тишине, кто-то потихонечку попытался улизнуть, причем даже не через дверь, а в выбитое окно. Но именно попытался. Грозный окрик Дарящей Безумие пришил к месту шустрого малого к месту почище, чем гвозди — крышку к гробу.

— Стоять! Бояться! — рявкнула Эйта.

Дезертир так и застыл на месте с выпяченным задом и согнутой спиной, онемев от страха.

А затем белочка, встопорщив усы, генералом прошлась по барной стойке. Эффектно развернувшись у самого ее края, махнула пушистым хвостом, который скользнул по носу одного осоловевшего

забулдыги, решившего вдруг вздремнуть и проспять все веселье.

Тот сонно, не открывая глаз, пробормотал:

— Тащи еще вина, хозяйка. — И зычно захрапел.

М-да... Эти звуки и стали своеобразным реквиемом по светлой и трезвой памяти у многих. Эйта с места сиганула сначала на голову одного, потом другого. Словно с ветки на ветку она перепрыгивала с макушки на макушку. Причем не всех, а по одной ей понятной логике.

Взмах лапой, удар по уху очередного «клиента», и в рыжих лапах дымка, которую Эйта проворно сжимала до мелкого ореха, а потом, как бурундук, прятала за щеку.

На сие действие ошалело взирали все. Даже я, выдавшая в лабиринтах и не такое. Нет. Те, у кого сегодня белочка отбирала часть разума, не сойдут с ума полностью, но... альтернативно одаренных в Хеллвиле с сегодняшней ночи будет явно больше.

Что там говорил Эрриан по приезде сюда? «Сумасшедший городок»? Вот раньше это было огульное заявление. А теперь оно отчасти правдиво. Хеллвиль стал с чудинкой.

Между тем первый шок прошел, и кто-то из тех, у кого инстинкт самосохранения был еще не до конца отбит в драке, с криком «Не-э-эт!» ломанулся к двери. Это стало сигналом к тому, чтобы и остальные, очухавшись, ринулись следом.

У дверей вышла небольшая давка. Ну как небольшая... давились и правда недолго. Зато продуктивно — из трактира вынесли не только дверь. Но и косяк.

— Эй, я ефе не законфила! — с полным ртом возмутилась белка, узрев массовую миграцию леммингов-переростков.

— А мы — да! — пробасил какой-то здоровяк, резво сверкая пятками.

За пару ударов сердца трактир опустел. Остались мы, хозяйка, которая тоже предпочла бы смыться, но жаль было нажитого добра, недовольная Эйта и тот самый пьяница, что прикорнул на барной стойке. Именно он, когда в трактире повисла звенящая тишина, оторвал голову от сложенных рук и, заспанно таращась вокруг, спросил:

— А что, уже все? Ик! — Потом его взгляд сфокусировался на белочке, что сидела на одном из столов.

По лицу помятого мужика скользнула тень узнавания, его губы растянулись в улыбке, и он, радостно растягивая слова, произнес:

— А-а-а, привет! Вот и сно-ва у-ви-де-лись, ры-жу-ля. Иди, я те-бя по-це-лую... — И мужик рухнул на столешницу. Звук вышел громкий и гулкий. А потом он захрапел. Опять.

— Да фоб ты сдох, пропойца несчастный! — в сердцах воскликнула Эйта и, забывшись, сплюнула.

Из ее рта тут же вылетел маленький орешек, она поспешила его поймать и вернуть обратно за щеку.

— Я смотрю, тут у тебя постоянный клиент есть... — усмехнулся Эрриан.

— Нет, не пофтоянный, а некондифыонный, — фыркнула рыжая. И, уперев руки в бока, требовательно уточнила: — А ты-то фам когда обезумиф? А?

— А если никогда? — прищурился лунный.

— Я терфелифая, — прошепелявила белка, склонив голову набок. — А вот Хель — нет.

И белка начала таять в воздухе. Видимо, решила совместить эффектный уход, оставив за собой последнее слово, ну и заодно освободиться от награбл... добычи. А то вести диспут, когда за щеками напихано много ценного, не очень-то удобно.

При упоминании о госпоже Смерти я рефлексивно вскинулась. Извечный бой целители вели именно с ней. Даже на темных мы, лекари, по идее светлые маги, не так остро реагировали, как на эту костлявую. Может, потому что в Вейхонской академии магии сталкивались с ней чаще, чем с выходцами Темной империи.

О сынах Мрака, их кровавых ритуалах мы знали в основном из учебников истории, а с Хель виделись лично: в стенах лекарского корпуса, на операциях. И для целителей именно она, бесплотная, была гораздо осязаемой, чем соседи по ту сторону Серебряного хребта. И для меня до прихода Эрриана

все было точно так же. Но ключевое слово здесь «было».

А теперь... Все запуталось, завязалось в такой тугий узел, что не знаешь, с какого конца взяться. Хотя... Вон прямо передо мной есть одна ниточка. Стоит, растерянно смотрит на погром в своем трактире и устало вздыхает.

Пока я размышляла о будущем, Эрриана интересовало прошлое. Недалекое такое, случившееся всего пару ударов колокола назад.

— Ну и с чего все началось? — спросил он у Джерома, вытиравшего со лба пот напополам с кровью.

Вот только ответил за него Астор. Светлый только сейчас сделал шаг вперед, отчего между ним и пожирателем душ появилось хоть какое-то расстояние. До этого они так и стояли: спина к спине. И дрались, и приход белочки встретили вместе. Прямо лучшие друзья, не иначе.

— С того, что один из посетителей, отхлебнув вина, заявил, что уроет нас.

— Вот так сидел, пил и решил вас убить? — не поверил Эрриан. — Как вы вообще вместе здесь оказались?

Я поежилась. Совсе не от слов, а от холода, которым так и тянуло от входа. Эрриан, увидев это, подошел к порогу и, подняв выбитую дверь, аккуратно приставил ее на место.

Из рассказа светло-темной парочки выходило, что, как только они покинули архив, у них случилась мужская задушевная беседа, в простонародье именуемая мордобоем. Джером высказал свои небеспочвенные подозрения рыжему. Тот оскалился в ответ, что если бы решил убить темного, то тот был бы уже мертв. Темный усомнился и заявил, что это вопрос, кто кого еще отправит за грань. И поскольку других аргументов в диспуте, кроме «я тебя круче», не было, в ход за неимением магии у одного и временной потери дара у другого пошли кулаки.

Спор вышел жарким, в нем одерживала верх, усаживаясь на грудь противника и беря его крепкими доводами за горло, то одна, то другая сторона. И когда оба оппонента выдохлись, то им захотелось хлебнуть водички, промочить горло. Ну, чтобы и дальше беспрепятственно высказывать свою точку зрения. Снег — та же живительная влага — отчего-то ни рыжего, ни Джерома не устроил. А вот эльфийское вино, недопитую бутылку которого захватил с собой из архива смуглый, — вполне.

Эти двое, сидя в сугробе, вываленные в снегу с ног до головы, распили «свадебное игристое». Я поперхнулась смешком и закашлялась, не зная, говорить им или нет, что по традиции остроухих они теперь помолвлены и вскоре должны перейти к совместному ведению хозяйства и плановым супружеским ссорам по выходным.

Судя по тому, как на меня синхронно обернулись все, что-то из этого я произнесла вслух.

— Чего-о-о? — завопил этот слаженный дуэт, только укрепив меня в мысли, что муж и жена — икра одного сома.

— Ну... В этом есть и плюсы. — Я развела руки в стороны.

— Какие, мать твою льерна, плюсы? — так возмутился смуглый, словно я только что лично сорвала все его планы на холостую прекрасную жизнь.

— Ну, теперь ты можешь честно сказать Мажете, что у вас ничего не получится. Ты уже замужем. То есть женат, — тут же поправились я под разъяренным взглядом пожирателя.

Сейчас, глядя на Джерома, я не знала, сможет он выпить мою душу или нет, когда вернется его сила, но вот в том, что сожрет меня запросто без соли и перца — в том я ни капли не сомневалась. И даже могла сказать, кто ему будет охотно помогать. И нет, это не Эрриан.

И в сей драматический для меня момент лунный захохотал. От души.

— Да, Джер, это даже круче, чем тот случай, когда ты поспорил с некромантом, что рукописи не горят даже в драконьем пламени.

— И кто оказался прав? — Мне стало любопытно.

А вот пожиратель неожиданно смутился.

— Демон, — сдал Джерома с потрохами Эрриан.

— Какой демон? — не поняла я.

— Которого эти двое невольно вызвали, когда на спор сожгли книгу. По демонологии. Ну и... —

Эрриан оборвал рассказ на самом интересном месте, нагнав интриги и заставив нас лишь догадываться о развязке. Но судя по тому, что Джером все еще жив... Спор выиграл он. А вот то, как при этом пожиратель замялся, говорит о том, что та победа была с серным душком.

Кстати, о сере...

— Госпожа Брас, скажите, кто у вас проклял всю выпивку? — обратилась я к хозяйке трактира, которая смотрела на нас с выражением «и выгнать бы их взашей, да кто тогда платить за погром будет?».

Не была бы темной ведьмой, точно бы почувствовала себя монетой в руках расчетливого ростовщика. А так... Ну, подумаешь, смотрит. От косых взглядов еще ни одна ведьма на свете не умерла, зато скольких сама положила... кого в гроб, кого в постель.

— Как проклял? — с негодованием пробасила она, округлив глаза.

Эрриан без слов подошел к ближайшей бордовой луже, присел и мазнул по ней пальцами. А потом поднес их к лицу и принялся. И даже лизнул, прикрыв глаза, будто вслушиваясь в себя и свои ощущения.

— Мм... проклятие неукротимой ярости и истинного гнева. Причем сильное, но наложенное грубо и впопыхах. Маг не слишком умелый, — вынес свой вердикт Эрриан, поднимаясь на ноги.

— Это что же... Мое вино... Да как же... — Госпожа Брас впервые на моей памяти растерялась.

— Да, ваше вино. И да, вы им напоили жителей моего города. — Эрриан сложил руки на груди.

Вот только сколько темный ни пытал хозяйку трактира, так ничего и не добился. Да и наложить чернословие мог любой из тех, кто сегодня находился в зале. Или просто побыл и ушел до того, как все началось.

Уже почти наступило утро, когда лунный все же решил закончить с расспросами. А вот я...

— Госпожа Брас, теперь я хочу у вас кое о чем спросить.

— Ведьма, твой сивый из меня уже всю душу вытряс, — буркнула она и, развернувшись, уверенно пошла на кухню.

Впрочем, вернулась быстро. И с двумя мисками в руках. Несло из обеих посудин знатно. Она бухнула на стол передо мной сначала одну, потом вторую плоскую, и я узнала тертый хрен с редькой в одной, и хрен с медом — в другой.

— Что это? — непонимающе нахмурился Астор.

— Я думаю, что это означает: какого хрена нам еще от нее надо, — усмехнулась я над демаршем напрочь потерявшей страх госпожи Брас. Похоже, ей и Мрак теперь по колено.

А затем я уверенно ткнула пальцем в миску с медом.

— Вот этого. Четырехгодичной выдержки. — И на подозрительный взгляд трактирщицы пояснила: — Меня интересует приезжий, что столовался у вас четыре года назад. На исходе лета.

— Да ты издеваешься, ведьма! Я не упомню, сколько времени прошло-то!

— Если кто и вспомнит, то только вы.

ГЛАВА 11

Я сделала ударение на слове «только». А потом уже сухо и по-деловому обрисовала, что меня интересует мужчина средних лет, мало чем примечательный. Нет, конечно, в серые тени брали не только мужчин, но наверняка и миловидных, и не очень миловидных, лэрисс. Ведь главное достоинство шпиона не лицо, а то, какие сведения своей внешностью (а еще умом и ловкостью) тень может добыть. Вот только сомневаюсь, что в дикую глушь, туда, где царит право сильнейшего, отправили девицу. Одинокая путница, по мнению некоторых, одним своим появлением на тракте напрашивается на то, чтобы ее перекинули через плечо и отволокли в кусты, дабы отлюбить. На ведьм это правило не распространялось. Ибо в Светлых землях всякий знает: не трогай темного, если тебе дороги жизнь, душа, кошелек и прострел в поясице. Дети Мрака могут с радостью освободить тебя от первого, второго и третьего, а бонусом — вылечить четвертое. Правда, с помощью гроба...

Именно потому меня и не трогали. Достаточно было лишь холодно взглянуть, и самые мнительные, боящиеся простудиться и замерзнуть от такого низкотемпературного взора, убирались с моего пути сами. А инквизиторов, которые работают задорно и с огоньком, поблизости не водилось.

Но шпионка, рискни она появиться в Хеллвиле с моим размахом, привлекла бы всеобщее внимание, которое ей как раз противопоказано. Так что вывод напрашивался сам собой. Ищем мужчину. Причем не слишком старого: чтобы мог мотаться по Шумерлинской топи и удирать от нежити. И не слишком молодого и неопытного.

Я достала список приезжих, и мы с госпожой Брас начали старательно вспоминать. Правда, она припомнила мало кого: купца с сыном, сказителя, трех наемников, паломника со святым отцом, одного ведьмака, семью искателей болотных алмазов, писаря и странствующего мага.

— Болотных алмазов? — удивился Джером.

— По одной из баллад Светлоземья, в топиях живут девы-болотницы, что плачут алмазами, — пояснила я. И ради справедливости добавила: — Бред, конечно. Не знаю уж, почему ластоногих нурхи — малую нежить, которая похожа на волосатые бревна с хвостами, в легендах воспели как пугливых прелестниц. Похоже, первый менестрель женщин лет сто до этого не видел, раз принял нежить за красавицу.

— Ты говорила о драгоценностях, — перебив, напомнил Джером.

Я смерила наглеца взглядом. Смуглый тут же поднял ладони в типично мужском жесте «сдаюсь, каюсь, был не прав, хотя и не понял, в чем именно», а я продолжила:

— Так вот, об алмазах. На самом деле это пот. Он столь ядреный, что, испаряясь, превращается в кристаллы соли. Их-то некоторые охотники за алмазами и считают драгоценными.

Мой взгляд случайно скользнул по вытянувшемуся лицу госпожи Брас, и я поняла: только что я стала убийцей, своими словами укукошив веру трактирщицы в сказку.

— Так у них не было шансов разбогатеть? — глухо спросила хозяйка.

— Ни единого, — подтвердила я.

— А я помню, как тогда с их приездом Хеллвиль чуть ли не лихорадка охватила. Многие подорвались на болота, захотели болотницу поймать. Даже пришлый маг, и тот ударился в поиски, — тоном «нака-сь выкуси, ведьма» добавила хозяйка.

Дескать, ты, темная, все придумала про пот. Но мы, простые люди, точно знаем, что есть в топиях дева, плачущая алмазами. Главное, ее поймать и как следует за косицу дернуть. Аль лука под нос подсунуть, чтоб рыдала взахлеб. Вон белый пришлый маг точно знал, иначе не пошел бы на болота.

Она все говорила и говорила. А мы с Эррианом переглянулись. Не знаю точно, о чем думал темный, но сдаётся мне, наши мысли были не так далеки друг от друга. Да и в глазах Джерома застыл немой вопрос: а случайно ли в Хеллвиль приехала та семейка? Не была ли их алмазная охота отвлекающим маневром, чтобы один маг преспокойно шнырял по тоням?

Даже Астор, ни разу не маг, и тот задумчиво потирал подбородок. А трактирщица между тем все говорила. Слова били из нее, как хлещет из дыры, пробитой в бочке, вино.

— Ох, и намучилась я пол вытирать тогда. У всех сапоги были в тине, грязи да глине.

Глине? Глине... Мысль-вертихвостка настойчиво крутилась в голове, ускользала, не давая за себя уцепиться.

— А может, еще чего, кроме грязного пола, помнишь? — Эрриан ударил ладонями об стол, перегнувшись через него и нависнув над сидевшей на табурете госпожой Брас.

Браслеты на его запястьях лязгнули. Трактирщица съежилась, ее плечи приподнялись, а голова, как у болотной черепахи, наоборот, ушла вниз.

Но это я отметила лишь краем сознания. Гарлий... Вот оно!

Гарлий — металл жутко редкий, ценный и дорогой, который впитывает чары, как губка. Пожиратель, сильный маг, что не может никак восстановить резерв. В окрестностях нет ни одного мага. Наглая шумерлинская нежить, которая, как и всякая нежить, предпочитает места с минимальной концентрацией силы. А что, если... Лекции по геологии я не то чтобы сильно любила. Все же это не тот предмет, который жизненно необходим целителю, но...

Всего я не помнила, нужно было кое-что уточнить.

— Мне срочно нужно глянуть в конспект одной из лекций.

— Чего? — оторопело вытаращился смуглый.

Думаю, скажи я, что отлучусь, потому как слегка рожая, он бы и то не так удивился. Ведь бывают у трепетных дев подобные конфузы после насыщенной ночи. Впрочем, месяцев через девять. Да кто нас, светлых целительниц, знает. Но чтобы наутро после разудалого веселья даму резко тянуло к знаниям в библиотеку или же к старым свиткам с академическими записями...

Я подорвалась с места и арбалетным болтом устремила к выходу.

— Эй, а ты куда? — возмущенно крикнул пожиратель у меня за спиной.

— Мне тоже нужно почитать тот конспект, — услышала я приближающийся голос Эрриана.

— Вы там только сильно не зачитывайтесь! — Насмешливое напутствие Джерома догнало уже на крыльце.

Снег скрипел под подошвами, врезаясь в кристальную тишину раннего утра, когда приличные горожане еще нежатся под теплыми одеялами на пуховых перинах, досматривая сны. И не сильно приличные горожане тоже особо на улицу носа не кажут. Ибо не следует без важной причины студить ту часть тела, которую с большим удовольствием можно сунуть в чужие дела.

— Магда, ты что-то поняла? — все же не выдержал Эрриан, молчаливо шедший рядом.

Облачко пара, вырвавшееся при этом из его рта, рассеялось пугливой дымкой, подтверждая, что, пока мы были в трактире, мороз заматерел и сковал льдом не только болота окрест, но и мои мысли.

Я остановилась. Выдохнула, задрав голову и уставившись в вечное звездное небо, словно ища в нем подтверждения моей догадке. Сияющие огни, которые боги когда-то щедрой рукой высыпали на бархат ночи. Если просто посмотреть, то кажется, что в них нет никакого порядка. Но если приглядеться... Сейчас мои мысли — словно звезды, которые начали складываться в созвездия, приобретать свою логику и четкие линии.

— Магда? — напряженно спросил Эрриан.

Я прикрыла глаза, глубоко вздохнула и задала вопрос, который лунный от меня вряд ли ожидал услышать:

— Почему ты оказался именно здесь?

Я говорила спокойно, так, чтобы не потревожить чуткое дыхание ночи, ее очарование. И кончики пальцев уже были ледяные, и холод забрался под плащ, но мне хотелось вот так стоять. Просто стоять в безвременье. Наслаждаться этим мигом и тем, с кем я этот миг делила.

Он не ответил. Просто осторожно взял меня за плечи. А когда я опустила запрокинутую голову, то увидела перед собой лицо лунного. Внимательный взгляд, в котором отражались звезды. А еще — тревога. За одну сумасшедшую ведьму.

— Итак. Почему?

— Это был подарок императора, — не понимая, к чему я клоню, ответил Эрриан. — И приказ. Я не мог не принять. И послушаться тоже не мог. К тому же это тихое место. И если я сорвусь, если браслеты не выдержат, а Джером не успеет меня убить, в чем я сильно сомневаюсь, то разрушения будут не столь велики.

— А зачем именно сюда? Неужели во всей Темной империи только Шумерлинская топь столь малолюдна, что если бы ты сошел с ума, то убил бы лишь тех, кого не сильно жалко?

— Есть другие места, — нахмурился лунный. — Кровавый остров, например. Рядом с уделом Найрисов — Пижанские леса. Там тоже дикий край, где водятся вурдалаки. Да, ты права. Хотя в Темных землях после великого прорыва народу и стало больше, но мест, чтобы издохнуть в одиночестве сумасшедшему магу, достаточно.

Он чуть склонил голову и задумчиво добавил:

— Считаешь, что я тут оказался не просто так?

— Считаю, что твой бывший работодатель тот еще прохвост, который даже из твоей смерти решил извлечь выгоду. Если ты присоединишь топи и Хеллвилль к Темным землям не только номинально, как было до этого, но и реально, — твой император в плюсе. Твоя магия рванет — опять же не разнесешь все вокруг. В общем, как ни поверни, твое начальство далеко не в минусе. Так что требуй с него компенсацию за моральный ущерб!

— Магда, темные имеют весьма смутные представления о морали в принципе... — усмехнулся Эрриан.

— То есть то, что тебя используют как стража, который удержит власть в приграничных землях, а если и умрет, то не жалко, — тебя не смущает?

— Нет. Это меня бесит, — сказал Эрриан тоном человека, высчитывающего, сколько же в золоте весит его раздражение. — Кстати, а почему я не разнесу ничего, если браслеты не выдержат?

— Потому что у меня есть подозрение, что местные болота таят в себе не только неисчислимые запасы нежити, но и руду гарлия. — И пока Эрриан не успел возразить, я запальчиво затараторила: — Сам посуди: тут магия не накапливается. Во всяком случае, в больших количествах. Это у меня резерв почти нулевой. С ним не поработаешь, но зато ему достаточно крох, чтобы наполниться. Гарлий же поглощает магию. Именно по этой причине его залежи не обнаружить никакими амулетами. А пласт руды под Шумерлинской топью — это огромная такая пористая губка, что впитывает разлитый в воздухе естественный магический фон, который тут понижен. И это уже — причина обилия нежити. Именно по этой причине отряд боевых магов, проходя здесь, не смог восстановить резерв и сгинул в топи. И как следствие — появился кто-то из теней.

— Тот самый маг, что возжелал слез болотницы... — скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Эрриан.

— Вот только я хотела уточнить в записях, встречается ли гарлий в болотистой местности. А то все известные его месторождения рядом с пиками Трезубца Смерти.

— Ты точно целитель? — нахмурился Эрриан, словно заподозрил во мне некроманта.

Нет, конечно, и тот и другой имеют общие черты. Например, возвращают с того света, и нас даже можно перепутать.

— Почему спрашиваешь? — удивилась я.

— Конспект, в котором есть упоминание о гарлии...

— В академии не было преподавателя по магическому праву. А финансирование было. Ну, ректор не растерялся и пустил целевые деньги из имперской казны по назначению: на зарплату преподавателя. А то, что тот читал слегка не ту дисциплину... Подумаешь. Хотя магистр Мрот — маг земли, душой и телом преданный геологии, честно старался читать право. Но талант не только не пропьешь, но и не закопаешь, прикрыв сверху тоненькой брошюрой по праву, которую магистр и штудировал. В общем, каждую лекцию он честно начинал цитатой из оной и неизменно скатывался к горным породам, тектоническим сдвигам.

— Интересная у вас академия, — хмыкнул Эрриан.

— И это говорит темный, поселившийся в Хеллвиле.

— И правда, о чем это я... — Улыбка коснулась губ лунного.

Она была теплой, она согревала, она... и тут я поняла, как тяжело подбирать солнечные эпитеты, когда на дворе ночь, а зуб на зуб не попадает от холода.

Сейчас дубак стоял почище, чем в покойницкой, где проходили не только чревосечения трупов, но и практикумы у адептов-целителей. А еще вокруг была тишина. Такая глубокая, ночная. В подобной хорошо не только проводить вскрытие, но и скрывать тайны. Увы, не все. Например, того, что я

замерзла ужасно, не удалось бы скрыть ничем. Ну, кроме плаща, подбитого мехом.

Видя, как магесса обыкновенная превращается в магессу, трясущуюся от холода, Эрриан снял с себя куртку и накинул на меня.

— Ты замерзнешь, — попыталась я возразить.

— Знаешь, не только у вас в академии были свои особенности, — вздохнул Эрриан. — Все четырнадцать лет, что из меня готовили телохранителя, каждое утро в северной крепости начиналось с того, что нас будили, и мы босиком, в исподнем выбегали на снег. А затем ныряли в прорубь, выскакивали и бежали до тех пор, пока рубашка на теле не высохнет. — Он повел плечами, разминая их.

— Ты не бежишь, — заметила я.

— Ну так я и не нырял сегодня в ледяную воду. — Он жестом показал на сухую рубашку. — Но я буду очень признателен, если ты перестанешь любоваться на звезды.

Надо ли говорить, что до моего дома мы добрались в рекордные сроки? Меня подгоняла... нет, не совесть, ее у целителей не больше, чем у темных, а практичность: если Эрриан все же сляжет с горловой жабой, то лечить-то его мне.

Переступив порог и затворив дверь, я поняла, что, несмотря на теплую куртку темного, холод не отпускает. Особенно досталось пальцам, которые не желали слушаться до конца. Красные, холодные, негнущиеся. Они стали такими после того, как дар угас. Не знаю почему, но... вот так реагировали на холод. Надо было рукавицы брать! Руки целителя — его главный инструмент. Не заклинание и скальпель, а именно руки.

Я растирала их друг о друга. Нещадно, но они лишь побелели.

— Дай согрею, — видя мои попытки, произнес Эрриан.

Не дожидаясь ответа, шагнул и взял мои ладони в свои. Простое прикосновение. Почти целомудренное. Сначала. Но едва кожа коснулась кожи, как меня словно током ударило. На задворках сознания забились пойманной в силки птицей мысль, что, если я прямо сейчас, сей же миг выдерну руку, развернусь, убегу, возможно, у меня еще будет шанс. Но я не выдернула. И не убежала. Мы так и продолжали стоять, глядя глаза в глаза.

Мои пальцы. Его кожа. Она была чуть загоревшая, с мозолями и ссадинами. Руки Эрриана, сильные, надежные, они не держали — поддерживали, дарили тепло. А еще в них хотелось остаться. Ощущать то, как они тебя обнимают, ласкают.

— Позволь... — Голос. Хриплый. Надтреснутый.

Вместо ответа я лишь чуть качнулась вперед. Этого оказалось достаточно.

Его ладони скользнули по моим запястьям, предплечьям, плечам, чтобы притянуть, взять в плен. Он наклонился, и его губы коснулись моих. Эрриан целовал меня. Нежно. Чутко. Ртом. Языком. Дыханием.

Это было какое-то темное колдовство, которому не было ни сил, ни желания сопротивляться. Осторожность сменилась уверенностью. А внутри меня разгоралось пламя удовольствия. Холод исчез. Совсем. Словно его и не было вовсе. Будто и не стояла я под морозным небом, не зябла под плащом и курткой.

Эрриан обещал согреть и согревал. И я тянулась к его огню. Я его хотела. Мне надоело сопротивляться. Эту битву с собой я проиграла. Возможно, потом я буду жалеть. Но не сегодня. Не сейчас.

Меня подхватили на руки, не отрывая губ, а потом я не заметила, как оказалась в собственной спальне. Слишком маленькой для нас двоих. Холодной из-за все еще не вставленного взамен разбитого стекла. В дыре торчал скомканный плед. Но нам обоим было наплевать.

Поцелуи. Сейчас в них уже не было нежности. Дикость. Страсть. Мы были голодными, жадными друг до друга. До прикосновений.

Эрриан оторвался на миг. Лишь затем, чтобы поцеловать вновь. И еще раз. И еще. Уже шею, спуститься к ключицам. А я, откинув голову, жадно вбирала его прикосновения, дышала ими.

Я ощущала бешеный стук сердца, зашкаливающий пульс, что набатом грохотал в ушах. Казалось, моя кровь вот-вот закипит. Эрриан обжигал. Воспламенял. Сводил с ума.

Мои плащ и платье, его рубашка и штаны, шурша, упали на пол. Скрипнула кровать, принимая вес наших тел. А моя рука легла Эрриану на спину. Прошлась по ложбинке позвоночника. Разгоряченный. Мощный. Твердый, как сталь, в своих намерениях. И я, податливая, словно ртуть, в его руках.

Тяжесть тренированного мужского тела вжала меня в простыни. Я ощущала ее и наслаждалась ею. И пила эту звездную кристальную ночь. Время наших с Эррианом откровений, признаний, для которых не нужны слова. Мы говорили телами, признавались в любви и отдавали себя друг другу без остатка.

Мои пальцы скользили по его спине, чувствуя, как под ними перекачиваются жгуты мышц. Мой висок опалало хриплое дыхание темного. Да и мне самой не хватало воздуха в этом диком водовороте. Наша страсть, ярость, отчаяние, надежда, несдержанность и желание насытиться друг другом сводили с ума. Мы были на грани, балансируя и не боясь сорваться. Потому что знали — лишь в падении будем по-настоящему живы.

Возбуждение. Его. Мое. Оно, рожденное из прикосновений, близости тел и душ, было упоительным. Ладонь темного легла на мое бедро, скользнула ниже, еще ниже. Вызывая волну насаждения. Вырывая из груди стон, заставляя дрожать.

— Ты. Первый, — смежив веки, выдохнула я.

Признание, которое заставило Эрриана на миг замереть.

А когда распахнула глаза, то увидела взгляд, в котором плясало бешеное пламя. Горячее дикое пламя... И упоительная нежность прикосновений. Он приручал меня, давал возможность привыкнуть. Но мне хотелось больше. Быстрее. Мне хотелось его всего.

Кто первый из нас сорвался? Не знаю. Не знаю и не хочу знать. Когда холод ночи превращается в пожар, когда не слышишь звуков, не видишь ничего вокруг, только его. Какая, к демонам, разница?

Браслеты на его руках раскалились, но никто из нас не заметил этого.

Его толчки в моем теле. Его губы на моей коже, мои отметины, располозовавшие его спину, и удовольствие, накрывшее волной, которая крутила нас, переворачивая, меняя небо и землю местами, даря фейерверк ощущений, ярких красок, острых, оголенных чувств.

Мы не просто хотели обладать друг другом. Это было нам жизненно необходимо. Мы не сдерживались. Поцелуи-укусы. Отметины, которыми мы клеймили друг друга. Толчки тела, вбивающегося в тело. Он — мой. Я — его. Мы — одно целое.

— Я хочу, чтобы ты кричала для меня. — Это были последние слова, которые я запомнила, прежде чем забыться, утонуть в удовольствии, которое дарил темный.

И я кричала до хрипоты. Выгибалась, подаваясь ему навстречу. Мы сливались, чтобы умереть и родиться вновь. Это была наша звездная ночь. Темная, холодная, зимняя. Наша.

И мы лежали на сбитом белье обессиленные, изможденные, покрытые испариной, с гулко стучащими сердцами и... сумасшедшие от счастья. Моя рука покоилась в руке Эрриана, а я вся — на его теле. Потому как темный оказался не только собственником, но еще и — страшно подумать — бережливым собственником, который заботился о здоровье одной ведьмы. Он заявил, что постель холодная и я могу замерзнуть. А он — теплый. На нем замерзнуть труднее. А я, укрытая сверху плащом, не возражала.

— Магда, — внимательно глядя мне в глаза, начал лунный, — ты как-то заметила, что темные не признаются в любви. Это так. Потому что телом мы можем любить многих, но душою — никого. Потому и сильны.

Мое сердце при этих словах пропустило удар. А потом захотелось вскочить. Но Эрриан словно почувствовал это и крепче обхватил меня, не дав дернуться.

— Но сегодня в трактире, когда в тебя полетел клинок, я вдруг понял, насколько мне дорога одна светлая ведьма. Стоило только встретить ее, и все... Другие девушки перестали для меня существовать. Сегодня, когда я взял твои руки в свои, я осознал, что отныне с темными лэриссами мне будет скучно, со светлыми — смертельно скучно. Ты — моя, мой билет в один конец. Потому что светлая ведьма — это любовь. Демонически сложная, с поехавшей крышей и взбесившимся даром, что бурлит внутри, но любовь. Ты моя единственная, и другой мне не на...

Это были самые потрясающие слова, которые я когда-либо слышала. Но вот дослушать... Кровать. Моя старенькая кровать, ножки которой были подъедены дровоточцами, не вынесла бремени любви одной светлой целительницы и темного мага.

Они подломились. Все четыре сразу. И мы надгробной плитой рухнули на пол. На миг мне показалось, что еще немного — и это падение из случайного превратится в эпическое, когда проломится пол и мы окажемся на первом этаже. А утром горожане придут разбирать обломки и...

Но время шло, а мы с Эррианом оставались на месте. И по наглой морде темного было видно, что он вообще не озабочен тем, что мы можем куда-то там провалиться. Хотя ему, сыну Мрака, не привыкать. Он же регулярно в эту свою Бездну проваливался. А она, сдается мне, пониже первого этажа моего дома будет.

— Магда, — прищурился лунный, которого сейчас ничто не могло смутить, даже появление в моей спальне императоров. Обоих сразу. Вместе со свитами. И кабинетами министров. И... — Скажи, я чернокнижник твоего сердца?

— Нет, ты вампир моей печеночной вены! — вырвалось непроизвольно.

В конце концов, ведьма я или нет? Имею моральное право полюбоваться на удивленную физиономию одного темного. Правда недолго, потом надо будет резво подрываться и давать деру. Иначе тебя подомнут под себя и надругаются, лишив уже не девичьей чести, а иллюзий насчет того, что над темными можно безнаказанно шутить.

Еще один поцелуй Эрриана обещал, что моего признания он будет добиваться долго, настойчиво, до моей полной безоговорочной капитуляции. Я, к слову, была совсем не против такого развития событий, ощущая себя сытой кошкой, которая, несмотря ни на что, не прочь получить добавки. И именно в этот момент на улице под моим окном раздалось:

— Госпожа ведьма! Магда! Я люблю вас!!!

То, как миглом помрачнел и подобрался Эрриан, без слов говорило: тому, кто пришел сейчас под мои окна, — не дожить до рассвета.

— Кто это?

— Пока не знаю, но я пошла искать сушеный подорожник, — вздохнула я и попыталась встать, елозя по лунному. — У меня где-то должен был еще остаться...

Темный озадачился. Но руками, не участвующими в мыслительном процессе, едва я начала сползать, тут же схватил меня за талию и вернул на место.

— Зачем тебе подорожник? — спросил он.

— Ну... Ты сейчас выглядишь таким... решительным. И я думаю, без хука вряд ли обойдется. А так... Ты врежешь, я сразу приложу, чтобы тот несчастный, кем бы он ни был, еще раз сюда уже за целительской помощью не приходил.

— Я сам приложу. И подорожник, и об косяк, — фыркнул Эрриан и, аккуратно приподняв меня, выскользнул.

Тюфяк, на котором я осталась лежать, и вправду был не столь удобным, как грудь Эрриана.

— И даже думать не смей выглядывать, — сурово произнес — он. И, перехватив мой недоуменный взгляд, добавил: — В таком виде. А сейчас закутайся в плащ получше.

— А ты надень штаны, — тут же парировала я. — А то отморозишь еще что-нибудь. Пока будешь драться. И рубашку тоже.

— Тебя смущает мое обнаженное тело? — хмыкнул темный.

— Целителя так же тяжело смутить обнаженным телом, как феникса — смертью, — фыркнула я. — Просто лечить твое захворавшее тело придется мне. И поверь, если ты начнешь чахнуть, я на тебе оторвусь по полной.

Эрриан представил. Проникся. И штаны таки натянул. На рубашку его мужского испуга уже не хватало. Затягивая завязки на талии, он подошел к окну. Удивленно уставился на него, будто впервые увидел в разбитом стекле затычку из пледа. Миг раздумывал, то ли вытащить его, то ли открыть створки, за которыми нежданный воздыхатель уже начал голосить что-то романтическое. Наверное, балладу. Судя по корявости строк, собственного сочинения. Аккомпанемент из треньканья на одной нервной ноте проходил под лозунгом: «Кому хочу сыграть на лютне, тому от счастья не спастись».

— Выгляни ко мне, лэрисса Магда, из окна, — начал заунывно подоконный гость.

Я хмыкнула. М-да. По первой строчке идентифицировать несчастного самоубийцу не удалось.

— Ты меня не от приступа сердечного спасла, — поднатужился и выдал он под горестное «трунь-трунь».

Правда, и эта информация мне мало помогла. А Эрриан между тем выдернул плед и попытался просунуть голову в дырку, проделанную в стекле селезнем.

— Ты еще крякни туда, — посоветовала я, давась смехом.

Взгляд темного, в котором плясали демоны, остановился на мне, не обещая ничего... пристойного.

— Вот погоди, придушу этого менестреля... — лениво протянул он, и по моей спине брызнули мурашки. И вовсе не от холода. Наоборот, стало так жарко, что хоть окно нараспашку открывай.

Лунный отвернулся и взялся за шпингалет.

— Ты мое тело от демонов избавила... — особо пронзительно взвыли на улице.

И я наконец поняла, что под окнами несчастный служка. Поскольку в Хеллвиле никого больше я душевно не спасала. Только телесно. И то, если страждущим удавалось набраться храбрости и прийти за помощью к ведьме.

— И совесть мучиться заставила. И теперь мой долг — отплатить тебе той же монетой...

Какой «той же»? Теперь он будет летать на метле, а я за ним гоняться с ножом по крышам? Спасибо, не стоит.

— Прошу, ведьма, стань женою моей за это... — голосил он.

Да! Со стихосложением у парня было туго, зато с самовыражением — полный порядок. Но, судя по утробному рыку Эрриана, ненадолго.

— Какая, к демонам, жена? — рывкнул темный, распахнув створки.

В комнату тут же ворвалась зима, а из комнаты, правда наполовину, — лунный. Он перевалился через подоконник.

— Ой. — Очередное «трунь» оборвалось. А за ним раздался совершенно обескураженный голос:

— Господин темный, а где госпожа Магда?

На мой взгляд, совершенно идиотский вопрос, учитывая, в каком виде был Эрриан.

— Я вместо нее, — отчеканил лунный.

— А вы можете все же позвать Магду? — видимо собрав все свое мужество, произнес служка.

Я посмотрела на напряженную спину темного. Да, Эрриан мог быть хладнокровным, расчетливым, надменным, сдержанным, умным. Но не сегодня. Чувствую, не сегодня.

— Только на твои похороны, труп.

— Она спасла меня от одержимости, теперь мой долг — спасти ее душу от Мрака. Пусть темная ведьма и осквернена Тьмой, но я готов посвятить себя тому, чтобы обратить Магду к Свету. Поэтому я женюсь на ней, той, которая меня спасла.

— Парень, если ты хочешь жениться на том, кто изгнал из тебя демона, то у меня для тебя плохие новости, — усмехнулся Эрриан. И добавил: — Это я выбил из твоего тела выходца Бездны.

Надо ли говорить, что после такой новости запал служки как-то иссяк.

— Госпожа Магда, я знаю, что вы там. Это правда? Отец Панфий сказал, что вы спасли меня. — И столько неподдельной детской обиды было в голосе — хоть на развес продавай, хоть оптом.

— Давай я ему скажу, — шикнула в спину беловолосого, — он ведь не успокоится.

Эрриан обернулся. Ничего не сказал, лишь выразительно глянул на меня. И я вдруг сразу почувствовала, что на мне ничего нет, кроме наброшенного на манер одеяла плаща.

— Ну, нет так нет. Не больно-то и хотелось, — буркнула себе под нос, пряча и лицо, и уши под плащ.

— Это правда, — вместо меня ответил Эрриан. — И поверь мне, парень, жениться ради спасения души ведьмы — гиблое дело. Гораздо больше шансов убедить упыря, что с осиновым колом в груди ему будет лучше. Или уговорить закоренелого волколака-людоеда стать вегетарианцем. Мой совет

— забудь о Магде. И святой, взяв в жены ведьму, через пару лет станет первоклассным некромантом. Даже если до этого трупов боялся до дрожи в коленках и считал, что в склепах прятаться от супружеского долга недостойно.

В Эрриана полетела подушка. Он, не оборачиваясь, увернулся, словно заранее тренировался. Мой снаряд улетел в открытое окно, а темный нахал невозмутимо продолжил:

— И да, о том, чтобы «посидеть, пропустить кружечку со старыми светлыми друзьями», если решил жениться на темной, тоже можешь забыть. Будешь якшаться только с чернокнижниками, черными алхимиками, пожирателями. Зато она будет улетать на свои шабаши демон знает куда. И никогда не догадаешься, на каком уровне Мрака ее искать. А вернется — вся укатанная в зюю и обколдованная в дымину. Тебе оно надо?

— Я сейчас одного темного тихо благословлю... — пообещала зловеще. — А если не достанет слово, откат получишь скалкой!

Ну, лунный, ну, гад!

— Пожалуй, вы правы. Холостым оно как-то безопаснее, наверное, — прозвучало уже совсем растерянно. Лютня последний раз печально тренькнула, а затем послышались скрипучие шаги.

Впрочем, как-то не удаляясь, а топчась на месте, словно служка еще до конца не определился: спасти ведьмину душу браком или свою — безбрачием.

— А что, если все же... — начал было служка.

— Поверь мне, с ведьмой в браке может выжить только темный. — С этими словами лунный захлопнул окно.

— Скажи это Гардерiku Бьерку! — вставая с кровати гремучей змей, начала я.

— То, что один светлый больше трех столетий назад сумел долго и счастливо прожить в браке с темной ведьмой, — только подтверждает правило! К тому же он был боевой маг! И дракон. Правда, ящером он оставался только до встречи с Ви из рода Сумеречных ведьм. А потом что случилось, напомнить? — обернувшись ко мне и многозначительно сложив руки на груди, осведомился Эрриан. — А этот парень — обычный человек. Пожалей его... — Он сделал выразительную паузу и добавил: — А меня можешь не жалеть. Совершенно и абсолютно.

— Не жалеть, говориш-ш-шь, — зашипела я, прикидывая: придушить или отравить?

— Да, я мало того что темный, я еще и Меч Темного Владыки, поэтому морально и физически готов ко всему, даже к браку.

И именно в этот момент в дверь постучали. Настойчиво. Словно тот, кто тарабанил, принял решение и боялся передумать.

А мне и раздумывать было не надо. Я схватила плащ, завернулась в него так, что открытыми остались только лицо и ступни, подорвалась с места и кинулась вниз.

Если портить себе репутацию, то самой и качественно, а не доверять это лунным дилетантам. Сейчас доходчиво и ясно объясню служке, что нам к алтарю слегка не по пути.

Простучала босыми пятками по лестнице, через сумрак зала и распахнула дверь со словами:

— Давай договоримся раз и нав...

Не успела. Сталь врезалась в плащ, пробив грудь навывлет. Я захлебнулась вдохом.

Порою время летит спущенной с тетивы стрелой. Иногда оно замедляется, растягиваясь каплей клейкой смолы. А бывает, оно просто замирает. И один миг длится и длится.

В такие моменты безвременья вспышка молнии, которая обычно разрушает небо так, что не успеваешь опомниться, словно нехотя крадется меж облаков. Она разламывает тучи, ветвится, раскрывается так же неторопливо, как лепестки розы на рассвете. Но самое поразительное, что ты можешь это увидеть. Вот и сейчас.

Наверное, удар кинжала выбил из моей груди не только воздух, но и душу. Иначе почему я видела все происходящее, будто со стороны? Вот мое тело, которое начало падать слишком медленно, пядь за пядью приближалось к полу, погружаясь в сумрак. Медленно. Очень медленно. Взметнувшиеся полы плаща, казалось, и вовсе недвижимо зависли в воздухе.

Вот Эрриан, разрывая пространство и время, промчался вниз. Он был быстрый. Даже в этом

замершем мгновении темный оказался единственным, кто способен двигаться. А не созерцать.

А вот я впервые увидела, как можно убить голыми руками. Всего одно движение — и ребро ладони, ударившее в кость, сломало хрящи. Я, как целитель, могла точно сказать — после такого прямая дорога за грань.

Выпученные глаза нападавшего начали медленно расширяться от боли. Рот открылся в беззвучном крике, а руки Эрриана уже подхватили мое так и не успевшее упасть тело. А я... Я смотрела в лицо своему персональному кошмару.

Корнуолл.

Тот, из-за кого я лишилась дара, а брат едва выбрался из дурмана «звездной пыли». Избалованный сын главы торговой гильдии, который ради забавы рушил чужие жизни. Меньше всего я ожидала увидеть его на своем пороге. Да еще таким: с клинком в руках, одетого, как последний оборванец, с ввалившимися глазами, густой неопрятной щетиной, тощего как щепка. Грязного и вонючего. От бывшего лоска не осталось ничего.

Зато во взгляде, когда он вонзал сталь, сияло торжество. И сейчас оно сменялось удивлением. Корнуолл так и не понял, что умирает. Что он был уже мертв, еще не рухнув на порог. Как и я.

А потом боль пронзила тело. Она была резкой, всепоглощающей, утягивающей меня обратно в тело. И время вновь убыстрило свой неумолимый бег.

Вдох напополам с кровью. Я им захлебывалась, хрипела. Корнуолл упал уже бездыханным, скатившись по ступеням вниз. Порыв ветра, ударивший в дверь, захлопнул ее, погрузив нас во мрак.

Сознание уплывало, а я слышала лишь отчаянный крик Эрриана:

— Нет, Магда! Не-э-эт!

А я... Теперь ощущая пробитую грудь, я точно знала: мне отпущено еще несколько ударов сердца. Потом кровь из пробитой вены зальет легкие, и я утону в ней. Может, окажись рядом сильный, опытный целитель, у меня бы и был призрачный шанс. Но мы — в Хеллвиле. Дикое Приграничье. Вокруг — Шумерлинская топь и нежить. Так что... увы.

— Не уходи... — В голосе Эрриана звенело отчаяние.

Сильный. Смелый. Этот темный, казалось, мог исправить все. Кроме смерти.

Я хотела сказать. Мне казалось это важным. Очень. Но мысли путались. Губы и язык — не подчинялись. Перед глазами стояла алая пелена.

— Эйта, Мрак тебя раздери, где ты, сволочь рыжая! Я согласен!!! — зарычал лунный.

Вспышка, озарившая зал, была ослепительной. А вслед за ней раздался торжествующий голос Дарящей Безумие:

— Ну наконец-то!

— Но у меня условие — она должна жить. Я сам добровольно шагнул в твое царство. Но пусть Магда живет.

Я ничего не видела. Лишь слышала. И в голове билась лишь одна мысль: Эйта все же смогла добиться своего. Свести с ума темного. С моей помощью. Хотелось закричать: нет, не надо, зачем?! Но я не могла даже вздохнуть.

— Через несколько ударов сердца она умрет, и ты провалишься в безумие и так, — хмыкнула белка.

— После твоих слов — нет. Мне хватит разума добраться до Джерома. Надо ли говорить, что сделает со мной пожиратель... — Голос темного был холоден как лед.

Сын Мрака. Тот, кто способен выйти на бой со смертью и победить. Тот, кто способен выторговать у Дарящей Безумие жизнь любимой. Пусть в уплату отдав свою.

— Ты не посмеешь, — прогремела белка.

— Хочешь проверить?

— Я не целитель, я не могу спасти ее, — нехотя призналась Эйта. И тут же, словно ее посетило озарение, она провозгласила: — Зато ты сможешь!

А дальше были странные звуки. И за ними — лязг металла.

— Ну, чего ждешь, — недовольный окрик Эйты. — Я зря, что ли, замки на твоих браслетах вскрывала? Все когти обломала! Давай шевелись! Возьми ее мету и отдай ей свою. У тебя сильный дар. У нее — знания, которые позволят его направить.

Что Эрриан ответил — я уже не слышала. Зато ощутила: меня буквально заливают потоком силы — дикой, несущейся, словно лавина. Она заставила мое тело выгнуться дугой, как если бы в него ударила молния. А затем еще и еще. По руке будто поползла огненная змея, обвивая сначала запястье, предплечье, плечо, переползая на шею, чтобы там, у основания черепа вгрызться в плоть.

Но вместе с болью я ощущала и силу. Ушедшую, почти забытую.

Лечить себя тяжело. Порою — даже невозможно. Но я хотела жить. Очень. Хотя бы ради того, чтобы плата Эрриана не оказалась напрасной. И мысленно уже приготовила матрицу заклинания: восьмой порядок — мой прежний максимум.

Главное — ликвидировать кровь из пробитого легкого, чтобы сделать вдох. Потом — чуть отодвинуть острие и срастить стенку рассеченной вены. Иначе я банально умру от кровопотери. И лишь потом вытащить кинжал. А дальше — руна «Норхо», наложенная на тело, чтобы не пошло заражение, которому достаточно нескольких ударов колокола — и при недосмотре врачевателя можно провалиться в горячку.

Обо всем этом я думала отстраненно, как целитель. Отключив все эмоции, уйдя в своеобразный транс, один неверный шаг в котором — и я окажусь уже за гранью. И не сразу поняла, что мое тело, получив новую силу, взяло и часть ее способностей. Измененная мета Эрриана. Нестабильная, но позволявшая его телу излечиваться гораздо быстрее. Если бы не она — я бы не успела. Ни влить силу в матрицу, ни тем более замедлить ток крови, чтобы срастить рассеченные края вены.

ГЛАВА 12

Сила Эрриана. Она не только питала меня, но и исцеляла. Лечила без заклинаний, ускоряя в несколько раз процессы заживления.

Вдох. Первый, болезненный, рвущий грудь и ломающий ребра, вышел рваным. Я все еще ничего не видела. Было ощущение дичайшей перегрузки, словно я сдуру сиганула на запретельную морскую глубину, а добравшись до дна, оттолкнулась и выплыла на поверхность. Хотя уже сама не верила, что смогу. И сейчас — заполошно билась руками о воду, пытаюсь осознать, кто я и где.

— Вынь. — Хриплый голос ведьмы, которую душили-душили, но так и не смогли додушить, вышел тихим.

Но Эрриан его расслышал и, не спрашивая, очень осторожно начал вытаскивать лезвие из моей груди. Сталь чудом не задела сердце. Да, острое прошло рядом с веной, частично повредив ее, но все же это дало те несколько мгновений, чтобы Эрриан выторговал меня у смерти.

И едва я пришла в себя, как Эйта потребовала плату:

— Ну-с, дорогой Меч, добро пожаловать в мои владения... — Она распахнула лапы в стороны.

А я, сидящая на полу в луже собственной крови, с запекшейся багровой коркой там, где еще недавно торчал кинжал, начала осознать, что произошло. Не понимать, констатируя факты, а осознать целиком и полностью. И у меня возникли вопросы. И первый из них — что здесь делал Корнуолл?

— Я готов.

А вот Эрриану было не до размышлений. Темный — воин. И сейчас он готовился умереть.

Он наклонился, подбирая с пола браслеты и, видимо, хотел защелкнуть их вновь на своих запястьях.

— Какой осторожный, — фыркнула в усы белка, дернув хвостом. — Ну, если хочешь... Хотя я смысла не вижу. Ты же не только ей свою мету отдал, но и ее мету забрал себе. А вместе с ней — и силу. Так что теперь станешь тихим, мирным сумасшедшим. Если и разнесешь, то разве что пару полок в лавке... — Она цыкнула зубом и следующую фразу произнесла нарочито торжественно: — Ну а перед безумием разрешите, дорогие молодожены, официально вас поздравить с бракосочетанием!

— Каким еще, горловую жабу тебе хроническую с чахоткой, бракосочетанием? — хрипло рыкнула я.

Ответил Эрриан, опередив довольно сверкавшую глазами-бусинами белку:

— Маг, я не просто отдал тебе свою мету, но, чтобы сила перешла быстрее, еще и забрал твою. Извини, но светлой тебе больше не быть. Твой дар целителя теперь питает темная сила.

— А по традициям темных, именно обоюдный обмен метами и означает церемонию бракосочетания. Правда, ее еще можно отменить через оборот луны. Но это не ваш случай. Сейчас Эрриан быстренько сойдет с ума, и я закрою квартальную ведомость.

Белка эффектно щелкнула лапами. Я не успела даже вскрикнуть, как тело лунного окутала дымка. А затем он, как стоял, так и упал на колени, чтобы затем уже рухнуть на пол. Его пальцы заскребли по доскам, оставляя борозды. Голова заметалась из стороны в сторону. Безумие. Полное и окончательное. Эрриан ушел в лабиринты Эйты добровольно. И сразу — в самую глубь.

— Ну вот. — Эйта ударила лапой о лапу, словно сбивая с ладоней пыль. — Сейчас прибежит его дружок-пожиратель, увидит, что наш Меч слетел с катушек, убьет его, и ты, моя дорогая Магда, станешь вдовой. Богатой, заметь, вдовой. А все благодаря мне.

Она говорила, а во мне волной поднималась ярость. Но вначале... Заклинание стазиса слетело само собой, надежно сковав Эрриана. Он замер: запрокинутая голова, напряженная шея, на которой проступили жгуты мышц и вены. Тело — сильное, поджарое, словно мгновенно вмурованное в прозрачный лед.

— А не благодаря ли тебе на моем пороге оказался Корнуолл? — спросила я наугад, обернувшись к белке.

Эта паразитка даже отпираться не стала.

— Да, — стряхнув невидимую соринку со свой рыжей шубки на плече, ответила она. — Твой темный никак не желал сходить с ума, время поджимало, и я решила его слегка подтолкнуть.

— Убив меня?

— Но ты же не умерла. — Эйта была непрошибаема, как надгробная плита. Кто-то явно еще не подозревает, что сегодня пойдет на воротник. — И даже если бы он не смог тебя спасти, условия клятвы я бы выполнила — свела бы Корнуолла с ума. Хотя это было бы левым делом с учетом того, что у его папашки после случая с тобой кончилось терпение. Он больше не захотел покрывать своего сынка. Так и заявил тому: пока не научишься разгрести свое дерьмо сам, я знать тебя не желаю.

Теперь до меня дошло, почему аристократишка был почти неотличим от уличного бродяги. Видимо, отец отлучил его от всего, в том числе и от денег. А Корнуолл решил, что «разгрести» — значит ликвидировать проблему. И раз уж его проблемой была я... Но подумать об этом у меня еще будет время. Если я выживу и не сойду с ума.

— Поскольку свою часть нашего договора ты, Эйта, уже выполнить не можешь... — начала я, выразительно глянув на дверь, за которой лежало тело Корнуолла, — то будем считать, что он теряет силу. — Вторя моим словам, печать клятвы согласно отозвалась теплом, истаивая. — А коли так, то не обессудь, госпожа Дарящая Безумие, но я помогу темному выйти из твоих лабиринтов.

— Ты не посмеешь! — встала на дыбы Эйта.

— Еще как посмею.

— Не пушу!!! — взвилась белка.

Я усмехнулась. Похоже, сейчас впервые в истории Светлых и Темных земель Эйта не сводила с ума, а всеми четырьмя лапами и хвостом ратовала за сохранение рассудка. И у кого? У бывшей клиентки. Рецидивистки по шизофрении.

— А мне дорогу показывать не нужно, я сама знаю.

Истеричное «не-э-эт!» было для меня лучшей симфонией, когда реальность начала закручиваться в спираль. Дверь удлинилась, переходя на потолок, а потом и вовсе завернулась подобно морской волне. Каменные стены превратились в огромный пазл, из которого стали выпадать куски. Реальность разбивалась на звенящие осколки, ломалась, как зеркало, под немислимыми то выпирающими, то вдавленными углами. Последней исчезла опора под моей спиной, и я полетела вниз, в бездонный колодец, будто кто-то толкнул меня в грудь. Единственное, о чем успела подумать до того, как потеряла сознание: теперь я стала безумным магом с огромной силой, которого Джерому нужно убить в первую очередь. У меня было очень, очень мало времени, если я хочу остаться в живых и найти Эрриана.

На что я надеялась, добровольно шагнув в лабиринт безумия? На себя. На темного. А еще на то, что время в мире Эйты и в реальности течет по-разному. И хотелось бы верить, что этот бег — в нашу пользу.

Я упала на песок. Горячий, жалящий, жесткий. Красная пустыня. Синее до рези в глазах небо, на которое выкатилось и уже стояло в зените безжалостное солнце. Контраст с заснеженной зимой, в которой я недавно еще была, оказался разительным. Впрочем, чему удивляться — это же лабиринт.

Я встала, отряхнулась. Пальцы слегка дрожали, во рту пересохло. Жажда. Надежда. Отчаяние. Их вкус растекался во рту хмельным ромом и полынью.

На мне все так же был плащ, на груди которого зияла дыра от кинжала. Я усмехнулась, посмотрела на руку. От запястья и выше на коже бушевал черный вихрь — мета Эрриана. Значит, магия при мне. А еще при мне знание, что в лабиринте разум определяет реальность. И возможно все, во что ты поверишь. Ну или чего испугаешься.

Зря я вспомнила о страхах.

— Вот арх! — Я выругалась, увидев, как огромная волна песка, будто живая, пришла в движение.

Там, на горизонте, она взяла разбег и начала закручиваться гигантским штормовым валом, поднимаясь вертикальной стеной. Миг — и она закрыла собой небо, грозя вот-вот обрушиться на меня, прихлопнуть, будто ладонь огромного великана.

— Магда, ты сможешь, ты сможешь... — Мои губы шептали эту простую фразу, как заклинание, а руки уже сами собой чертили в воздухе матрицу.

Без веры чуда не бывает. Но гораздо легче представить, что под ногами надежная опора, когда твои ступни стоят на чем-то твердом. Пусть даже это будет собственный магический щит.

Я бросила плетение и вскочила на него босиком, в последний миг оттолкнувшись от песка, который вдруг стал зыбучим. Магия — темная — была мне непривычна. Она не ластилась, как свет. Скорее уж это был холод металла и его же твердость.

Опустила голову ниже. Прикрыла глаза. Раскрытые ладони смотрели в песок.

— Подо мною волнорез. Скала, что способна достать до солнца. И я в это верю! — Последнее слово сорвалось с криком.

Отчаянный порыв ветра злобно бросил пригоршню песка. Волосы, еще недавно неподвижные, откинулись назад. А под моими ногами начала расти гора. Щит распался, треснул, как глиняная тарелка из необожженной глины, и пятки опалил горячий камень.

Скала. Она поднималась все выше, и я была на ее пике. Смотрела, как издали на меня несется волна песка. Не отводить взгляд. Быть сильнее своих страхов, победить себя — это и есть выход из лабиринта. Который мне нужно найти. Вновь.

Песчаная волна ударилась о скалу и распалась, чтобы тут же стать небом. А я — оказаться перевернутой вниз головой. Шутник-лабиринт вновь вывернул действительность наизнанку. И вот я уже на манер летучей мыши взирала на мир. Подо мной были леса. Вилась, играя бликами, излуцина реки, на лугу мирно паслось стадо коров.

Полы плаща задралась, свесившись вниз как перепончатые крылья. Обнажив ноги.

Нет, мне это не нравится. Фыркнула и, подбадривая себя, произнесла вслух:

— Если уж я справилась с бурей, то с собственным нарядом — сами демоны велели.

Сказала и... рассмеялась. Я всего ничего хозяйка темной меты, но уже мыслю, как дочь Мрака. Впрочем, рефлексировать было некогда. Глянула вниз, туда, где паслись тучные стада. Потом наверх, где некогда простиралась пустыня, а ныне тоже паслись и тоже тучные, но облака. Прикинула, какой бы наряд мне подошел вместо плаща: штаны или платье? И выбрала шкуру дракона. Это же лабиринт!

Когда я перекувыркнулась в полете, а черные крылья натужно рассекли воздух, мне показалось, что я слышу за спиной голос Эйты. Ее речь была яркой, прочувствованной, что-то в том духе, что проклятие порчей не испортишь. Посему желала она мне всего, сразу, побольше и с доставкой до порога. А из цензурного в речи белки были только слова «зараза рыжая», местоимение и глагол «сдохла».

Пожалуй, лучшим ответом ей станет то, что я не только выберусь отсюда живой, но и найду Эрриана. Желательно сначала второе, а потом уже вдвоем — первое.

Пока же пришлось в экстренном порядке учиться летать, а не бестолково хлопать крыльями. Нет, определенно, если вернусь, то узнаю у драконов, как этим ящерам хвост в полете не мешает. Представив, как пристаю с вопросом о хвосте к какому-нибудь столичному лэру из драконьего рода, и как вытягивается при этом его холеное, надменное лицо, я невольно подавилась смешком. Нет уж, если не хочу сойти за безумную, кое о чем лучше все же не спрашивать.

Лес внизу сменился деревенькой, жители которой радостно поприветствовали меня факелами, вилами и кольями. Как мило с их стороны. Ведь вроде я уже и не ведьма, а меня по-прежнему встречают тепло и с огоньком. Вот только где на просторах этой пасторали искать Эрриана? И здесь ли он вообще? Или его занесло в другую плоскость лабиринта?

Мир Эйты был создан для того, чтобы сломать мозг. И со своей задачей он справлялся отлично. Лабиринт напоминал мне скомканный лист бумаги. Причем его заломы, впадины и перегибы были нестатичны. Они то расправлялись, как сейчас, в практически ровную, так похожую на реальность картину, то сжимались и грозили смять нового гостя.

Не успела об этом подумать, как в крыло ударил камень. Боль ожгла тело, словно в локоть вогнали раскаленную спицу. Мимо пролетел еще один булыжник и еще один. И еще. Небо прошла молния. Дождь. Из гальки. Он падал из облаков, дробил воздух, разбивая его, словно зеркало, на тысячи осколков. И в каждом из них отражался черный дракон. Я.

— Не пуцу! — Крик Эйты. Он доносился отовсюду. Она была везде. И все же — не всесильна.

Я ушла штопором вниз. Из груди вместе с пламенем вырвался рык:

— Эр-р-риан!

Ну где же ты. Мой. Темный. Он не отзывался. А в сознание ввинчивался голос Эйты:

— Тебе его не найти.

Уже у самой земли, где реальность еще не сломалась витражной мозаикой, я сумела, причесав брюхом траву, нырнуть в новый, целый пласт лабиринта. Поля, река вдруг оказались сбоку, а внизу подо мной шла битва. Клинки вспарывали плоть. Звенела сталь, приветствуя сталь. Над ратным нолем витали боль, гнев, отчаяние и отвага.

Сражались Свет и Тьма. Нет. Не так. Сражались светлые и темные. А там, вдалеке, на дозорной башне реял флаг. И это было знамя Хеллвила.

Лабиринт не знает времени. Здесь могут встретиться прошлое и будущее, а вымысел так прочно прорастает корнями в реальность, что разум и не отличит. На миг почудилось, что я вернулась и вижу то, что происходит на самом деле. Что к Хеллвилю подошла армия властелина тьмы. И войска Аврингроса Пятого отражают ее атаку. Что впервые за тысячелетнюю историю молчаливого противоборства две империи решились на открытый конфликт.

В крыло врезалось копьё. Пущенное с нечеловеческой силой, оно взлетело ввысь, задев меня, и именно оно дало понимание: я все еще в лабиринте. А вслед за пониманием из глубин памяти пришло и подзабытое знание. Здесь я — это мои мысли. И я формирую не только реальность, но и время. А что, если...

Сосредоточилась. Настолько, что на это ушли все мои силы. Тело изменило форму, исчезли крылья. Исчезло поле битвы с его копотью, кровью, смертью. Все. Кроме бездонного колодца. Того самого, в который я падала, шагнув за грань сознания. Решившись вновь войти в лабиринт. Но на этот раз мое падение было вверх, а не вниз.

Словно время, чей клубок до этого разматывался, я начала сматывать, будто песок из открытой ладони не сыпался вниз, а лился в руку.

Всего один шанс. Шанс на то, что мое «время наоборот» совпадет с тем мигом, когда в этом бездонном колодце оказался Эрриан.

Я увидела его. Миг, что короче вспышки молнии. Когда я и он оказались рядом. Кто первый из нас среагировал — не знаю. Я только почувствовала, как мои пальцы вцепились в его запястье, а мою другую руку схватила его рука.

Рывок... Руки едва не вывернуло из суставов. Мой взлет. Его падение. Безвременье лабиринта вокруг. Мы летели. Уже вместе. Эрриан крепко держал меня за талию. И я была уверена: что бы ни произошло — не отпустит. Ни за что. Никогда.

— Зачем? — только и спросил он.

— Потому что Эйта сказала, что ты отдал мне мету, забрав взамен мою. И теперь, по законам темных, я твоя жена. А мы, светлые, своих мужей не бросаем. И готовы пойти за ними хоть в ссылку, хоть в безумие, — выдохнула я ему в губы. И я была бы не я, если бы ехидно не добавила: — Пойти и испортить мужу и каторгу, и помешательство.

— Магда, с тобой я готов быть где угодно. Ты моя ведьма. Единственная.

Вот уж не думала, что для того, чтобы услышать признание в любви, мне нужно будет повторно сойти с ума.

— Тогда, может, ради единственной меня ты найдешь выход отсюда? — задала я насущный вопрос.

— Как? — Эрриан был краток.

— Это твое сумасшествие. Реальность здесь формируешь ты! Ты, и никто больше!

Я не стала добавлять: судя по тому, что мы никак не можем приземлиться, внизу нас ждет что-то фееричное. Кажется, мои страхи, по сравнению со страхами Эрриана, были весьма невинны.

Не успела подумать, как мы упали. Но, даже ударившись, темный не отпустил меня. Вокруг клубилась тьма.

— Скажи мне честно, чего ты боишься больше всего? — спросила особым лекарским тоном. Мне нужно было знать, к чему готовиться.

— У Меча императора не должно быть страхов, — ответил темный. — И у меня их до встречи с тобой не было. Ни одного.

«А сейчас — появился», — так и повисло недосказанным.

— Я буду рядом.

Запрокинула голову, чтобы взглянуть в его глаза. Синие. Пронзительные. Невероятные. Родные. Эрриан наклонился, выдохнув мне в губы:

— Значит, нужно только пожелать? — Он улыбнулся.

— Не пожелать, поверить. Без тени сомнения, — ответила я.

А потом моих губ коснулись его губы. Мягко, уверенно. Этот поцелуй отгородил меня от всего, заставил забыть, где мы. Я закрыла глаза. Только ощущения. Одновременно нежные и дикие. Язык Эрриана вторгнулся в мой рот, пленял, сводил с ума, карал и миловал. Я плавилась в его руках, горела, превращалась в пепел, чтобы возродиться вновь.

Безумие лабиринта не шло ни в какое сравнение с тем сумасшествием, которое дарил мне темный. Мы были одним целым. Я в его руках, он — в моих объятиях. Одно дыхание на двоих, одна магия на двоих, одно безумие на двоих.

Его пальцы скользили по моей спине. Одна его рука поднялась выше, легла на затылок, вторая — на талию, не давая возможности отстраниться. Но я и не хотела. Мне нужно было больше. Больше Эрриана. Его губ, ласк. Его всего.

Я с трудом сдержала стон удовольствия. Поцелуйи темного. Они были слишком сладкие, за пределами чувственные.

И я все же застонала. И Эрриан словно сорвался. Его губы перестали быть мягкими. Зато в поцелуе появились ярость, неистовство, жесткость. И желание. Много желания и жажды.

Его хриплый выдох, когда он оторвался от меня лишь на миг, чтобы вновь прикинуть. На этот раз его губы клеймили кожу на моей шее. А мои руки обвили его. Я не слышала ничего. Не видела ничего. И...

— Да убей же ты их скорее! — Крик, ворвавшийся в наш с Эррианом мир, заставил распахнуть глаза.

В первый миг я увидела лишь Тьму. А затем, когда глаза смогли различить и ее оттенки, — обескураженное лицо Джерома.

Смуглый стоял посреди моей кухни, расставив ноги и будто пытаюсь сесть на табурет, которого под ним, к слову, не было. При этом пожиратель широко развел руки. На его раскрытых ладонях клубилась Тьма.

— Извини, друг, но я поклялся, я должен... — между тем бормотал смуглый, собираясь...

— Нет! — рявкнула я так, что на полках подпрыгнули все склянки и пузырьки со снадобьями.

Джером тоже вздрогнул, с его пальцев сорвался черный сгусток, чтобы полететь в меня, и именно в этот самый момент я поняла, что Меч Властелина — это не звание, это диагноз. Эрриан, до того исправно отыгрывавший роль трупа, в сотую долю мига резко дернулся в мою сторону, подминая под собой и закрывая от удара.

Куда угодил сорвавшийся сгусток Тьмы, я не увидела, но, судя по комментарию Эйтты: «Твою ж мать!» — попал Джером куда-то рядом с белкой.

А я смотрела в синие глаза Эрриана. Абсолютно чистые, без признаков безумия и... не понимала. Мне, чтобы найти выход из лабиринта, чтобы понять законы мира, сводящего с ума, потребовалась уйма времени и сил, а темному даже не пришлось искать выход.

То ли Эрриан увидел немой вопрос в моих глазах, то ли у него просто было отличное чутье, но он произнес:

— Ты сказала поверить. И я поверил. В тебя. И в то, что ты любишь меня так же, как и я тебя. И что мы будем вместе.

— Влюбленные! — тоном целителя, клеймящего пациента смертельным диагнозом, произнесла белка. — Ненавижу! Глаза бы мои вас, паразитов, не видели!

— Так ты их закрой. Или отвернись. А лучше совсем исчезни, — невозмутимо посоветовал Эрриан, чуть приподняв голову и даже не думая с меня вставать.

— Смерти на вас нет!

— Почему же нет, есть... — недовольно буркнули из-за угла. — Но кто же знал, что мне достанется такой нерешительный пожиратель душ! Нет чтобы убить обоих сразу. Он, видите ли, сначала смотрел, как они валяются на полу, приводил в чувство, браслеты разглядывал. А потом, как твои, подружка, клиенты целоваться стали, до него наконец-то дошло, что надо убивать! У-у-у! И чему только нынешних пожирателей учат?

— Ик! Магда, ты тоже ее видишь? — ошалело спросил Джером.

Уж не знаю, с чего вдруг он решил обратиться ко мне.

— Пока что лишь слышу. Зато всех! — выдохнула я. — А вот если кое-кто даст мне сесть, то я не только увижу, но и доведу.

— Куда это доведешь? — сварливо фыркнула белка.

— До любви, до ненависти, до психушки, до алтаря, до гроба... — начала охотно перечислять я.

Правда, где-то в середине перечня услуг ведьмы-поводыря белка выразительно закашлялась, а под конец к звукам чахотки прибавился еще и скрип зубов. Судя по всему, скрипела Хель.

Эрриан наконец скатился с меня, а затем помог подняться. Джером выразительно таращился в один угол, напрочь игнорируя подоконник. Похоже, смуглый видел лишь госпожу Смерть. Эрриан видел одну белочку. И только мне отчего-то счастье привалило, отчего-то лишь я удостоилась возможности лицезреть их обеих. Может, потому что в свои двадцать с небольшим я успела и слегка умереть, и немножечко сойти с ума?

Но додумать мысль мне не дал смуглый. Он перестал-таки таращиться в угол, перевел взгляд на друга и, видимо, что-то заметил.

— Тебе удалось справиться с проклятием?

Эрриан, прислушавшись к себе, кивнул.

— Да что же это такое?! — возмущенно завопила белка. — А как же мои семнадцать капель чистой силы?! Нет, если я их не получу, то сейчас собственноручно этих влюбленных голубков в склеп вмурую!

— Э нет! — Я подняла палец. — Эрриан же был безумным? Был!

— Всего несколько ударов сердца! — не сдавалась Эйта.

— Так и запиши в своем отчете. Что миссия выполнена. А о сроках безумия в том проклятии ничего не было, — убежденно заявила я, хотя на самом деле понятия не имела ни о сроках, ни о каких-либо других условиях проклятия. Но, как говорится, если врешь, то ври уверенно, глядя прямо в глаза.

Белка сморщила нос. Скривилась и нехотя согласилась:

— Да. Не было.

— Ну, значит, ты свою часть сделки выполнила. Пиши отчет и требуй оплату девственницами!

У Джерома, который слышал лишь мой монолог, а не полноценную беседу с Эйтой, лицо вытянулось в безмерном удивлении. Надо же. Какой трепетный пожиратель душ нам попался. С тонкой душевной организацией. Пришлось исправляться:

— Тьфу ты! В смысле требуй свои капли чистой силы.

— И еще попрошу пару капель совести, — тоном «я ненавижу золото и силу, когда они не в моих лапах» проворчала Эйта. — Накапаю их в чай одной рыжей ведьме. А то в ней ничего порядочного нет.

— Неправда, у меня порядочная рана была не так давно. Прямо в груди. — Я ткнула в плещ.

Тут же послышался печальный вздох из угла. Это опять взгрустнулось Хель.

— Слушай, умная. Раз толкаешь на подделку отчетности, может, еще и скажешь, чей разум мне сдать взамен того, что остался при твоём сивом?

Я скромно опустила глаза. Нет, конечно, у меня были на примете кандидаты. Но у пожирателя его попробуй еще отними. Да и Эрриан, думаю, слегка огорчится. Хотя...

— А ты выгляни за дверь, может, там еще Корнуолл не совсем сдох? — с надеждой спросила я.

— Совсем, — в унисон ответили пожиратель и Смерть.

Что же, жаль. Но сомневаться в такой единодушной оценке двух экспертов по смерти мне и в голову не пришло.

— Ну, если дело стало лишь за агонизирующей душой, — вновь раздался скрипучий голос Хель. Как ножом по стеклу, аж до мурашек пробрало! — То, подружка, так и быть, я тебе уступлю одну. Тем более что на рассвете смертей будет предостаточно.

А я сглотнула. Вспомнилось видение из лабиринта. Сражение двух армий. Неужели это был не мираж, а картина будущего?

— Отлично! — оживилась белка и потеряла лапы.

— Четыре капли силы — мои, — тут же пустилась в торги за еще не убитого Смерть.

— Две, — не менее азартно ответила Эйта.

— Три — и договорились. Обставлю все в лучшем виде! — не сдавалась Смерть.

— Э, а кто шкурой рискует, идя на подлог? — парировала белка.

— Не подлог, а смещение акцентов в отчете! С ума же твой клиент все же сошел, пусть и на время! Иначе бы проклятие не было снято. — Смерть, видимо, тоже знала толк в подделке служебных документов.

Они начали медленно истаивать и, наконец не прекращая торга, исчезли вовсе. Повисла тишина. Джером подозрительно осматривался. Эрриан, стоявший как-то слишком близко ко мне, чуть отстранился. Все это время он, возможно, и сам до конца не осознавая, защищал меня. И, судя по тому, что его спина закрывала мне угол, — от Хель.

— Так ты, значит, вновь свободен, — то ли спрашивая, то ли утверждая, но опасаясь еще радоваться по полной, заключил Джером. — И можешь вернуться в Тайру, во дворец темного владыки?

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответил Эрриан, положив руку мне на талию.

— Из-за нее. — Пожиратель дернул подбородком. И мне отчего-то показалось, что его, как и меня, посещали мысли из разряда «Ах, как бы мне пришить эту заразу, пока Эрриан не видит?». — Но ты же один из сильнейших магов. К тому же твоя мета еще не до конца иницирована, и ты по уровню дара едва ли не равен императору. Ты можешь стать одним из могущественнейших чернокнижников, карающим Мечом Владыки...

Я кашлянула, выразительно так.

— Боюсь, что теперь он не сможет охранять интересы императора и убивать, — вмешалась я в пламенную речь смуглого.

— Ты дал какую-то клятву? — не понял Джером.

— Пока нет, но даст, — уверенно произнесла я. — Целители ее обычно все дают. Не навреди, помоги и... В общем, клятва лекаря.

— Какого, к арху, лекаря? — в ужасе завопил Джером. — Что ты с ним сделала, ведьма?!

Эрриан вытянул руку. Там во все предплечье красовалась мета целителя. И она медленно, но верно разрасталась. Только в отличие от моей, зеленой, была абсолютно черной.

— Ну, судя по всему, темного, — невозмутимо закончил он.

А я не могла понять: почему моя, вернее, уже мета лунного увеличивается? Даже до взрыва, когда я поступила в академию с восемью единицами дара, она была меньше. А потом я вспомнила, что Джером говорил: над будущими телохранителями темного властелина проводили какие-то эксперименты, чтобы увеличить их потенциал. Расширяли границы источника, дестабилизировали. Неужели и сейчас... Моя звезда, попав к новому хозяину, не иначе как почувствовала благодатную почву и начала разрастаться.

— Темный лекарь? Ты? Не-э-эт! Это шутка? — Джером не мог поверить. А потом его взгляд остановился на моей шее, которую щекотал вихрь. И смуглый все понял без слов.

— Вы обменялись метами? И кровью? Вы что...

«Психи» пожиратель все же не сказал. Хотя в данном случае это было бы не оскорблением, а

констатацией факта.

— Эр, как ты мог? А с кем мне теперь прикажешь в минуту скорби напиться и пойти в бордель?! — голосом, полным трагизма, спросил он.

Бордель?! Жаль, что одного смуглого в винном погребе не забило пробками из бутылок с игристым вином до смерти. Ох, жаль.

— Думаю, что это восполнимая утрата, — хмыкнул Эрриан.

Да-да. Особенно если вспомнить о том, как недавно Джером обнимал за плечи рыжего почти аристократа!

На миг даже показалось, что все страшное уже позади, что мы сумели выпутаться из проклятия с минимальными потерями. О том, что я отныне не целитель, и то, чему посвятила столько лет, готовясь к поступлению, а потом и обучаясь на лекаря, — в безвозвратном прошлом, я подумаю потом. Если останусь жива.

— Знаете, у нас проблемы посерьезнее выяснения отношений. — Я закусила губу, а потом выдохнула: — Кажется, скоро здесь начнется война.

А потом пришлось объяснять сначала Джерому про залежи гарлия, потом Эрриану и Джерому о том, что видела в лабиринте. Темные озадачились. Сильно. А затем пожиратель облегченно выдохнул:

— А я уже было испугался, что с моим даром что-то не так: резерв все никак не мог наполнить. Кстати, Эр, и как мы будем убивать светлых без магии, если вокруг залежи гарлия?

— То есть вариант, чтобы вообще предотвратить бойню, ты не рассматриваешь? — нахмурилась я.

— А что ты предлагаешь: встать и помахать нижней юбкой посреди поля? — скривился Джером.

— Ага. Только при этом с себя ее не снимай, — огрызнулась я. — Успех будет феерический. И у светлых, и у темных.

— Почему нижней? — заинтересовался лунный.

— Потому что она точно белого цвета. И сойдет за флаг парламентаров, — буркнул пожиратель.

— Потрясающие познания о нижних юбках... — пробормотала я себе под нос.

Смуглый закатил глаза, встал, по-хозяйски прошел до печи, поорудовал там ухватом, выживая чугунок и уделяя ему внимания больше, чем нам, бросил через плечо:

— Вот только сдается, темные точно предпочтут прикончить самозванных дипломатов. И следуют вид, что просто не заметили. Я бы точно так сделал.

Пожалуй, светлые в этот момент синхронно отвернутся. Всем воинством. И тоже сделают вид, что никаких парламентаров видом не видывали, слухом не слыхивали, а трое психов так, мимо по полю пробежали и коллективно споткнулись. О стрелы. А все потому, что мужиков, желающих подраться, даже смерть не остановит на пути к их заветной цели.

Впрочем, пожирателя душ ничего не остановит и на пути пожрать. Даже то, что отварная репа в чугушке квартирует не первый день. Джером, отодвинув крышку, лишь чуть скривился. Потом рассудил, что у меня тут собачий холод и еда испортиться не должна. А затем выудил из кармана бережно завернутый в тряпицу кусочек сала с чесночком. Нет! Вы только на него посмотрите, а? Ринулся убивать лучшего друга, исполняя клятву, данную императору, а про поминальную закуску не забыл! Какой, однако, дальновидный темный.

Глядя на то, как споро смуглый готовит то ли завтрак, то ли ужин, я поняла: собственная смерть не только жутко изматывает, но и награждает волчьим аппетитом. Теперь ясно, отчего зомби такие кровожадные.

— Джером, а ты не слышал о том, что на свете есть белый танец? — издали начала я.

Темный замер с недочищенной репой в руках и осторожно ответил:

— Это когда лэриссы приглашают на паркет тех, кто не успел вовремя смыться?

— Да, — кивнула я. — А есть еще белый стол: когда дамы берут со стола все, что есть. Посему у тебя сейчас будет выбор: согласиться со мной вальсировать или накормить ужином.

Смуглый сориентировался быстро: лишь глянул на хмурого Эрриана, и на столе появилась еще одна тарелка — для меня. А что? Я и дама. И хозяйка. И вообще это моя репа!

Пока же смуглый был занят готовкой, мы с Эррианом переоделись. Я в кои-то веки надела штаны и рубашку, Эр натянул то, в чем, собственно, пришел «читать конспект». А потом был быстрый перекус и совещание, на которое подоспел и Астор. Он ударил в дверь кулаком с криком:

— Джер, ты там еще живой или мне за тебя уже можно мстить?

Я было ринулась открывать, но Эрриан меня опередил. Ох, чую, еще не скоро после сегодняшней ночи смогу встречать гостей. Если, конечно, оно будет, это «завтра».

Но за порогом убийц не обнаружилось. Лишь обеспокоенный рыжий. Увидев Эрриана, он выхватил кинжал, но потом сообразил, что противник не безумен, а Джером — жив, и опустил оружие. Рыжий так и не узнал, что был на волосок от смерти: за спиной Эрриан тоже держал нож.

— Я думал, ты уже покойник, — протянул Астор. — Джер словно с цепи сорвался из трактира. Помчался в ночь с криком, что все же Эйта победила и ему нужно срочно тебя убить.

— Увы, к моей радости, пока еще нет, — криво усмехнулся Эрриан и посторонился, пропуская рыжего внутрь.

Когда мы принялись за обсуждение, за окном колокол ударил четыре раза, возвещая, что рассвет уже близок.

— Ты уверена, что все произойдет именно сегодня? — в который раз спросил Астор, глядя на расстеленную на столе карту.

— Думаешь, госпожа Смерть прибыла заранее, за пару дней или еще лучше — за седмицу, чтобы сначала посетить местные достопримечательности, познакомиться с традициями Хеллвиля.

— Сжигать ведьму, например, — не удержался Джером. — Очень хороший обычай.

Ехидный змей! Впрочем, я тоже была далека от состояния благодушия. Да что там... Если откровенно — настолько зла, что, появившись на пороге моего дома сейчас болонка Громовержец и начни тявкать, я бы его перетявкала. Посему мысленно пожелала пожирателю большой любви. Ну чтобы она была пудов этак на пять и смуглый нес ее от алтаря (или где там заключают браки темные) на руках. Правда, сделала это мысленно. Но, видимо, моя коварная улыбка меня все же выдала. Во всяком случае, я удостоилась крайне подозрительно взгляда смуглого.

— Насколько хорошо просматриваются окрестности с колокольни? — задал вопрос Эрриан.

— Диспозиция огородов, которые за стеной Хеллвиля, видна превосходно, — заверила я, стараясь вложить в ответ хоть толику оптимизма. — А вот дальше — не факт. Болота все же медленно отступали, и на их окраинах уже вырос пусть небольшой, но лесок, в котором под покровом ночи можно и небольшую армию спрятать. Как темную, так и светлую. И с восходом солнца они рванут навстречу друг другу, заодно стерев с лица земли Хеллвиль. Потому что у нас даже стен нет нормальных, чтобы выдержать натиск.

Нет, каменная кладка, конечно, имелась. Но то — от нежити, у которой нет осадных таранов, лестниц и стрел.

— Хорошо защищена та крепость, которая окружена стеной из воинов, а не из кирпича, — возразил Джером.

— Тогда нам точно крышка, — подытожила я, выразительно глянув на «воинство».

Хеллвиль был тихим городком. Тут не имелось своего военного гарнизона. Да, стражники были, и пара дознавателей, и мэр, и храмовник, и кузнецы, и торговцы, и гончары, и скорняки, ткачи, пекари... Мирные люди. Которые сегодня смотрели, возможно, свои последние в этой жизни сны.

— Итак, есть идеи, как это все остановить? — наконец нарушил тягостное молчание Эрриан.

— Надо будить город, — отрубил Астор.

— И что нам это даст? Панику? — насмешливо осведомился Джером.

— Если все равно умирать, так пусть хотя бы с оружием в руках, — парировал рыжий. Он был светлым и рассуждал, как светлый.

— То есть вариант «свалить» ты вообще не рассматриваешь? — уточнил смуглый.

— И как ты себе это представляешь? Ночью под носом у двух армий тихо-мирно сваливает в болота целый город? — скептически изогнул рыжую бровь Астор.

Да уж... Местная нежить может не только обрадоваться, но и испугаться — сразу столько агрессивно настроенной еды она еще не видывала. И если матерые воины, закаленные в боях, смогут пройти сквозь топи, прокладывая себе путь огнем и мечом, то мирные жители — вряд ли.

Эрриан, видимо, подумал так же и скомандовал:

— Будите.

Астор и Джером переглянулись и... слаженно кивнули. Спустя некоторое время с площади донесся звук набата.

А я свернула карту и вздохнула:

— Хеллвиль еще ни разу за его историю не осаждали. Да сюда раньше даже армия, пока болота не отступили, подобраться не смогла. Вся полегла.

— И где эта армия теперь? — как-то подозрительно вкрадчиво уточнил Эрриан.

Я прикинула число голодной нежити, глубину топей и ответила честно:

— Понятия не имею. А к чему вопрос?

— К тому, что если поднять всю эту армию... — начал было темный.

— Опустим то, что некромантия на территории Светлых земель противозаконна. Закроем глаза на то, что этим трупам триста лет в обед. И это отнюдь не фигура речи. Плевать на то, что мы толком не знаем, где искать это воинство, как продраться через кордон войск. У меня единственный вопрос: как? Как ты себе это представляешь, если под нами залежи гарлия. Один раз опустошишь резерв — и будешь новый наполнять целый месяц. А то и два.

— Наверняка залежи неоднородные. Где-нибудь на возвышенности точно есть брешь, и там, могу поспорить, будет выход магической жилы на поверхность, — упрямо возразил Эрриан.

Я всего на миг представила, что темный прав. Вдруг пласт гарлия неравномерен, и где-то есть окно. Да нет... Бред. Если бы оно было, то из жилы магия была бы вверх на огромную высоту. Это как если проткнуть бурдюк с водой и надавить. Брызнет же. Гарлий — как раз стенки этого самого бурдюка. Такого бурдюка размером со всю Шумерлинскую топь. И пока из него нигде «не сочтется».

— Нет тут никаких выходов жил, — покачала я головой. — Ни одной.

— Ты уверена?

— Нет. Но там, где я была...

— А где не была?

Эрриан вновь растянул многострадальную карту на столе. На ней тут же появились отметины углем: путь самого темного до Хеллвиля. А затем уже я нарисовала кружочки — места, в которых нежити, по моим наблюдениям, было особенно много или чаще всего случались нападения чужаков.

Обозначила место, где могла полечь армия Аврингроса Второго. Аж три варианта. Нарисовала там крестики. Эрриан тут же хмыкнул, что символично. Я возразила, что, вообще-то, я оптимистка и это не крестики, а плюсики, только очень косые.

Синхронно склонившись над нашим совместным творчеством, мы увидели лишь один участок, оставшийся абсолютно без внимания: центральные, самые глубокие болота.

— Эр, там вряд ли есть «окно», — устало сказала я и, сев на табурет, подперла подбородок.

— Если нет, то мы его прорубим!

Оптимизм темного можно было использовать вместо тарана.

— Топорик в чулане, — ехидно отозвалась я и кивнула на неприметную дверку под лестницей.

Подозреваю, что под «прорубить» Эрриан имел в виду магией, но где ж ее взять? Сомневаюсь, что для этого сгодится заклинание «Коронарный разряд», способное запустить остановившееся сердце вновь. К слову, я им неплохо владела. Что же до атакующей магии — то с новыми силами я в ней

была не уверена. У Джерома резерв на нуле. А Эрриан ныне у нас был темным целителем. Да и гарлий этот опять же. В общем, на чары я сильно не рассчитывала.

Я огляделась вокруг, мысленно прикидывая, что может пригодиться?

Спустя четверть удара колокола мы вышли в предрассветную тьму. Моя метла приказала долго жить после полетов по храму. Потому на роль почетной летунии была выбрана обыкновенная. Уже по традиции умыкнула я ее от ворот гробовщика. Правда, пришлось влить в новую метлу изрядно энергии, а потом еще и «объезжать». В процессе полета.

Но пока мы с темным, ничего не подозревая, оседлали черенок. Я, к несчастью, спереди. И едва взмыли над снегом, как эта пакость с прутьями решила показать свой норов. Что могу сказать? Мой словарный запас обогатился новыми, яркими матерными выражениями.

Мы вихрем пронеслись по улице. Под нами были люди. Много. С факелами и в ночных колпаках. В расстегнутых тулупах и кожных. Но всех их объединяло одно — страх. Хеллвильцы, кажется, даже не заметили нас на метле. Ну разве что мой старый поклонник — старик-аптекарь выпучил глаза и ткнул пальцем в небо. Но его крик «ведьма!» потонул в гвалте толпы, которой было сейчас важнее другое: новость о битве вошла в Хеллвиль, как горячий нож в масло, перебудоражив горожан.

Промчавшись стрелой над площадью, мы понеслись дальше. Ветер трепал мои волосы, сильные руки Эрриана держали крепко, не давая упасть. Даже когда нас закрутило в штопор, и небо с землей начали стремительно меняться местами. Я в полной мере ощутила себя колесом телеги, осью которого был черенок, демоны ее раздери, метлы.

— Берегись! Влево! — крикнул Эрриан, дернув летунию.

Я увидела колокольню в последний момент. Если бы не рывок темного — было бы на ней поутру два красивых пятна. А так — лишь покосившийся флюгер.

— Магда, дорогая, нельзя ли чуть помедленнее? — поинтересовался темный. — А то, знаешь ли, я не хочу сломать себе шею столь позорным образом.

— Я не могу совладать с этой заразой, — крикнула я, вцепившись в черенок.

— Ты же лекарь. Зараза — это твой профиль, — донеслось до меня.

— Я ведьма! — возразила из чистого упрямства и все же смогла направить метлу за городскую стену.

Не знаю, что подумали дозорные обеих армий, если видели (а они наверняка видели!), как двое чокнутых, объезжая новую метелку, словно та была молодой норовистой кобылой, летят по направлению к топи. Но во всем этом был один большой плюс — даже самый меткий и терпеливый стрелок, глядя на эти кульбиты, плюнул бы и, психанув, сломал бы свой арбалет.

Паразитка с прутьями пыталась от нас освободиться всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Она то взвивалась свечкой, то пикировала вниз, дергалась из стороны в сторону или резко сдавала назад. Я не могла предугадать, где и в какой позе мы с Эррианом окажемся в следующий миг. Стрелки, подозреваю, и подавно.

Зато как-то незаметно мы преодолели первый пункт плана «прорваться через линию обороны». Правда, незаметно лишь для меня. Лунный успел разглядеть и то, как расположена армия темных, и число воинов, и даже то, что там есть твари Мрака — милые такие зверюшки, которые сметают все на своем пути.

Мы уже были далеко от Хеллвиля. Под нами чавкала, булькала, пускала пузыри в незамерзающих бочагах, а кое-где и белела обманчивым настом топь. Я выдохнула. Резерв опустел наполовину. Если и дальше так пойдет, то нам действительно понадобится топорик. Хотя бы для того, чтобы отбиваться от нежити. Той хоть и не было пока видно, но я печенкой чуяла — она тут, и только того и ждет, когда мы спустимся.

— Магда, — раздалось над ухом вкрадчиво, — если мы все же выживем, клянусь, я не удивлюсь ни одному твоему штрафу за вождение метлы.

Вместо ответа я пошла на снижение. Кажется, мы были как раз в том самом центре. Мы зависли в десятке локтей над свинцовой гладью. Я не знала, как Эрриан собрался где-то здесь искать выход магической жилы, а тем более прорубать окно в гарлии. Шибануть в болото магией? Так руда проглотит ее без остатка.

— Сможешь оценить фон? — деловито спросил темный.

Я не стала возражать. Я выбрала этого сумасшедшего. А он — свою чокнутую ведьму. И единственное, что мне осталось этим утром, — доверие. И ополовиненный резерв, который медленно, но верно таял.

Заклинание дымкой расползлось окрест. Фон был везде низким. Кроме одной кочки. Я сначала не поверила глазам. Там и вправду в предрассветных сумерках словно вился дымок — это струилась магия. Совсем немного. Даже не тонкий ручеек — так, капли. Но какой силы должен быть источник под пластом гарлия, чтобы его отголоски сумели пробиться наружу! А если представить, что руда под собой тысячелетиями сдерживала магию, не давая ей свободно циркулировать...

— Ты был прав. — Я радостно обернулась к Эрриану и...

Именно в этот момент метла решила нам отомстить. И за укрощение, и за дважды обокраденного гробовщика. Резкий рывок — и мы оказались в болоте. Тут же где-то вдалеке в воду нырнула здоровенная бородавчатая тварь. «Мошинский шушрон», — машинально отметила я, подивившись тому, что на нашу голову свалилась еще одна реликтовая нежить. И сейчас вместо того, чтобы тратить резерв на гарлий, нам придется сражаться с этим шушроном. И, судя по тому, как быстро оживала топь, не с ним одним.

— Магда, как ты смотришь на то, чтобы провалиться в Бездну? — спросил меня на полном серьезе Эрриан.

Нет, я слышала о выражении «вали во Мрак», которое считалось у светлых крайне оскорбительным.

— Я бы желала, чтобы туда провалилась вся эта топь, — сплюнув болотную жижу, попавшую мне в рот, ответила я. Барахтаясь и чувствуя, как меня засасывает.

— А почему бы и нет? — с шальной улыбкой ответил темный. — Хватайся за мою руку. Сейчас я создам каркас заклинания. Влей в него Тьму. Воды у нас тут предостаточно, думаю, что перегрев нам не грозит.

Я не успела ни о чем спросить, как Эрриан свободной рукой начертил в воздухе матрицу. А я послала в нее весь свой резерв. Просто доверившись. И... То, что я в академии считала сквернословием, вовсе не фигура речи. Мы действительно провалились во Мрак. А вместе с нами — и целое болото!

Вот уж не думала, что стану той, кто зальет вонючей болотной жижей соседей снизу. Да еще каких соседей — демонов Мрака. Надо бы сделать пометочку — сюда больше не спускаться. А то убьют ведь и не заметят. Причем они и сейчас готовы были пришибить двух наглецов. И пришибли бы. Если б поймали.

— А теперь уходим!

Рывок вверх. И Эрриан уже помчал меня куда-то в черный туман.

Еще одна матрица авторства Эрриана, напитанная остатками моей силы, — и мы вывалились из Мрака.

Я закашлялась. Горло нещадно драло, запах серы и пепел, казалось, напрочь его забили. И только откашлявшись, я поняла, куда мы попали — в то же болото. Вот только мы стояли на его дне. Илистом, но дне. И воды было по щиколотку. Но она медленно начинала прибывать. А рядом с нами зияла воронка. И из нее режущей струей вверх вырывалась магия. Сила, что тысячи лет была под непроницаемым пластом руды, сейчас стремилась наружу. Сырая, дикая, необузданная. Убийственная в своем напоре.

— Я просчитался, — тихо сказал Эрриан.

Он смотрел на эти острые, словно клинки, струи магии и так же, как и я, понимал, что попробовать зачерпнуть ее сейчас — чистое самоубийство.

И тут до нас донесся протяжный далекий звук рога — сигнал атаки. Не успели.

— Магда, — руки Эрриана обняли мое лицо, — еще есть шанс. Просто знай, что бы ни случилось, я люблю тебя. И всегда буду любить.

А потом он шагнул к источнику.

Он сделал свой выбор: помешать войне любой ценой. Ведь именно так они, великие войны, и начинаются. С одного сражения. У богами и демонами забытого городка, мелкого гарнизона или на краю топи. И эта стычка станет той маленькой трещинкой, которая перерастет в раскол. А ведь темные и светлые только стали сближаться. И Эрриан это понимал лучше меня, шагнув в смерть.

Меч Властелина, который жертвовал сейчас собой не ради владыки, а ради своего и моего народа. Простого народа.

А я... Я просто ненавидела владык, что умостили свои зады на троны по обе стороны Серебряного хребта. Из-за их алчности, желания обладать залежами гарлия сейчас умирал тот, кого я любила.

А потом земля дрогнула. Словно в то место, где стоял, погрузив руки в источник, Эрриан, ударил огромный кулак. Вода, стекавшая в котловину, пошла вспять. А даже я услышала зов.

Далеко. Казалось, на другом конце бескрайней топи из трясины вставали они. Скелеты. В полусгнивших латах, с ржавыми мечами. Вставали и шли. Бежали. Мчались. По последнему приказу темного целителя, который создал идеальное в своей красоте и лаконичности черное плетение. Да, у Эрриана была светлая мета, но ровно до того момента, пока он не пропустил через себя силу источника, которая и выжгла мою звезду. А у дикой магии не было цвета. Потому ее так и называли — дикая.

А Эрриан все черпал и черпал силу, которая проходила сквозь тело, выжигая его. Как слишком сильный напор воды размывает узкое русло реки, выбивая с мест даже гранитные глыбы. А поток магии был демонски сильным.

Эрриан пошатнулся и упал, потеряв связь с источником. А я рухнула рядом с ним на колени.

— Только не уходи. Слышишь? Я с тобой не только в безумие отправлюсь, но и за грань. Чтобы испортить тебе и посмертие. Даже не надейся от меня избавиться так просто! — закричала в отчаянии.

Улыбка озарила его бескровные губы.

— Я же обещал всегда быть с тобой. И буду. К тому же нужно привести эту мертвую армию к победе. — И на этой патетичной ноте этот... бессовестный темный отрубился.

Лишь знания целителя помогли мне не сойти с ума. Это был глубокий обморок. Крайняя степень физического и магического истощения, но не смерть.

А черный вихрь на моей руке ластился к своему хозяину. Я не умела, как темные, менять меты, но отдать Эрриану последние капли своей силы могла. И отдавала. Ухватившись за призрак надежды: может, все же...

Темный открыл глаза. Его расширенные зрачки медленно сфокусировались на мне. Это намного позже я поняла, что только благодаря своей «бракованности» Эрриан смог выдержать бешеный поток энергии, который прокачал из источника через себя. Ведь телохранителей императора растили не только воинами, но и магами. Эксперименты с резервами юных чародеев в цитадели позволяли расширить их в несколько раз. А то, что многие из одаренных мальчишек при этом умирали... Так темному властелину нужны были только лучшие.

Но пока я о том не думала, я просто радовалась, что мы живы. А гул, сотрясавший топь, все нарастал. Илистое обнаженное дно вздрагивало студнем.

— А вот и конница... — протянул темный, чему-то усмехнувшись.

Спустя несколько мгновений я и вправду увидела первого мертвого всадника на его скакуне.

Наездник был гол. Абсолютно. Ни лат, ни кожи. Лишь кости. Возможно, это даже не воин светлых. Да и вообще, судя по грудной клетке, скорее тролль. И восседал он на хитиновом панцире, что остался от некогда гигантской шенэри. Ее шесть членистых лап неспешно передвигались, жвалы щелкали, а шипастые выросты панциря не утратили своей остроты. Торф, что налип на бока твари, без слов объяснял, отчего она и ее всадник, несмотря на время, сохранились, не обратившись прахом: наверняка провалились в сфагновое болото, где под водной толщей нет доступа кислорода, и плоть переживать там может столетия. Вот и дождалась.

— Ты что, поднял всех мертвяков топи? — ошарашенно глядя на первого всадника и тех, что вновь и вновь появлялись за его спиной, спросила я.

Здесь были и тролли, и гномы с топорами, и даже пара гарпий скалила на нас свои черепа с провалами глазниц.

— Обижает, — хмыкнул маг. — Только разумных.

Я выразительно посмотрела на шенэри, потом на смердящую полуразложившуюся тушу живоглота, на уже знакомую благодаря кочерге, торчащей из раздувшегося синюшного пуза, стрыгу...

— Хорошо, и условно разумную тоже, — сдался Эрриан и с трудом, не без моей помощи, поднялся.

Темный оглядел замершее воинство. Дохлое воинство — его.

Я почему-то зацепилась взглядом за групп эльфа, который восседал на загривке дико смердящего вепря. М-да. Даже в посмертии остроухий остался верен себе: прямая осанка, надменные, холодные жесты. Ну и нагрудник с изображением мирового древа был старательно оттерт. Спрашивается: ну кто, собираясь в топи, напялит на себя эту вычурную пакость, которая вовсе и не броня, а украшение? Правильно, только эльф.

Но от созерцания меня отвлек Эрриан, он начал падать. Пришлось подпереть этого полководца, пока не упал в грязь снова. А темный молчал. Дохлое воинство тоже. Но оно, подозреваю, по причине весьма прозаической: голосовые связки сгнили.

Эрриан выдохнул. Я приготовилась выслушать какую-нибудь проникновенную речь или... ну не знаю... напутствие. У меня не было опыта в предотвращении мировых войн, потому я слабо представляла этот процесс. В частности, этап, на котором военачальник пламенной речью вселяет в души воинов отвагу и храбрость.

Воины у нас были. Но души у них не было. А у нас — резвой лошадки, на которой командующий армией должен рассекать перед ратными рядами и горланить вдохновенную речь.

Впрочем, Эрриан не подкачал. Его спич был коротким:

— Упокоим всех, кто в доспехах! — гаркнул темный.

Ему ответил дружный гвалт и одобрителное бряцание. Мечи стучали о щиты, голые черепа — о снятые ради такого случая шлемы.

Судя по всему, сестра таланта сегодня не просто посетила Эрриана, но и благословила его.

Армия воодушевилась. Армия помчалась к Хеллвиллю, едва не затоптав своего полководца — мы еле успели вскочить на хребет дракона. Кстати, этому ящеру повезло гораздо меньше, чем шэнери: его кости были выбелены и сточились от времени. Летать он уже не мог, но благодаря магии, влитой Эррианом, по болоту передвигался весьма сносно, а главное — быстро.

Мертвая армия вышла из болот ровно в тот момент, когда сошлись Тьма и Свет. Два воинства ударились друг в друга бешеными волнами. А Хеллвиль оказался между ними, зажатый в тиски сражения. Город оборонялся, как мог: закрытыми воротами с опущенной решеткой, ощерившимися стрелами с зубцов стены. Но насколько этого всего хватит? Удар колокола? Или меньше?

С правого фланга были отряды Аврингроса, слева — темного владыки. Ровно между ними — городок, а из болотных кустов на все это взирала армия нежити. Правда, недолго взирала. Пару мгновений. А потом молчаливо ринулась в атаку.

Такого вероломства от Шумерлинской топи не ожидал никто. Ни светлые, ни темные. Ну разве что хеллвильцы. Местные, закаленные болотной нежитью, несгораемой ведьмой и неубиваемым новым градоначальником, даже воспрянули духом. Во всяком случае, только они радостно заорали со стен. Хотя почему-то кричали «проклятая ведьма и архов темный!», но радостно же! С матерком, но радостно.

А мертвая армия между тем вгрызалась в армию живую. Жвалы шэнери, которыми тварь размахивала из стороны в сторону, откидывали людей, как тряпичных кукол, расчищая путь зомби, идущим следом. Полуистлевший эльф на вепре, не иначе как из чувства противоречия крушил врагов выборочно: почему-то светлых.

Послышался сигнал горна и... все стало не столь радужно.

— Берегись! — крикнул Эрриан за моей спиной.

Мы сидели на шее драконьего скелета, который резко встал на дыбы. А все потому, что темные, чтоб они в Бездну провалились, выпустили тварей Мрака. Светлые от них не отстали — в небо взмыли драконы в своей крылатой ипостаси.

Но главное — воины двух противоборствующих армий действовали заодно. Сейчас не было сражающихся под белым и черным стягами. Были люди. И была нежить.

Это потом дипломаты и новостники назовут эту битву спланированными совместными учениями. Это спустя время сражение при Хеллвиле войдет в историю как первое крупномасштабное дружественное объединение темных и светлых. Но сейчас страницы той самой истории будущего писались магией, кровью и жизнями.

Пока же Хель пировала, собирая свою жатву. Небо и землю рассек рев дракона, выжигающего

полосу. В огне сгорали мертвые, а вместе с ними — и людская алчность. Но вот новый вираж матерого дракона — и копьё, пущенное рукой тысячелетнего тролля, пробило ему крыло. Ящер кувыркнулся в полете и грохнулся на землю.

Тварь Мрака, страшная, щерившая клыки, с огненным загревком и шерстью, из которой торчали ядовитые иглы, была сильна. Но уже умершим не страшна смерть. А еще поднятых Эррианом мертвецов было больше, куда больше.

Кажется, только сейчас командующие поняли, что эту битву не выиграть. И обе стороны протрубили сигнал к отступлению.

На исходе дня, когда белый снег стал багровым от крови, Хеллвиль вывесил белый штандарт. Подняли решетку, открыли городские ворота, и через них вошли те, в чьих силах было как развязать новую бойню, так и заключить мир.

Командир темных — Тизар. По словам Эрриана, он был главнокомандующим темного владыки. Я же смотрела на лицо, рассеченное шрамом, и думала о том, согласится ли этот маг заключить мир. Как и Минос — генерал, чьи воины шли под белым знаменем.

В ратуше принимал их Эрриан, как глава Хеллвиля. Уже не темный. Но и не светлый. Единственный маг без меты. Но ему подчинялась армия, которую не под силу было поднять ни одному некроманту. И притом клинки мертвых могли обернуться не только против детей Света, но и сынов Тьмы.

Требования главы Хеллвиля, хозяина удела Гейзлорру и владетеля Шумерлинской топи были просты и кратки: полная независимость его земель от притязаний обоих императоров.

Мы были в приемном зале. Шестеро телохранителей и по командующему с каждой стороны. Мы с Эррианом. Джером, баюкавший в лубке руку, Астор со свежим шрамом у виска. Невестка как просочившаяся Мажета, единственный хеллвильский судья господин Тортиш, начальник местного отдела дознавателей фьерр Сине и отец Панфий.

— Что ж... — веско начал генерал Минос, скользнул взглядом по Астору и, узнав его, прищурился, — ваши требования весьма категоричны.

Последовала пауза, во время которой тревога проснулась во мне и, словно кобра, подняла голову и раздула капюшон, заставив меня всю подобраться.

Может, поэтому я и увидела, как взгляд Миноса на сотую долю мига метнулся в сторону, и успела среагировать. А дальше произошло сразу несколько событий.

— Убить! — приказ генерала.

И тут же — арбалетный болт, летящий прямо в грудь Эрриана. Мой толчок — и вот мы с темным уже лежим на полу. А в груди отца Панфия красуются сразу и кинжал, и метательная звезда. И если вторая сорвалась с пальцев Астора, то кинжал был презентом Джерома. Так я узнала, что темному, чтобы вручить подарок, даже перебитая рука не помеха.

Зато дальнейшие переговоры прошли гораздо живее, бодрее и спокойнее. Главное, две стороны согласились на уступки. А Эрриан умудрился выбить моральную компенсацию за неудавшееся на него покушение и требовал полное досье на уже покойного агента Панфия.

Полного конечно же не дали, но, забегаая вперед, скажу: чтение оказалось увлекательным. Пару лет назад светлые действительно обнаружили залежи гарлия в Шумерлинской топи. А затем и разведка темных — информацию об оном в тайниках светлых.

Действовать обе стороны поначалу решили осторожно. В Хеллвиль под прикрытием прибыл агент Панфий, который должен был наблюдать и тихо устранять темных, если те объявятся, пока ведется тайная подготовка к разработке месторождения на спорной территории. К слову, и Магду Фокс храмовник хотел отправить за грань. Но, как оказалось, мы вовремя успели договориться, и моя тайна, которую он узнал, по факту спасла мне жизнь. Будь я настоящей темной ведьмой — сгорела бы при первом же сожжении.

А вот с прибытием темных... Вызов демона, гримы, зелье безумия в трактире, из-за которого Джерома и Эрриана чуть не убили, — все это было деяниями святого отца, который неплохо маскировался под темного мага, используя запрещенные амулеты.

Читая отчеты Панфия, сожалела лишь об одном: почему я раньше не обратила внимания на то, что все случаи нападения связаны с храмом? Панфий не пожалел даже своего служку, вселив в него инкуба.

И все ради того, чтобы удержать в Хеллвиле власть светлых. Но шпиону это оказалось не по силам,

и, пока он вел свои игры, к границе с обеих сторон подтянулись отряды.

Видимо, месторождение было очень внушительным, раз ради него императоры решили рискнуть миром. Но, не одержав победу, сделали то, что умеют лучше всего делать политики: извернуть правду так, чтобы для народа она была красивой и правильной. Например, чуть было не начавшаяся война двух империй стала совместной дружественной военной операцией против восставшей нежити.

Правда, в учебниках по некромантии в параграфе «резервы магов смерти» появилось примечание: максимальная пропускная способность резерва при подпитке дикой силой составляет сто двадцать единиц. И в скобочках «но не для телохранителей темного владыки».

Но это все было потом. Пока же, после двух седмиц совещаний, дюжины склеивших лапы вестников, которые целыми стаями носились в Йонль, Тайру и обратно, все же была подписана Хеллвильская хартия.

Согласно оной полоса земель между Темной и Светлой империями, именуемая Шумерлинской топью, отходила во владения независимого княжества Гейзлорру. Надо ли говорить, что с обеих его сторон тут же появились две шахты по добыче гарлия: одна — со стороны светлых, другая — со стороны темных.

Сдается мне, что лет через триста два рудокопа встретятся под землей, ударят кирками друг о друга и завершат наконец дележ того, что так и не смогли (а точнее — не позволил один темный целитель) располовинить их предки.

Эпилог

— И все-таки звезда, — печально глядя на свое предплечье, выдохнул Эрриан и опустил рукав.

Я лукаво на него взглянула. В камине, перед которым он сидел, уютно полыхал огонь, нежно обнимая смолистые поленья, и беды прошлого стекали в забвение. За окном догорал осенний закат, окрашивая золотую листву в пурпур.

— А ты надеялся, что после сожжения она изменится на чернокнижную? — дразня, я показала запястье, на котором танцевал черный вихрь.

Мета Эрриана все еще не иницировалась полностью. Я уже успела выйти замуж, забеременеть, а супруг — почувствовать все радости отцовства и даже признаться, что с его наследником хлопот ничуть не меньше, чем с темным властелином (последнему он хотя бы пеленок не менял). А мета все никак не могла замереть и потихонечку росла.

— Ну, какой из меня целитель? — вздохнул светлый... уже светлый маг. — Я только вправить сустав могу. Или рану зашить. Или кости сложить. И то лишь потому, что у меня большой опыт в том, как их сломать...

— Вот видишь, ты уже многое умеешь! — Сев на подлокотник кресла, я обняла мужа. — За остальным дело не станет! Ты же как-никак теперь принадлежишь к семье потомственных целителей.

— Магда, я, вообще-то, в жены ведьму брал, — напомнил Эрриан.

— Ты не брал, а нагло своровал. А Джером и Астор стояли на стреме.

Я вспомнила, как в одну весеннюю ночь, когда Эрриану надоело слушать мои «подожди, мои родители приедут, и сыграем свадьбу, запишем имена в приходской книге и осчастливим наконец весь Хеллвиль», — он просто выкрал меня. Новый священник к тому времени был уже умыкнут и стоял на площади. Ровно на том месте, где обычно сжигали меня. Кстати, и зрители были. Те же. Толпа радостно взирала на злую ведьму в фате и халате, на молодого храмовника, но более всего — на бочонки с вином, которые по этому случаю выкатили из трактира госпожи Брас.

Я осмотрела эту ораву, жаждущую халявы... простите, зрелища, и поняла, что свадьба состоится, даже если я буду всю ночь напролет голосить «не-э-эт» у алтаря. К слову, алтарь тоже был сперт Астором из храма, куда мне, как темной, вход был закрыт.

Справедливости ради надо сказать, что число горожан за время, которое прошло с момента подписания мирного договора, заметно выросло. В Хеллвиль устремились свободные чародеи, охотники на нежить и нежитезащитники, прослышавшие о том, что Шумерлинская топь — кладезь реликтовых тварей. Темные и светлые. И то, что они при этом не поубивали друг друга, было исключительной заслугой Эрриана. Мир дался ему железной волей, несгибаемым характером и нервно дергающимся глазом.

Но так или иначе, именно Хеллвиль стал городом вольных чародеев, где цвет магии не имел значения. Именно об этом думала я, глядя на людское море, освещаемое факелами. А вот Эрриан думал исключительно о церемонии и ловко, пока я ошарашенно вертела головой, застегнул на моих руках брачные браслеты.

Мажета попробовала под шумок следом за нами использовать служителя храма повторно: женить на себе Джерома. Но не тут-то было. Темный заявил, что да-да, он согласен, вот прям сейчас, только сходит за угол штаны подтянуть. Ну и сходил.

Стражники говорят, что видели, как пожиратель душ вместе с рыжим промчались в западные ворота. На горе Мажете и на радость неприятностям и приключениям, которые этих двух друзей, я думаю, заждались.

Из воспоминаний меня вернул лязг. С учетом того, что ныне мы жили в особняке, и каминный малый зал находился на втором этаже, а звук доносился с кухни, я впечатлилась. Только один котелок во всем мире мог так громко буюнить.

Когда мы с Эррианом подходили к кухне, то увидели картину: перед закрытыми дверями стояла, вжавшись в стены, прислуга.

— Что там происходит? — нахмурился Эрриан.

— Эк-к-кзорцист, — ответила одна из служанок, кстати, уроженка Темных земель.

— Но я не вызывала экзорциста... — протянула я, растерянно глядя на Эрриана.

Судя по выражению его лица, он — тоже. А поскольку непонятных вещей муж не любил, он открыл дверь и...

— Это я вызывал! — проревел демон из кухни.

А мы узрели совсем еще юного, растерянного мальчишку-экзорциста, который, кажется, сам не поверил случившемуся. А из котла меж тем прогудело:

— Я не могу больше в этом проклятом котле быть! Я хочу, как и вы, семью, детей! Рыжих, пушистых детишек! А в этом чугунном теле я до моей истинной пары не доберусь. Вот и попросил подсобить... — После этих слов я увидела, как из котла вылезает болотный рептилус.

И тут я поняла две вещи. Первое: отомщена. Второе — Эйта, сломавшая инкубу некогда рог, покорила его черное сердце. А значит, она крупно попала.

Примечания

1

Объединение чародеев, во главе которого двенадцать сильнейших архимагов.

2

Маг с метой проклинателя.